

До самой СМЕРТИ

ТОМ 1

Автор бестселлеров «USA Today».

БЕЛЛА ДЖУЭЛ

👑 Books for young 👑

Книга: До самой смерти

Автор: Белла Джуэл

Серия: До самой смерти — 1

Переводчик: Наталья Соколовская (пролог-5), Луч света (6-30)

Редактор: Султана

Вычитка: Яна Газиева

Обложка и оформление файла: Вета Светлова

Пролог/Катя

Позвольте рассказать вам историю. Это одна из тех истории, которая заставить вас ненавидеть так сильно, что опалит вашу душу. Возможно, даже заставит вас возненавидеть меня. В конце концов, я вышла за него замуж.

Точно, за Маркуса.

Мужчину, вошедшего в мою жизнь словно ураган, перевернувшего её, посадившего на свою ось. Мужчину, которого я люблю так сильно, что он оставил на мне незаживающие шрамы. Он тот, кто разрушает жизни, и в то же время делает их прекрасными. Мой Маркус изменит ваш мир тоже. Если вы ему позволите.

И вы ему позволите, ведь у него свой способ.

Я люблю его так, что это отравляет меня. Я знаю это. Несмотря на то, как сильно моё сердце кричит о том, что что-то не так, я не могу остаться в стороне. Маркус жёсткий, задумчивый: он не мягкий и не ласковый, но, когда он глубоко во мне, очень глубоко, я чувствую его. Я чувствую всё, чего он мне не показывает. И это удивительно. Также как он пробрался мне под кожу и остался там.

Что началось как приключение на одну ночь, быстро превратилось в мой мир. Я не могу вам рассказать, как это произошло или даже почему. Я просто знала, что мне будет его недостаточно. Неважно, что он сделал. Прежде чем я узнала это, мы уже поженились. Через неделю я переехала к нему. Все в моей жизни были счастливы за меня. Наверно, кроме Маркуса. Он остался таким, каким был: невозмутимым и сложным, таким сложным, что мне не пробиться.

Они говорят, что твоё тело скажет, когда будет опасность — оно гудит с осознанием. Они могут быть правы. Я чувствовала это: я предчувствовала дерьмо и знала, в тот момент, когда я вошла в мир Маркуса, он собирается забрать мою душу и, вероятнее всего, разрушить её. Я влюбилась в человека, в которого большинство женщин не влюбились бы, потому что он источает боль. Он не тот тип парней, что дарят цветочки-и-сердечки, не обнимает вас, не зовёт вас милыми именами, не заставляет вас чувствовать, словно вы единственная причина, которой он дышит.

Приняв все это, я стала девушкой, о которой все говорят — вы знаете её. Девушкой, которой вы качаете головой, задаваясь вопросом, почему она осталась или почему она с ним. Почему она такая глупая? Что вообще она смогла увидеть в таком придурке, как он? Да, это я. Хотя сначала я этого не понимала. Я влюбилась в дьявола. Я не знала это в то время: даже если бы узнала, я бы не смогла что-либо изменить. У меня заняло время, чтобы разглядеть, кем на самом деле был Маркус: увидеть, что моя любовь была односторонней.

Но вот что на самом деле было. Любовь. Глубокая, связующая любовь, которую я не могу отпустить.

Он поглотил меня. Он взял моё сердце в свои руки и держит его.

Я никак не могу отвернуться от него.

Та Катя, которая есть сейчас, она исчезнет в мире боли и лжи. Её больше не будет. Он заберёт меня и изменит мой красивый мир на уродливый. Такой отвратительный, что он погребет меня очень глубоко. Велик шанс, что я не никогда не выберусь оттуда целой и невредимой.

Но я зашла слишком далеко. И я хотела бы начать рассказа с самого начала.

Глава 1/Тогда/Маркус

Мои пальцы барабанят по тёмному сосновому столу, пока я наблюдаю за лысым, кислотицым адвокатом, который гудит, пока зачитывает завещание деда. И меня вызвали, чтобы я услышал это завещание. Старый ублюдок ненавидел меня, но он всё же решил, что я достаточно хорош, и включил меня в своё драгоценное завещание, то самое, о котором мечтает вся семья. Каждый хочет кусочек.

— Мистер Тандем, спасибо, что пришли сегодня.

Выражение моего лица не меняется, пока адвокат говорит: его голос низкий и профессиональный. Он смотрит на меня, когда я не отвечаю, поджимая губы, пока рассматривает меня.

— Мы можем покончить с этим? — спрашиваю я, меняя тему. — У меня есть дела.

Он прокашлялся.

— Конечно. Я предполагаю, вы знаете, почему вы здесь.

— На самом деле, — говорю я холодно, скрещивая руки, — понятия не имею.

— Ну, как вы уже знаете, ваш дедушка недавно скончался. Я понимаю, вы помогали ему поддерживать бизнес на протяжении последних десяти лет.

— В одиночку, — уточняю я. — Этот старый кусок дерьма ничего не делал, кроме как сидел на своей сожалеющей заднице, и позволял всем остальным делать за него работу. Теперь он мёртв и единственное, что их заботит — это часть того, что он оставил или не оставил им после себя.

— В любом случае, он оставил чёткие указания для бизнеса в случае его смерти. Это то, почему я позвал вас.

— Давайте приступим, — я щёлкнул пальцами, смотря на него прищурившись.

— Очень хорошо. Ваш дедушка указал, чтобы его бизнес был передан вам. Вы единственный, кто остался из всех родственников после смерти вашего отца, поэтому он хотел, чтобы вы взяли его бизнес.

Ну, старик хоть для чего-то сгодился. Не то, чтобы я думал, что он не передаст мне что-нибудь: я был вовлечен во всё это слишком долго. Мои сводные братья ничего не значили для старика, как значил я.

— Отлично. Я уже занимаюсь работой.

— Здесь есть ещё кое-что, — говорит он, оттягивая галстук, словно он был затянут вокруг его горла слишком туго. — Он очень ясно указал, что есть одно условие, которое включает в себя его просьба. Вы не станете главой бизнеса, все документы не будут переписаны на ваше имя, пока вы...

— Пока я что? — рявкнул я.

— Не женитесь, сэр.

Стоп, что?

Я пялюсь на него, ожидая, что он засмеётся и скажет, что это шутка, но выражение его лица осталось невозмутимым.

— Вы, блять, должно быть, шутите, — говорю я с издёвкой. — Вы ошиблись.

— Здесь чётко прописано, что пока вы не женитесь, бизнес остаётся в руках его близкого друга Уолтера Джонсона. Вы сохраните свою должность, но вы не сможете взять на себя все финансы и руководство компании.

Ёбаный Уолтер, интриган херов. Он все разрушит еще до того, как я успею что-нибудь сделать. Он уже в кресле босса, заставляя меня работать в поте лица, и ублюдок убедится, что он останется там, если я ничего не предприму. И сейчас он купается в деньгах. Я единственный, у кого есть интерес к этой работе. *Я, блять, единственный.* Это мой образ жизни: я был в нём с тех пор, как мне стукнуло двенадцать, и большая часть моей жизни основана на всем этом. Я бормочу скрипучим тоном:

— Вы уверены, что он сказал, что я должен быть женат?

— Я уверен, сэр. У вас есть двенадцать месяцев, чтобы сделать это, прежде чем всё перейдет Уолтеру.

Блять.

Я люблю женщин. Всех женщин. Но я не люблю, когда они околачиваются вокруг. Если вы ищете преданность, это не ко мне. Я только один раз был с одной женщиной несколько ночей, и это было просто для удобства. Любовь не для мужчин, вроде меня. У меня нет на это времени или заинтересованности. Любовь для слабаков. Женщины слишком требовательные, а я по большей части полный мудак. Я не скрываю это, и точно не претендую на что-то другое. Я видел, когда отношения шли наперекосяк и не хочу принимать в этом участия.

— Что-нибудь еще, чем вы хотите добить меня? — я начинаю раздражаться. Его глаза блестят, и он сглатывает.

— Здесь еще условие. Вы не можете просто жениться и затем развестись. Вы должны быть женаты в течение двух лет. Если в это время вы разведетесь, компания автоматически перейдет к Уолтеру.

Да вы, должно быть, издеваетесь.

Этот больной сукин сын.

Он знал — он, блять, *знал*, это было единственное, что вызовет у меня затруднение. У него были чокнутые идеи даже, когда он был жив, и, похоже, они продолжают после его смерти. Он проверяет меня, толкая до предела, как он всегда делал. Я уйду, и потеряю всё, над чем работал последние десять лет, или же я поборюсь и получу всё, что было моим с самого начала. Бизнес — это моя жизнь и грёбаный ублюдок знал это.

— Что-нибудь еще? — рычу я сквозь стиснутые зубы.

— Последнее. Если выяснится, что, э, — он сглотнул, — вы платите жене, этого будет достаточно, чтобы переписать бизнес обратно Уолтеру. Женщина должна выйти замуж по собственной воле и жить с вами всё это время.

Этот кусок дерьма. Он знал меня лучше, чем я думал. Он знал, что первым делом я пойду и куплю тупую бабу, от которой откупился бы. Моя челюсть напрягается, грудь расширяется от ярости. Я уже могу представить лицо Уолтера, если компанию перепишут на него. Он всегда ненавидел меня. Он не победит.

Чёртов старик. Он хотел, чтобы я остепенился в течение многих лет, ненавидя мой холостяцкий образ жизни. Он часто говорил мне, что даже если я этого не хочу, но чтобы управлять бизнесом и поддерживать уважаемое имя в обществе, тогда я должен мужественно принять это. Он был женат с двадцати лет на бешеной суке, которая умерла два года назад. Даже после её смерти он шел вперёд и заботился только о деньгах. Меня не удивило, почему

он выбрал именно такой промежуток времени, чтобы убедиться, что я застрял с женщиной.

— Очень хорошо, — сказал я, поднимаясь. — Я обязательно займусь этим.

— И как вы думаете сделать это? — адвокат одаривает меня презрительным взглядом.

— Легко. Найду жену, — я ухмыляюсь ему.

Глава 2/Тода/Катя

Щёлк, щёлк, щёлк.

Стук каблуков от моих туфель — единственный звук на оживленной улице, пока я иду на вечеринку в честь дня рождения моего лучшего друга Дасти. Голоса шумно щебечут вокруг, возбужденно обсуждая маршрут на субботний вечер. Я не могу сдерживать улыбки, когда прохожу мимо людей, взволнованная, что я наконец-то отойду от работы и окунусь в мир отдыха.

Я работаю персональным ассистентом у властного босса, который владеет судоходной компанией. Мои дни проходят в суете и время на отдых есть только на выходных. Но даже тогда мне не гарантировано полное спокойствие. Взять, например, сегодня, меня вызвали на работу, чтобы помочь боссу с презентацией, когда всё, чего я хотела это остаться в постели.

- Девочка!

Я улыбаюсь, когда около бара встречаю Дасти. Он уже стоял у входа, одетый во всё чёрное, выглядя обходительно и супер привлекательно. Он ухмыляется и бросается вперед, чтобы обернуть свои руки вокруг меня. Я смеюсь, позволяя ему поднять и покрутить меня.

— С днем рождения, Даст, — я хихикаю, когда он ставит меня на ноги.

— Девочка, ты хорошо выглядишь!

Дасти — красивейший, добрейший и сексуальнейший мужчина-гей, которого я когда-либо встречала. Мы стали друзьями чуть меньше пяти лет назад и были близки с тех пор. Я встретила Дасти в баре, плачущего в свою выпивку, так сказать, потому что его отшили. Мы поболтали, напились, сформировалась дружба. Он позвонил мне на следующий день и вот мы здесь.

— Мне пришлось работать весь день, — я хмурюсь.

Он потер переносицу и махнул рукой в отвращении. Я хихикаю, пока в его темно-голубых глазах танцует удивление.

Дасти достаивается внимания в равном количестве, как от женщин, так и от мужчин. С первого взгляда вам захочется сорвать с него одежду и облизать каждый дюйм его тела — настолько хорошо он выглядел. У него чёрные волосы, чёрные как ночь, и это подчёркивает его тёмно-голубые глаза. Его цвет кожи нечто среднее между бледно- и светло-оливковым, но не совсем так. Он высокий, мускулистый и особенный.

— Девочка, ты слишком много работаешь. Хочешь, поговорю с твоим боссом? — он подмигивает. Я ухмыляюсь и оборачиваю свои руки вокруг него, прижимаясь щекой к его груди.

— Не-а.

Он прижимает меня ближе.

— Ты переработаешься, — бормочет он мне на ухо, игривость в его тоне пропала.

— Я должна. Маме нужны деньги и...

— Я знаю, сладкая, но ты не заслуживаешь подобного стресса.

Я отстраняюсь, улыбаясь ему.

— Я в порядке.

— Ты работаешь, как минимум, шестьдесят часов в неделю.

Я отмахиваюсь, закатывая глаза на незначительное преувеличение.

— Я сейчас здесь.

Он одаривает меня скептическим взглядом, и потом его улыбка возвращается.

— Скажи-ка мне, — сказал он, просунув свою руку через мою, — где ты, чёрт возьми, купила эти потрясающие туфли?

~*~*~*~

— Катя, клянусь, ты становишься красивее каждый раз, когда я вижу тебя!

Я кинулась в объятия Кэнди, моей лучшей подруги, хотя я не увижу её ещё целую вечность, потому что она живёт в двух часах езды. Она яркая, энергичная и милая. Она очень увлекательная персона. Так же она адски умна. Работая на крупную компанию, что, видимо, выпускает большое количество машин.

— Я могу сказать тоже самое, — я кричу сквозь музыку, отстраняясь.

Она улыбается мне, демонстрируя ряд ровных белоснежных зубов. На одном из них даже красуется брильянтик. Не знаю, как это называется, но это круто.

Кэнди — красивая девушка из разряда «девочки-соседки». У нее обесцвечено-коричневые волосы, ореховые глаза, безупречная кожа и отличное тело. Она не сногшибательная блондинка или экзотическая красотка, но она чертовски привлекательная и милая, я хотела бы проводить свои дни, сжимая ее щеки.

— Ты и я как собака и какашка, — она усмехнулась. Я фыркнула и начала смеяться.

— Что?

— Ты собачка, такая красивенькая и миленькая, а я какашка. В одиночестве, собака не думает что она достаточно красива, но на самом деле, на фоне неё все остальные выглядят как какашки.

— Ты сейчас прикалываешься? — я пялюсь на неё, моргая. Она хихикает.

— Нет! Деточка, ты заставляешь нас чувствовать себя какашками.

Я закатываю глаза.

— И не закатывая глаза на меня, и ооооо, где ты нашла эти туфельки?

Я ухмыляюсь, подцепляю её руку своей, рассказывая о туфлях и о том, как удачно, что они были этого цвета.

— Эх! — она вздыхает. — Жизнь богатых и знаменитых.

Я фыркаю.

— Я копила пять месяцев и нашла их в секонд-хенде! В любом случае, это у тебя потрясающая работа. Между прочим, как она?

Она улыбается, заправляя прядь волос за ухо.

— Я люблю её, на самом деле люблю. То есть, прошла только неделя, конечно, но пока все идет супер. И к тому же босс — ох, божечки, ты должна его увидеть, Кэт. Он великолепен.

— Ох, делись. Мне нужно нечто новенькое для моего воображения (прим. пер. — *spank bank* — коллекция сексуальных моментов, которые вспоминают при мастурбации.).

Она награждает меня испуганным взглядом.

— Что такая девушка как ты, и *выглядит как ты*, наслаждается только воображением?

— Ну, у меня нет времени на бойфренда.

— Но ты могла бы трахнуться... — подмечает она.

Я качаю головой из стороны в сторону, отказываясь. Кэнди нравится сводничать. Нет, я

имею в виду, она обожает это. Она думает, что умеет создавать отличные пары. Но она не умеет. Последний парень, с которым она меня свела, пердел во время ужина. Пердел. Потом он смеялся, словно это не он только что пукнул в дорогом итальянском ресторане.

— Никакого сводничества!

Она мило надулась.

— Окей, может и нет, но мы можем найти тебе отличный кусок задницы, чтобы он забрал тебя и хорошенько отжарил.

Отжарил. Кто вообще использует это слово?

— Я никого не *жарю*, — протестую я.

Хотя это неплохая идея. Джек и Тедди, мои вибраторы, отлично справлялись со своим делом и заслуживают перерыв. И Господи, как же я скучаю по мужской компании. Два года прошло с моего последнего свидания и двенадцать месяцев с тех пор, как меня трахали. Я бы убила за хороший трах напротив грязной стены или на капоте машины, да хоть где, лишь бы снять это сексуальное напряжение внутри меня.

На работе мне точно не о чем фантазировать. Мой босс жирный, вонючий мудака. Почему у меня не может быть сексуального босса, который бы выглядел так, словно только что спустился с небес? Кто-нибудь, кто прокатит меня на вертолете или привяжет к кровати галстуком?

Ну почему? Потому что это реальный мир, реальные люди. Нет такого потрясающего босса. Иди к черту, Кристиан Грэй, за то, что испортил всех моих будущих боссов. Они никогда не сравнятся.

— Аллооооо! — говорит Кэнди, щёлкая пальцами перед моим лицом. Я моргнула. Дерьмо.

— Прости, мечтала о Кристиане Грэе.

Она испуганно уставилась на меня.

— Ты же знаешь, что он не настоящий, так?

— Забери свои слова назад, — шиплю я. — Для меня он настоящий, как и для Джека с Тедди.

— Твои вибраторы также не настоящие, сладкая.

— Оскорблять их тоже. Как ты посмела? — я возмущенно вздыхаю.

— Нам нужно, чтобы кто-то тебя оттрахал. Срочно, — она смеётся.

Я думаю, она права.

— Хорошо, но есть условия, — говорю я, попивая свой напиток. — Он не должен быть вонючим, пердящим, лысым или... без зубов.

Она открывает рот, чтобы заговорить, но я прерываю.

— Или без конечностей! — вскрикиваю я. — Он должен быть с пальцами на руках... и ногах... поняла?

Она пялится на меня.

— Боже, тебе точно нужно снять напряжение.

И это, возможно, правда.

— Давай, — говорит она. — Пойдем в уборную, наведешь марафет, и тогда ты будешь сидеть в баре как сексуальная штучка и возможно подцепишь себе самца на ночь.

Мы идём в туалет и проходим мимо пьяных, кричащих девушек, чтобы получить пространство перед зеркалом. Я смотрю на себя в зеркало, впечатленная тем, что я смогла достать такой потрясающий наряд за такое короткое время. Я откопала своё самое

сексуальное красное платье, с открытой спиной, глубоким декольте, короткое и обтягивающее. Затем я порылась в огромном количестве обуви и нашла пару отличных чёрных лодочек. Мои блондинистые волосы были легко уложены: я с утра завила кудри на уровне талии и так проработала.

Макияж был довольно лёгким, хотя мои глаза немного покраснели. Обычно сияющие зелёные глаза сейчас были тусклые и уставшие. Вот что бывает, когда ты проводишь всё своё время перед компьютером. Я достала тушь из сумочки и подкрасила их, затем завершила все нанесением красной помады. Моя кожа не требует много макияжа, мой отец был итальянцем, и я унаследовала его безупречный оливковый цвет кожи. Я только однажды видела фото этого итальянца, когда он был моложе, но он был видным мужчиной.

Моя мама красивая женщина и меня не удивляло, что в какой-то период жизни она получала много мужского внимания. У нее тоже светлые волосы, только её кожа была бледнее моей и её глаза такие же зелёные. Она миниатюрная женщина и я унаследовала её телосложение. Я не длинноногая, отсюда и обилие обуви. Меня называли феечкой всю мою жизнь.

Были времена, когда я хотела встретить отца, но мама отказалась говорить со мной когда-нибудь об этом. Я не знаю историю. Я не знаю, что произошло. Я даже не в курсе, знает ли он о моём существовании. Всё, что я знаю, это его имя. *Пьер*. Вот и всё.

Моя мать после удаления опухоли головного мозга говорит совсем немного. Ей поставили диагноз пять лет назад и сразу отправили на операцию. В ходе оперирования важные нервы были повреждены и её парализовало. Она не контролирует свои ноги и сидит в инвалидном кресле, но управляет всем остальным телом и после множества тренировок, может говорить немного трясущимся голосом. Я заботилась о ней всё это время: я единственная, кто у неё есть, и я не могу позволить себе окружить её постоянной заботой.

Я могу позволить себе только сиделку, которая следит за ней, пока я на работе.

На это уходит много денег, но я не смогу остановиться. Никогда.

— Боги, как твои волосы остаются таким блестящими, густыми и с этими сексуальными кудряшками? — спрашивает Кэнди, пропуская пальцы сквозь свои волосы и сердито их отдёргивая.

— Понадобилось много усилий, — говорю я, отодвигая её руки, и начинаю поправлять её причёску. У неё потрясающие прямые волосы. Не понимаю, чего она жалуется.

— Да чтоб твои итальянские волосы горели в аду!

Я тихо смеюсь и глажу её по спине.

— Смотри, ты выглядишь великолепно.

Она осмотрела себя, меня и затем объявила.

— Время найти тебе кого-нибудь для перепихона.

Мы обмениваемся понимающими взглядами, пока проходим мимо прихорашивающихся девушек. Кэнди что-то бормочет походу дела о «сфоткаться» и мы быстро выходим из уборной. Мы проталкиваемся в коридор, я иду впереди, и как только я заворачиваю за угол первого этажа, я врезаюсь в твёрдое, высокое тело. Я громко ухажу, и две руки хватают меня за предплечья, удерживая от падения со своих лодочек.

Я выпрямляюсь и отступаю. Всё, что я могу видеть, это белая рубашка, простая, с тёмно-красным галстуком. Замечу, рубашка растягивается на его очень накаченной мускулистой груди. Я медленно поднимаю глаза и вздыхаю, когда смотрю на одного из самых красивых мужчин, которого мне когда-либо удавалось видеть, даже красивее Дасти —

черт, даже красивее Бреда Питта и Кристиана Грея. Окей, Кристиан мог бы поспорничать... я трясую головой и смотрю в тёмные глаза.

Они практически чёрные.

Его челюсть, которая наклонена вниз ко мне, потому что он тоже рассматривает меня, покрыта щетиной, что придает ему профессиональный, но опасный вид. Его волосы густые, чёрные и заканчиваются у основания его шеи, завиваясь чуть выше воротника. У него крепкая мощная челюсть и полные губы. И это я еще даже не начала осматривать его рост и мускулы, которые я мельком вижу, когда он двигает рукой. Рукава его рубашки закатаны до локтей, и вау, связки мышц поднимаются и исчезают под его рубашкой. Ням.

Я могу разглядеть татуировку, вырисовывающуюся под его волосами, немного огибающую шею, и так же тёмные узоры под его рубашкой говорят мне, что у него есть больше, чем одна татуировка на шее. Боже. Я вижу, как его глаза путешествуют по мне, осматривая меня так же, как я осматривала его. Его глаза удовлетворенно сверкают, но он не улыбается: его губы остаются вытянуты в жёсткую линию.

— Извини, — говорю я с придыханием.

Он даже не слышит меня: музыка слишком громкая.

— Маркус?

Это говорит Кэнди, стоящая позади меня.

Она знает этого секс-Бога?

— Кэндис, — произносит Маркус, и, о, Господи, его голос как плавленый мёд... может, с добавлением нескольких кусочков гравия, потому что одного мёда недостаточно, чтобы описать голос этого мужчины.

— Что ты здесь делаешь?

— Я, э... — она заикается.

— Она со мной, — говорю я, глядя на него. — Вечеринка в честь дня рождения.

— Твоего дня рождения? — бормочет он, уставившись на мои губы.

Иисус.

— Нет, — я сглатываю, — нашего друга.

Он возвращает свой взгляд к Кэнди.

— Ты оставила ключи на работе. Я отдал их Джемиме.

Это её босс? Тот самый сексуальный босс, о котором она говорила?

Чёрт. Мне нужна её работа.

— Извините, сэр.

Сэр?

О, даааа.

— Как тебя зовут?

Мне потребовалась минута, чтобы понять, что он обратил свое внимание ко мне.

— Катя, — говорю я, облизывая губы.

Его глаза приходят в действие и расширяются от горячей похоти. О, блин. Его! Я выбираю его! Он может прервать эту засуху — дерьмо, я уже думаю, что он должен сделать это, судя по моим трусикам. Я бы даже легла под автобус, чтобы попробовать Маркуса. О да, я бы сделала это.

— Катя, — он практически мурлычет. — Могу я купить тебе выпивку?

Кэнди пищит сзади меня. Я поворачиваюсь, ее глаза широко раскрыты. Я наклоняюсь к ней, обнимая.

— Скажи мне, могу я трахнуть твоего босса, и это будет совершенно нормально?

У неё занимает мгновение, чтобы ответить, и когда она начинает говорить, то практически пищит.

— Я не, э, я не....

— Боже, скажи мне, что могу. Мне нужен кусочек Маркуса.

— Он — шлюха, — шепчет она.

— Я не прошу его жениться на мне, — фыркаю я. — Просто немного трах-бах...

— Катя, — говорит Маркус, прерывая меня.

Я поворачиваюсь к нему, награждая его взглядом больших, невинных глаз.

— Да, ты можешь купить мне выпивку.

Кэнди шепчет что-то связанное со всеми святыми, но ничего определенного, пока Маркус обвивает свою руку вокруг моей талии и ведёт меня к бару. Мы проходим мимо Дасти и его глаза расширяются, затем на его лице появляется лукавая улыбка и он поднимает два пальца вверх, сопровождая это толкающими движениями, что уловил Маркус. Это привело его губы в движение, и святое дерьмо, он стал еще сексуальней.

Маркус заказал напитки, не спрашивая, чего я хочу. Этот мужчина любит контроль: это написано на нём. Когда наши напитки прибывают, он ведёт меня в тихий сад, где мы садимся. Чёрт, сексуальное напряжение в воздухе просто не от мира сего. Я поворачиваюсь к нему и скрещиваю ноги, наблюдая, как его глаза снова пробегают по мне. Он не скрывает свои намерения: всё отражается в его глазах. И я, по крайней мере, не обижаюсь: я приму всё, что этот мужчина мне даст. Он может связать меня и отшлепать, если пожелает.

— Катя, — говорит он почти мурлыкая. — Расскажи мне, что ты делаешь?

— Я работаю в большой судоходной компании, как ПР (прим. пер. — Помощник Руководителя).

Его глаза изучали меня, пока я говорила, как если бы он тщательно оценивал меня.

— Ты умная.

Это не вопрос, но я прикидываюсь, что это так. Фыркаю

— Я бы не сказала, что я умная. Просто хорошо выполняю свою работу, но чтобы умная...

Он смотрит внимательно, словно пытается понять меня.

— Расскажи еще что-нибудь.

Окей. Неловко вышло.

Я рассказала ему о себе в основных чертах, и опять же, я почувствовала, будто я на собеседовании. Он сосредоточенно слушает, пока я говорю, и в тот момент, когда я упоминаю маму и как я работаю, чтобы содержать её, что-то меняется в его глазах. Я не уверена точно что, но они изменились.

—Звучит, будто ты очень занята.

— У меня немного шансов расслабиться, это точно. Если я прекращу работать, у моей матери не будет нужной поддержки.

Он кивает, изучая меня.

— Еще выпить?

Я киваю.

Это странно. Сексуально... но странно.

Он машет рукой, и официант прекращает делать то, что делает и подходит. Маркус заказывает нам ещё напитки, не отрывая своего тёмного взгляда от меня.

— Ты красивая девушка, Катя, — бормочет он. — Так что я собираюсь просто сказать это. Хочешь поехать со мной домой?

Вот оно.

Бам.

Моё тело начинает нагреваться, ноги подрагивают. Хочу ли я пойти домой с Маркусом? Ну, я точно могу сказать, что он не серийный убийца, учитывая, что Кэнди работает с ним. Я не после отношений и он супер горяч. Так что ответ прост.

Чёрт, да.

— Да, — говорю я, облизывая нижнюю губу. Его глаза следят за моим языком.

— Чёрт, — мурлычет он.

Только что здесь стало намного жарче.

Он протягивает руку и скользит своими пальцами по моей челюсти. Одно это движение заставило мой мир остановиться. Мою кожу покалывает, а ощущения обострились. Его пальцы двигаются, пока не достигают моих губ и тогда он проводит кончиком пальца по ним.

— Ты красивая женщина, Катя.

Я сглатываю. Он уже говорил это, и я думаю, мне это нравится. Очень сильно.

— Есть так много вещей, которые я сделаю с тобой.

Боже.

— И начну я с того, что попробую эти губы.

Я сейчас упаду в обморок.

Нам принесли наши напитки, я повернулась и с благодарностью приняла свой. Я заглотнула его, алкоголь согрел моё тело. У меня было не так много мужчин, но я видела достаточно, чтобы знать, что у большинства из них не было той уверенности, какой обладал Маркус. Он подходит, получает то, что хочет и не имеет никаких проблем с этим. Он спокойный, сексуальный и знает что говорить. Он самое точное определение слова «игрок».

И прямо здесь Маркус Тандем вошел в мой мир.

Глава 3/ Сейчас/Катя

— О, Боже, Маркус, — дышу я, выгибаясь.

Его рот прямо между моих ног, и он лижет, медленно и нежно лаская так, что моё тело электризуется от каждого касания. Его руки на моих бёдрах, пальцы впиваются в кожу. Мои глаза трепещут и мои соски такие твёрдые, что почти больно. Я слишком напряжена: он уезжал на деловую встречу на два дня, а я скучала по нему.

— Я сейчас... — хватаю ртом воздух.

Он отпускает бёдра, и его пальцы располагаются прямо там. Прямо там. Он вводит их в мою влажную плоть, и я кричу, когда раскалённое удовольствие вспыхивает, проносясь через всё моё тело и ослепляя, пока я кончаю в его руках. Он лижет до тех пор, пока судороги полностью не прекращаются. Затем он встает, его член напряжен у него в джинсах, и смотрит вниз на меня. Его великолепные черные глаза блеснули, глядя на часы, и он бормочет:

— Блять.

— Тебе надо идти, — говорю я с отдышкой, приподнимаясь на локтях.

— Ага.

— Никакого секса по-быстрому?

Его глаза исследуют меня, вплоть до моей открытой киски, и его челюсть напрягается.

— Не могу.

Проклятье.

Люблю заниматься сексом по-быстрому с моим мужем перед работой.

— Окей, — шепчу я.

— В эти выходные благотворительный вечер, — говорит он, прижимая ладонь к своему члену и поправляя его. — Купи платье.

Да, босс.

— Окей, — произношу я снова.

Он поправляет галстук, пробегает рукой по своим спутанным волосам и поворачивается к двери. Когда он её достигает, то оборачивается и смотрит на меня.

— И Катя?

— Да?

— Пусть оно будет коротким. Достаточно коротким, чтобы я мог его задрать и трахнуть тебя у стены.

О, Господи.

Рада исполнить.

~*~*~*~

Я стою на кухне и смотрю в окно, когда раздается звонок от входных ворот. В своих мечтах, представляю, что же принесут эти выходные: что, если моей маме там хорошо без меня, что, если Дасти согласиться пойти вместе со мной на шоппинг.

Звонок раздается снова, и я вздрагиваю. *Дерьмо.* Я вытираю руки идвигаюсь к двери, в окне я вижу машину, стоящую у ворот. Я не видела её раньше, так что нажимаю на кнопку и наклоняюсь поближе.

— Алло?

— Привет, — щебечет женский голос. — Мы пришли к Маркусу.

Я молчу около минуты: обычно, люди идут прямо к нему в офис. Она, должно быть, подруга. Отходя, я спрашиваю:

— И вы?

— Его друзья. Я, эм, девушка Мака.

— Оу, — радостно пишу я. Я знаю Мака, одного из близких друзей Маркуса и члена мотоклуба «Гнев Джокеров»*. — Сейчас впускать вас.

Я бегу к входной двери и когда добираюсь до неё, замечаю, что они уже припарковались. Я распахиваю дверь и вижу трёх великолепных девушек, стоящих у входа. Я видела и раньше красивых девушек, но эти превосходят их всех. Одна выглядит как Покахонтас, без шуток, и другие две сногшибательны, как модели. Я не могу остановиться, радостно подпрыгивая. Я люблю встречать новых людей. Особенно друзей Маркуса.

— Я — Катя, жена Маркуса.

— Привет, Катя, — говорит девушка с распущенными волосами и с соблазнительным телом. — Я — Джайла. Это Сантана и Эш.

Она указывает на своих подруг, и я машу им, улыбаясь.

— Входите. Маркус разговаривает по телефону, но я позову его для вас.

— Спасибо, — произносит Джайла.

— Вы будете что-нибудь пить? — предлагаю я.

— Я бы не отказалась, — произнесла Сантана

— Мне тоже, пожалуйста. Быть беременной отстой, — добавляет Эш.

Я поворачиваюсь и смотрю на ее очаровательный округлившийся живот и улыбаюсь.

— Ну, ты очень красивая беременная женщина.

Веду их на кухню и включаю кофеварку, прежде чем поворачиваюсь к ним, и говорю:

— Я позову Маркуса.

— Спасибо.

Поворачиваюсь и стремительно двигаюсь вперед по коридору, взволнованная появлением гостей. Кэнди и я зависали друг с другом всё время, теперь мы обе работаем на Маркуса, но мне не удалось увидеть много других людей. Я много чего слышала о МК «Гнев Джокеров» и также знаю, что Маркус много чего сделал для них. Я двигаюсь между офисами и подхожу к двери офиса Маркуса. Стучу три раза и жду. Минутой позже он кричит:

— Да?

Я открыла дверь и вижу четырех или пятерых мужчин сидящих вокруг его стола. Я прикусываю губу: знаю, он на самом деле не любит, когда я прерываю его, но его ждут гости, поэтому всё должно пройти как по маслу.

— Хей, — начинаю я говорить, и его глаза метнулись ко мне. Господи. — К тебе пришли гости.

— У меня встреча, Катя.

Точно.

— Это Джайла, девушка Мака.

Он изучает меня несколько мгновений и затем кивает.

— Скоро спущусь.

Я улыбаюсь и возвращаюсь на кухню, где девчонки радостно болтают.

— Он скоро будет, — сияю я, продолжая готовить кофе. Мне интересны эти девушки. В смысле, их мужчины — байкеры. Это чертовски горячо. Я как-то видела Мака и он реально клёвый. Могу поклясться, все мужчины у них выглядят так. Боже, я не могу сдержаться и не спросить — это одна из тех "мне нужно знать" вещей.

— Так, — говорю я, как бы невзначай, — расскажите мне, каково это быть малышкой байкера?

Сантана хихикает.

— Малышкой байкера?

— Ага, — говорю я, разворачиваясь к ней и двигая бровями. — Я видела тех парней. Вы, девочки, разъезжаете с ними на байках и проворачиваете грязные делишки тоже. Правильно?

— Грязные делишки? — Эш хихикает.

— Ну, знаете, — я прильнула ближе к ним. — Жарить бекон*.

Мы все громко рассмеялись, аж до слёз.

— Не уверена, что назвала бы это «жарить бекон», но это круто, — Джайла истерично хохотала.

— Катя.

Мы слышим голос Маркуса и все четверо выпрямляемся и поворачиваемся. Боже, он горяч, даже когда так напряженно смотрит на меня. Я прикусываю губу, пытаюсь унять смех. Маркус угрожающе хмурый: даже после того, как я вышла за него замуж, это не изменилось. Стараюсь не думать слишком сильно об этом: он такой, какой есть.

— Привет, Маркус, — говорит Джайла, её голос немного пищит. — Я знаю, это занялс

время, но я хотела прийти и, эм, отблагодарить тебя за все.

Глаза Маркуса метнулись к ней. Черт.

— Не нужно было, — урчит он.

— Конечно надо было, — протестует Джайла, — ты спас мне жизнь.

Его глаза смотрят в её, и смотрят угрожающе.

— Нет проблем.

Затем, он поворачивается ко мне.

— В моем офисе через десять минут.

После чего он уходит.

Я знаю, почему Джайла поблагодарила его. Некоторое время назад, Маркус навещал Мака в госпитале и увидел, как её тащил какой-то псих. Он спас ей жизнь, последовав за ней и вернув. Это было мило. Я повернулась к девочкам, они были слегка... напуганы. Маркус умеет пугать людей.

— Простите его, — я нервно смеюсь, — он бывает слегка, эм, задумчивым.

Сантана ухмыляется.

— Могу поклясться, он любит жарить бекон.

Мое лицо вспыхивает.

— Абсолютно верно.

Мы все рассмеялись.

Мне нравятся эти девчонки. Сильно.

~*~*~*~

Я потратила несколько минут, общаясь с девочками, и спустя двадцать минут я понимаю, что должна была быть в офисе Маркуса. Извинившись и попрощавшись с ними, обещая снова пересечься, я тороплюсь к нему. Кэнди замечает меня, как только я добираюсь до офиса, и начинает суесться вокруг меня.

— Кэнди, я...

— Ну, эта девушка только что вошла.

Хм.

— Прямо тут, Кать, — говорит она, мотнув головой.

Я поворачиваюсь и смотрю на стойку регистрации. Здесь красивая женщина, я имею в виду красотку, стоящую у стола. У неё длинные красные волосы и сияющие зелёные глаза. Она высокая, стройная и чертовски женственная.

— И кто она?

— Она была одной из постоянных «клиенток» Маркуса.

Ай.

— Кэнди, ты серьезно? — шиплю я. — И почему я должна это знать?

— Потому что она пришла к нему.

Я пожимаю плечами.

— Ну, хорошо для неё. Он женат на *мне*.

Она гневно скрещивает руки.

— Ты дерьмовая жена.

Я громко смеюсь, не в силах остановиться.

— Не-а.

— Так. Ты должна ревновать.

— Ну, нет.

Ложь. Я ревновала.

— Хорошо, посмотрим...

Я улыбаюсь ей и она возвращается на свое место. Затем я поворачиваюсь и спешу к нему. Я добираюсь до офиса Маркуса, когда дверь открывается и он выходит. Он зол, и я сразу это замечаю. Он заметил меня и я ему улыбаюсь. Его злость больше меня не пугает — он всегда хмурый, и, если я не довольная и радостная, тогда мы просто ругались. Лучше уж так.

— Извини, я разговаривала с теми девушками и потеряла счет времени. Они потрясающие и...

— Я сказал через десять минут, Катя, — рычит он. Я замолкаю. Он подходит ближе, его губы практически касаются моего уха. — Когда я говорю десять минут, я не имею в виду полчаса.

— У меня были гости, — протестую.

Он оборачивает свою руку вокруг моей талии и прижимает меня к себе, но не в сексуальном-о-мой-Бог смысле, а в собственническом, контролирующем.

— В следующий раз после такого будут последствия.

Я застываю. Ненавижу хмурого Маркуса.

— У тебя гости. Я не хочу грубить.

Он отступает и пялится на меня, его глаза горят. Он открывает рот, чтобы заговорить, но звучит милый женский голос:

— Маркус?

Отлично. Рыженькая Барби только что заметила его.

— Твоя подружка здесь, — чирикаю я.

Он замечает её, его челюсть смыкается, и затем он смотрит на меня.

— Позже, милая.

После чего я выкручиваюсь из его рук, слегка посмеиваясь, и иду обратно к кабинету Кэнди. Она отдёргивает меня и ахает:

— Что это было?

— Что именно?

— Ты только что сказала ему, что его подружка здесь!

— Хватит подслушивать, Кэнди.

— Та женщина симпатичная.

Я упираю руки в боки.

— А я нет? — она поворачивается ко мне, открывая и закрывая свой рот. — Кэнди!

— Конечно ты хорошенькая, — бормочет она. — Но она...

Я поворачиваюсь и вижу, как Рыженькая Барби оборачивает свои пальцы вокруг руки моего мужа. Ревность вспыхивает внизу моего живота, но я подавляю её. Его взгляд полон раздражения. Если бы не этот взгляд, я, возможно, подбежала и дала бы ей пинка под зад.

— Просто посмотри как он смотрит на неё, — указываю я.

Кэнди кивает.

— Ты права на счет этого. Он выглядит, словно собирается плюнуть.

Я расхохоталась, смотря на своего мужа.

— Это бы меня не удивило.

Прим.,

* Жарить бекон (прим. пер.)- Spank the bacon — соединенные вместе два сленговых

выражения Spank Monkey (мастурбировать) и Bacon Sandwich (женская вагина) вместе можно перевести как «трахаться», но в данном контексте это используется как шуточное выражение с намеком.

* Покахонтас (англ. Pocahontas) — 33-й полнометражный мультфильм студии Уолта Диснея. Повествует об индейской принцессе Покахонтас — дочери главы племени.

* Мотоклуб «Гнев Джокеров» (прим. пер.) — один из главных героев другой серии книг Беллы Джуэл.

Глава 4

Тогда

Маркус

Она идеальна.

Не только потому, что она сногшибательна, у неё так же есть стабильная работа. И самое лучшее, что она борется за жизнь. Мой план сработает: и он сработает из-за того, что я уверен, она бы сделала всё что угодно, чтобы помочь своей матери. В том числе влюбится и выйдет замуж за того, кто будет поддерживать её. Хотите назвать меня эгоистом, вперёд.

Это не эгоизм: *это расчёт.*

Беспроегрышный вариант, серьёзно.

Я открываю дверь своего мерседеса, и она садится на кожаное сиденье. Её короткое красное платье скользит вверх по кремовым бедрам, демонстрируя мне только намек на то, что под ним. Катя чертовски красива. Я не часто пользуюсь похожими на неё девушками. Большинство моих девушек крашенные блондинки с силиконовыми сиськами четвёртого размера. Но не она, нет, у неё полностью естественная красота. Густые светлые волосы, самые ослепительные глаза, которые я когда-либо видел, и маленькое подтянутое тело, которое определено не усовершенствовано искусственно.

Так же, она меньше большинства девушек, которых я трахаю.

Я не совру, если скажу, что она похожа на эльфа. Её макушка еле достаёт до моего подбородка.

Образы того, как я прижимаю её к стене, я давлу на её крошечное тело, мой член двигается внутри её маленькой, узкой киски. Блять, её будет не трудно соблазнить. С этим уж точно не будет проблем. Большинство мужчин почувствовали бы себя полными ублюдками за то, что я собираюсь делать, но, в конце концов, это даст ей лучшую жизнь, а мне бизнес, над которым я уже долго работаю.

Как я сказал, беспроегрышный вариант.

Я захлопываю дверь и обхожу к водительской стороне, садясь внутрь. Катя смотрит на меня с трахни-меня взглядом. Дерьмо, она хочет этого так же сильно, как и я. Я привык к дорогим женщинам, которые кидаются на меня, хотят мои деньги, хотят быть в моём доме на ночь и наслаждаться мной, но эта девушка? Эта девушка смотрит на меня так, словно хочет облизать моё тело, медленно, не спеша.

— Блять, — хриплю я. — Продолжай так смотреть на меня, и я трахну тебя прямо в этой грёбанной машине.

Она прикусывает губу.

Я, блять, умираю.

Это будет весело.

~*~*~*

Катя

Его дом.

Вау.

Он больше, чем любое место, в котором я когда-либо бывала. Это даже не дом: это особняк. Я узнаю, почему он такой большой, когда он говорит мне, что он управляет бизнесом отсюда. Это и главный офис, и его жилье. Один конец массивного особняка с двенадцатью спальнями был выделен под офисы. И так же пять ангаров, которые, как он сказал, сдавались в аренду. Видимо, успешно.

И снова, вау.

Он ведёт меня через огромный дом. Здесь повсюду расположены дорогие произведения искусства, такие же, как и мебель, которой я никогда не видела и не слышала. Все выглядит некомфортательно, как и любая дорогая мебель. Я бы предпочла свернуться калачиком на своей выцветшей жёлтой кровати. Когда мы достигаем его спальни, я вздыхаю. Она больше моей квартиры. Да даже его *кровать* больше всей моей квартиры.

— Я... вау, — выдыхаю.

Он снимает свой плащ и развязывает галстук, сдвигая его с шеи. Затем он берётся за верхнюю пуговицу рубашки, обнажая ещё больше загорелой кожи.

— Могу я предложить тебе выпить? — спрашивает он, пока идёт к большому бару, расположенному в углу его спальни.

— Пожалуйста, — говорю я, садясь на бордовый диванчик, стоящий в углу.

Он наливает две рюмки, и передает одну, присоединяясь ко мне на диване. Его бедро касается моего, он подносит янтарную жидкость к губам, потягивая её, пока наблюдает за мной. Я осознала, что его глаза и правда темно-карие, такие тёмные, что почти чёрные.

— Скажи мне, как ты хочешь этого, дорогая.

Дорогая. О, боже.

— Я положусь на тебя, — бормочу я, алкоголь плещется в голове.

— Иисус, — рычит он.

Он ставит бокал, тянется ко мне и берёт за руку. Его пальцы скользят вниз по моей щеке. Этот мужчина опасен, я в этом не сомневаюсь, но его прикосновения такие соблазнительные. Я не могу разорвать с ним зрительный контакт, пока его пальцы скользят вниз по моей шее, вызывая маленькие покалывания на коже. Он пробегает пальцами по моей ключице, медленно возвращая их обратно, пока его рука не скользит на заднюю сторону шеи. Он притягивает меня ближе, и я закрываю глаза, ожидая поцелуя. Тепло его рта так близко, оно проносится по моей коже, но он не целует меня. Я открываю глаза, он по-прежнему смотрит на меня, его губы в сантиметре от меня. Почему он не целует меня? Это пытка, чистая пытка. Вместо этого он лижет кончиком языка мою нижнюю губу. Чертов ад. Это самое сексуальное, что кто-либо когда-либо делал со мной. Я всхлипываю, и он сокращает дистанцию между нами.

В момент, когда его губы касаются моих и его щетина царапает кожу вокруг рта, я теряюсь. Это такой напряженный момент, эротичный и чертовски сексуальный. Я погружаюсь в него, мои пальцы находят его рубашку, расстёгивая несколько пуговиц, пока его язык погружается в мой рот, сплетаясь с моим языком, палящее тепло посылает огонь прямо в мою сердцевину. Пальцы на ногах поджимаются, когда он углубляет поцелуй.

Этот мужчина взорвёт мой мир, в этом я уверена.

Он отрывается от моего рта и его губы путешествуют вниз по моей шее. Мои соски твердеют, пока его рот прокладывает горячую дорожку вниз по шее, плечам, и затем он

накрывает мои соски своим ртом прямо через одежду. Тепло от его дыхания прожигает через одежду и проходит по затвердевшим соскам, заставляя меня выгнуть спину. Я толкнулась своими бёдрами вперёд, и он перехватывает их рукой, пока его губы пожирают мою грудь.

Этот мужчина не останавливается на полпути. Он пожирает каждый дюйм моего тела, даже прежде, чем я разденусь. Никаких бух, бам, спасибо вам, мэм, здесь, нет: Маркус жадный и мне это нравится. Моя спина вдавливается глубже в диван, пока он продолжает пытаться мои соски. Мои бёдра дёргаются, но он сохраняет стальную хватку на них, убеждаясь, что моя попка лежит на мягких подушках. Я закрываю глаза, выпуская длинные, неровные вздохи, когда он, наконец, достигает подола моего платья и задирает его дюйм за дюймом.

Я хочу, чтобы он поторопился.

Черт, нет, я хочу, чтобы он замедлился и это никогда не заканчивалось.

— Маркус, — выдыхаю я.

— Не говори, Катя, — говорит он, его голос низкий и хриплый, — пока я не скажу тебе об этом.

Вау. Окей.

— Но...

Он дёргает меня за бёдра так, что я остаюсь без защиты. Прежде, чем я узнала, что происходит, я на его диване, голова на подушках, пока он нависает надо мной. Он приближает своё лицо к моему: взгляд его тёмных глаз настолько интенсивный, что всё внутри меня застывает.

— Я сказал, — рычит он, белые зубы сверкают, пока он произносит, — не говори.

Я сглатываю.

Чёрт.

Чёрт.

— Если же ты продолжишь, — говорит он, его голос снижается. Он скользит указательным пальцем вниз между моих грудей и по животу, — я заставлю тебя прекратить.

— В хорошем или плохом смысле?

Он впивается в меня своим взглядом и обнажает зубы. Боже, этот мужчина опасен и сексуален.

— Ты хочешь узнать, Катя?

Ну, я здесь, не так ли?

— Я пришла не на пикник, — бормочу.

Его губы дёргаются, и он наклоняется, прижимаясь губами к моему уху.

— Я точно пришёл на пикник, и первое, что я хочу попробовать, дорогая, это ты.

Бог. Мой.

Я замолкаю, так как точно хочу, чтобы он меня попробовал. Он покусывает мочку моего уха, посылая маленькую дрожь по телу, прежде чем продолжить снимать платье. Он задирает его, наклоняется и прокладывает поцелуи вверх по животу, сдвигая платье. Кожу покалывает и мои ноги автоматически сплетаются с его. Он проделал лёгкую работу над платьем, расстёгивая и откидывая его на пол.

Затем он останавливается, чтобы осмотреть меня. Я поёжилась под его взглядом, потому что он напористый. Его глаза путешествуют по моему телу, начиная от лица и останавливаясь на моих трусиках. Его губы изгибаются, и я точно знаю почему. На моих

стрингах изображен котёнок и подпись:

«Привет, Киска». Это забавный плагиат Хеллоу Китти только вот в сексуальном роде.

Мои щёки вспыхивают, и я держу рот закрытым. Не надо объяснять ему это. Маркус, наконец, вернул взгляд на моё лицо и его глаза полны похоти и опасности. Он протягивает руки и заключает мои груди в свои широкие ладони, и стон срывается с моих губ. Ощущения просто потрясающие. Он наклоняется, возвращая свои губы на мои, и я позволяю ему, поглощая каждый момент, когда я могу попробовать Маркуса на вкус. На вкус он потрясающий.

Его руки грубо ласкают мои груди, прежде чем оборачиваются вокруг и снимают лифчик. Он расстёгивает его и затем, без предупреждения, отрывается от моего рта и опускается на мою ложбинку. Он посасывает, лижет и кусает мою плоть и соски. Я извиваюсь и отчаянно постанываю, пока он спускается по моему телу, всасывает мою кожу в свой рот, и его пальцы проникают в мои трусики.

Между прочим, он всё ещё одет.

Он оттягивает мои трусики и прежде, чем я это понимаю, они исчезают. Затем, его руки давят на мои колени и с толчком раскрывают их. Боже. Он издает гортанный звук прежде, чем промурлыкать:

— Чертовски сладкая киска, Катя.

То, как он это говорит, его голос низкий и хриплый, слегка урчащий, но превосходный. Он опускает рот между моих ног и выдыхает воздух, выдох за выдохом, напротив моей открытой киски. Пока он дразнит меня, его палец скользит по моим половым губам, моя сердцевина сжимается и глубины намокают. Я извиваюсь, сжимая челюсть, хочу, чтобы он уже сделал что-нибудь. Безысходность убивает меня.

Но я не буду умолять.

Я не попрошайка.

Он, должно быть, почувствовал это, потому что, клянусь, я могу чувствовать как он улыбается напротив моей киски, и, наконец, смыкает губы на моей клиторе. Маркус всосал его в рот, как гребанный вакуум, яростно посасывая. Я дёрнулась под ним, впиваясь ногтями в мягкую кожу моих ладоней, пока я выдыхаю его имя. Он пожирает меня, словно я его последнее блюдо, и он вот-вот пойдет на смертную казнь.

Как только я почти достигла пика, он выпрямился. Я открыла рот, потом закрыла, и отчаянно захныкала. Он посмотрел на меня и, боже, его красота никогда не постареет. Он тот тип мужчины, на которого вы бы любовались всю оставшуюся жизнь. Его глаза весело сверкают, и я точно знаю, он гордится тем, что оставил меня вот так.

— За что? — дышу я.

— Разговоры.

Просто. Прямо в точку. Мне кажется, Маркус такой всегда. Я не отвечаю. Только потому, что он провоцирует меня. Он хочет, чтобы я ответила какой-нибудь дерзостью, но позвольте сказать... я не пропущу ещё один оргазм, который предлагает мне Маркус Тандем. Ну уж нет. С довольным рычанием, Маркус медленно раздевается. Сначала галстук, затем белая рубашка. Я вздыхаю, когда могу хорошо разглядеть тату на его точеной, гладкой груди.

У него массивный, кругловатый узор на левой стороне груди. Немного напоминает стиль трайбл (Tribal Tattoo — древнейший стиль тату, переводиться как «племенной», обычно это замысловатые чёткие

линии в виде узоров.), и не могу отрицать, что это чертовски горячо. Затем, больше

напоминающие

кельтские, узоры спускаются вниз по левой стороне его тела, при этом правая полностью чистая, кроме

того, что узор обвивается вокруг его шеи. Боже, это горячо. Я перемещаю глаза с тату и осматриваю его исключительное накаченное тело. Он не слишком большой и не слишком маленький. У него отличное строение, есть всё, что должен иметь мужчина.

Он снимает свои штаны.

И я вижу, что у него есть намного больше, чем у любого мужчины.

Я открываю губы и вздыхаю, когда вижу его толстый, твёрдый член. Он не предпринимает ничего, чтобы прикрыть его, или засмущаться, и это доказывает, что Маркус Тандем — игрок. Не каждый мужчина такой самоуверенный. Он стоит передо мной, словно позволяет мне упиваться им. Он позволяет мне зарисовать идеальную картинку в моей голове. И я рисую. Боже, безусловно я это делаю.

За него можно умереть.

И я не преувеличиваю.

И я не преувеличиваю.

Его член толстый, тяжелый и длинный. В нём есть четыре маленькие штанги, продетые в его грибовидную головку, и я мгновенно задаюсь вопросом, как они будут чувствоваться, когда он будет двигаться внутри моей киски. И от этой мысли я намокаю сильнее. Я хочу свести ноги вместе, но, то как Маркус смотрит на меня, означает, что ему нравится вид. А мне нравится, что вижу я. Я думаю, мы в одной лодке.

— Положи пальцы на свою киску, — шипит он, прерывая тишину.

Я моргаю. Он передо мной, стоит, абсолютно голый, и я лежу на его кровати без всего, кроме туфель, и мои ноги широко разведены. И теперь он хочет... чтобы я трогала себя?

— Что? — выдыхаю я.

— Пальцы на свою *киску*.

Я смотрю ему в глаза и вижу, что он серьёзен. Боже, я никогда не делала такого перед мужчиной раньше. Но я хочу. В конце концов, я не увижу Маркуса снова: будет ли это больно? Сделав глубокий вздох, я медленно опускаю свою руку к раскрытой плоти. Погружаю пальцы внутрь, нахожу набухший клитор и начинаю массировать его.

Маркус обхватывает рукой свой член и начинает медленно поглаживать, его глаза не покидают моих. Это настораживает, во многом. Во-первых, он не смотрит на мои пальцы. Во-вторых, его глаза смотрят, словно могут заглянуть в душу. С моих губ срывается стон, когда мой клитор оживает, нуждаясь в освобождении, всё ещё сырой ото рта Маркуса.

— Проникни пальцем внутрь, — приказывает он.

Я делаю, как он говорит, скользя пальцем внутрь и продолжая тереть клитор. Моя спина выгибается, когда нарастает оргазм, и я молю небеса, чтобы он позволил мне кончить в этот раз.

— Смотри на свои соски, — рычит он. — Такие твёрдые. Ты ужеходишь?

— Да, — я задыхаюсь.

— Думаешь обо мне?

— Боже, да.

— Ты хочешь мой член, Катя? — он мурлычет.

Боже, как звучит моё имя из его уст. То, как оно срывается с его языка. Мой стон застрял в горле и глаза закатились, когда приближался оргазм.

— Смотри на мой член, когда кончаешь, — командует он, и я снова смотрю на него.

Я смотрю на его член, упиваясь тем, как его рука движется на нем, поглаживая медленно, почти лениво. Это красиво и в этот момент я кончаю. Спина выгибается, и я толкаюсь грудью вперед, задыхаясь, пока моё тело дрожит от удовольствия. Дрожь ещё даже не закончилась, когда Маркус на мне, его член трется о мою плоть, его тело вдавливают меня в диван.

Он потянулся и пошарил на секунду, и вернулся с презервативом. Его взгляд пронизывает меня, пока он разрывает пакетик и достает презерватив. Он наклоняется, раскатывает латекс по члену и возвращает свой рот к моему, жёстко и глубоко. Он толкается языком и его поцелуй становится напористей. Я отвечала настойчивостью, пока мы лихорадочно целуемся, отчего моя голова кружится. Без предупреждения, он берёт свой член и скользит внутрь меня.

Он делает это мучительно, прекрасно и удивительно медленно. Я стою, он перехватывает стон своим ртом, целует меня так крепко, что я чувствую как побаливают мои губы. Его руки опускаются, и он заключает мои груди в ладони, используя их, чтобы контролировать свои толчки. Я приподнимаю бедра, принимая его глубже и разводя ноги шире. Он идеально трахает меня: не сильно, не мягко, так как мне нужно.

Никто из нас не говорит. Единственные звуки в комнате, это его кряхтение и мои стоны, пока моё тело возносится выше и выше, приближаясь к краю. Я хочу кончить, позорно быстро. Я отрываюсь от его губ и закрываю глаза, сжимая челюсть, пытаюсь сдержаться. Маркус рычит, низко и глубоко, и смещает свои руки с моих груди. Он опускает их, сжимает мои бедра и начинает трахать меня сильнее.

— Маркус, — я, наконец, выдыхаю, не могу сдержаться.

Он ничего не говорит: ему и не надо. Он дает все это без единого слова. Кроме того, он не тот тип мужчин, что шепчут милую дребедень тебе в ухо. Я знала это уже после пары часов. Мой рот открывается в крике, когда он опускает свои бедра и находит нужную точку. Он шипит, я кричу и моё тело взрывается под ним. Его пальцы впиваются в мои бедра, пока он продолжает толкаться, не смотря на моё сжатие. Его движения замедляются, пока он толкается вперед.

Затем он выскальзывает, поднимает и перекидывает меня через спинку дивана. Он встает на колени позади меня, кладет ладонь на мою поясницу и вгоняет свой член обратно в меня. Пресвятое дерьмо. Я даже вздохнуть не могу: мой голос исчез и спрятался глубоко-глубоко в теле. Всё, что я могу, это откинуть голову, открыть рот и трястись, пока он трахает меня, как никто и никогда не трахал.

За считанные минуты кончаю снова.

Я даже не знала что такое возможно.

Маркус продолжает объезжать меня, пока не ощущаю, как его член набухает внутри меня и затем он рычит в потолок, когда кончает в меня. Я, наконец, вздыхаю, мои пальцы сдавливают диван, когда я чувствую, как он вливается в меня. После долгой минуты, он отступает и встает с дивана. Я поворачиваюсь, медленно опускаюсь, пока не сажусь. Боже, это было... я не могу даже... слов нет.

Маркус исчезает в ванной, и я слышу, как бежит вода. Через мгновение он возвращается, протягивая мне тёплую мочалку. Я плююсь на неё, потом на него. И что он хочет, чтобы я делала с ней? Помыла его? Должно быть, он видит мое замешательство, поэтому бормочет глубоким, сексуальным голосом:

— Вымой себя.

Точно.

Помыть себя.

У меня еще не было мужчины, который заботился бы обо мне после секса, это вроде как... приятно.

Я беру ткань, встаю и иду в ванную. Закрываю дверь позади себя и смотрю на огромную ванну. Ну, Маркус, конечно, не страдает по жизни. Эта ванная больше, чем моя спальня и ванная вместе взятые. Это печально. Здесь чёрная полированная плитка и мужская энергия. И здесь есть ванна, в которой я могу плавать и душевая кабина, выше на две головы. Две раковины находятся на красивой мраморной стойке.

Я подошла, смотря на себя в зеркало. Отлично, тушь потекла. Я выгляжу, как только что трахнутый енот. Надув губы, я использую мочалку, чтобы умыть лицо. Потом и всё остальное. Моя киска чувствительна, когда я провожу мочалкой по ней. Маркус знает как использовать свой член, я никогда не испытывала такое с мужчинами прежде.

Может быть потому, что все мужчины, с которыми я была, не были игроками.

Маркус хорош, возможно из-за того что он оттрахал половину Соединенных Штатов.

Счастливая страна.

Я заканчиваю мыться и выхожу из комнаты. Маркус сидит на диване в чёрных трусах и без футболки. У него в руке бокал с виски, и когда я выхожу, он смотрит на меня. Лед в стакане дребезжит, когда он подносит бокал к губам, изучая меня, пока пьёт янтарную жидкость. Внезапно я чувствую себя неловко, и быстро ношусь вокруг, находя трусики и лифчик. Я надела их и взяла платье.

— Не надевай его, — говорит он.

Я поворачиваюсь к нему.

— Почему нет? Я думала...

— Мы не закончили ещё.

Разве?

— Ээ...

— Иди сюда, сейчас, — приказывает он.

— Окей, — говорю, поднимая руки вверх. — Уверена, мы что-то напутали. Это был отличный секс: я имею в виду, правда, потрясающий, но это конец. Сейчас я уйду, а потом буду мечтать весь остаток своей жизни о том, как замечательно это было.

— В кровать. Сейчас.

Точно, у него проблемы со слухом.

— Ты игрок, — я нервно смеюсь. — Ты делал это достаточно часто, чтобы знать, как всё проходит.

— Да, — отвечает он. Его голос почти... скучающий.

— Уверена у тебя даже список есть для своих... своих...

— Шестидесяти семи.

Я пялюсь на него с открытым ртом.

— Что? — произношу на выдохе.

— Шестидесять семь женщин было в моей кровати.

Вот дерьмо.

— И ты всегда такой..., — я сглатываю, — ... честный?

Он смотрит на меня и говорит абсолютно ясно:

— Нет.

Я моргаю.

— Сейчас, возвращайся в кровать. Я не закончил. Даже близко.

Я делаю, как он говорит.

И возвращаюсь в кровать.

Глава 5

Сейчас

Маркус

— Маркус, — протестует Ясмин, когда я беру её за руку и тащу на стоянку. — Пожалуйста.

— Слушай, — шиплю я. — Мы, блять, закончили. Поняла меня?

Она моргает своими зелёными глазами, когда я отпускаю её, отталкивая, и издаёт какой-то пищащий звук.

— Слышала, ты женился.

— Да.

— Ты любишь её?

— Нет.

Бля! Какого чёрта я только что произнес? Надо заставить людей поверить, что это по-настоящему. Я внутренне пнул себя за то, что ляпнул не подумав.

Её глаза расширяются.

— Что?

— Ничего. Убирайся отсюда, Ясмин. Все кончено. Все было закончено, когда я засунул свой член в тебя последний раз.

Она шагает вперёд, её рука прижата к моей груди, а тело к моему члену. Блять. Она была хороша в постели, не отрицаю, но она также и довольно цепкая и пиздец как раздражает.

— Ей не надо знать о нас.

— Я сказал, — шепчу я низко, — уходи.

— Ты вернёшься, Маркус.

— Нет.

— Вернёшься.

Я хватаю её за руки и отдёргиваю от себя. Она пищит и её взгляд падает на мои губы. Твою мать.

— Уясни уже наконец, я, блядь, не хочу тебя.

— Маркус...

Я легонько встряхиваю её.

— Убирайся отсюда, мне не нужно твоё дерьмо и я не хочу тебя.

— Это не конец! — кричит она.

— Иди на хуй.

— Маркус!

Господи. О чём я думал, связавшись с ней?

Она единственная женщина, которую я трахал больше одного раза. Не могу сказать почему, сам не знаю. Она была хороша в постели, с ней было легко. Сейчас же она просто сошла с ума.

— Мар...

— Уходи.

Телефон звонит у меня в кармане, и я поднимаю руку, щёлкая пальцами. Спустя минуту подошли два моих охранника.

— Выведите её.

— Маркус! — орёт она.

Я поворачиваюсь, не обращая на неё внимания, и отвечаю на звонок.

— Да?

— Слышал, моя женщина навестила тебя.

Я ухмыляюсь.

— Мак.

— Прости за это, брат.

— Нет проблем.

— Слышал, у тебя проблемы с Лукасом.

Я фыркаю.

— Лукас — заноза в моей заднице, портит мой бизнес. Ты видел его?

— Не.

— Блять. Между прочим, как дела с этим мелким педрилой, с которым водилась Джайла?

— Пропал.

— Блять.

Мак смеётся.

— Ага.

— Если я тебе понадоблюсь, ты скажешь, да?

— Именно, брат.

— Приходите, ты и ребята. В любое время.

— Запомню.

Я шагаю в офис.

— Позже, Мак.

— До скорого, чувак.

Я вешаю трубку.

Я знаю Мака около трёх лет. Встретил его, когда он был в путешествии. Он вошёл в бар, мы разговорились и всё закрутилось. Мак помог мне с кое-какой работой, завязалась дружба. Он — приёмный брат президента мотоклуба Гнева Джокеров — Мэддокса. Они хорошие парни, и Мак помогает, когда мне необходима информация или нужно отследить кого-то.

Ясмин? Буду надеяться, что эта сучка не вернётся.

~*~*~*~

Катя.

Я наблюдаю за Маркусом в душе. Горячая вода стекает вниз по его накаченному телу. Ням. Я облизываю губы и позволяю взгляду блуждать по его широким, загорелым плечам вниз по великолепно мускулистой спине, по отличной заднице и сильным ногам. Мой муж горяч. Чертовски горяч. Супер горяч. Великолепен.

— Могу ли я чем-то помочь, Катя? — мурлычет он, не оборачиваясь.

— Разве мне не позволено смотреть на тебя? — говорю я, прислонившись к косяку.

— Зависит, — говорит он, поворачиваясь без какого-либо стыда и демонстрируя мне идеальный перед. Точёная грудь, рельефный пресс, сексуальная V и этот член. Я скрещиваю

ноги вместе.

— От чего? — выдыхаю я.

— Если ты здесь просто, чтобы смотреть, тогда уходи.

Я открываю рот, но он меня обрывает.

— А если нет, тогда входи и используй свой милый ротик.

О, боже.

Я снимаю футболку через голову и спешу к нему. Единственный раз, когда мы с Маркусом по-настоящему близки, это когда мы вместе вот так. Его руки, рот, тело — все это заставляет меня чувствовать то, чем мы занимаемся, правильным. Может быть даже реальным. Я влюбилась в Маркуса спустя три месяца, но бывают моменты, когда я задаюсь вопросом, а любит ли меня Маркус, или же он делает все возможное, потому что не знает как любить.

В смысле, он женился на мне, так?

Это ведь что-то значит.

Я снимаю трусики и шагаю под душ. Маркус тянется и обвивает рукой мою талию, приближая к себе. Наши губы сталкиваются и вот я уже прижата к стенке душа. Приподнимая мои бедра на уровень своих, рукой грубо обхватывает мою грудь. Кажется, мы пропустили прелюдию. И я абсолютно не против. Я стону в рот Маркуса, когда он прижимает свой член к моему входу.

Маркус делает это двумя способами. Он либо медленный, либо трахается жёстко и быстро. И сегодня именно жёстко и быстро.

О, да.

Он скользит своим членом в меня, в прямом смысле *скользит*. Медленно. Сексуально.

Идеально. Я стону его имя, и он наклоняет мои бедра, его рука накрывает мою задницу, и он трахает меня глубоко. Мои губы находят его шею, и я всасываю воду с кожи на этом месте. Вода бежит по его телу словно фонтан, от чего он выглядит ещё лучше. Его пальцы впиваются в мою задницу, когда он толкается внутрь и мне хочется всего и намного большего.

— Маркус, — выдыхаю я.

— Блять, — рычит он.

Единственное слово, которое он произносит во время секса. Ни «детка», ни «милая», ни «любимая». Только «*блять*».

— Боже.

Моё тело содрогается, и я кончаю, сильно и быстро. Я выкрикиваю его имя, и он начинает вколачиваться быстрее. Мои щёки стыдливо краснеют из-за того, как быстро я кончила, но я не успеваю подумать об этом слишком долго потому что Маркус гортанно стонет, и кончает. Его тело дрожит, и это чертовски красиво.

Когда он останавливается, он опускает меня и мы отступаем друг от друга. Его глаза тёмные, опасные и похотливые. Ням.

— Неужели я не удовлетворяю тебя? — бормочет он.

Я сглатываю, стыд распространяется по телу.

— Э, нет.

Он изучает меня, ухмыляется, затем заканчивает мыться и выходит из душа. Я ступаю под воду, наблюдая, как он вытирает своё великолепное тело. Моё сердце колотится от осознания того факта, что он никогда не оставался в душе со мной. Он никогда не мыл меня.

Никогда не пробежал пальцами по моей коже. Ничего.

Может быть это из-за меня. Или это просто Маркус *такой*.

Или, может, это нечто большее.

Глава 6

Тогда

Маркус

На вкус она как чёртов мёд. Сладкий чувственный мёд.

Я провёл ночь внутри неё, трахая снова и снова. Слушая её маленькие шаткие вздохи удовольствия, когда она выгибается, а её груди упираются в мою грудь. Из всего списка женщин, кого я мог выбрать, Катя очень далека от моего типа. Она маленькая, вспыльчивая и своевольная. В постели она как гребанная петарда. Она трахается так же хорошо, как трахают её.

Она правильный выбор.

Я прижимаю сигарету к губам и смотрю на её спящую фигуру. Её волосы разметались по всей подушке, губы приоткрылись и опухли от минета прямо перед сном. Её руки покоились на груди, и ресницы веером лежали на щеках. Пока я смотрю на неё, я точно знаю, что она подойдет. Она будет идеальной женой, и она вписывается в мой план в точности, как и должна.

Мой телефон вибрирует на столе рядом с кроватью, я тянусь к нему, отвечая на звонок, и выхожу из комнаты.

— Да? — ворчу я, выдыхая дым, когда подхожу ближе к балкону.

— Оу, Маркус.

Ёбанный Уолтер.

— Звонишь в это время, Уолтер. Должно быть это срочно.

Он хохочет.

— Я слышал, ты узнал о дедовском завещании?

— И?

— Как хорошо, что ты осознаешь, что скоро потеряешь семейный бизнес так легко.

Я фыркаю

— Я ничего не теряю.

Он молчит и затем ворчит.

— У тебя нет жены, Маркус. Как, интересно, ты собираешься это решить?

— Легко: найду жену.

Он давиться чем-то, кашляет и затем рычит:

— Маркус Тандем, игрок, ищет жену?

— Есть одна девушка, — я вру.

— Ты думаешь, я настолько глуп?

— Но я совершенно не уверен, что ты умен, Уолтер. Если бы у тебя был мозг, ты бы действительно не поверил в то, что это лёгкое требование остановит меня от получения того, чего я хочу.

— Ты, в самом деле, веришь, что любая девушка просто поведётся на твою ложь?

— Я могу сделать всё очень правдиво, Уолтер.

— Простой звонок от меня, и она точно узнает, что ты делаешь. Это не сработает, Маркус. И я позабочусь об этом.

Уёбок. Он заставляет меня сделать все это настолько реальным, чтобы она не задавала

вопросов, по крайней мере, пока мы не поженимся. Если Катя не поверит в то, что меня всё это заботит, она не скажет «согласна».

И если она никогда не скажет своё «согласна», я потеряю, блять, всё.

— Вперёд. Девушка, с которой я встречаюсь, уже знает о завещании. Ты не настолько умен, как думаешь, Уолтер.

Это блеф, но надеюсь, этого пока достаточно.

— Ты не выиграешь, Маркус, — шипит он.

— Но, Уолтер, — я смеюсь тихо, — Я уже победил.

Я сбрасываю вызов, сердце бешено колотится. Самый лёгкий вариант для меня позвонить, нанять киллера и убить Уолтера. У меня есть связи, но это слишком рискованно и достаточно очевидно. Поэтому у меня нет выбора: жениться на Кате единственное решение всех моих проблем и я сделаю это профессионально. Мне нужно сохранить бизнес, мне нужна женщина, и мне также надо взять дело под собственный контроль.

Я шагаю внутрь, запирая дверь. Затем, заползаю в кровать рядом с Катей.

Прежде чем закрыть глаза, я представляю, как легко всё пройдет. Катя похожа на ту, кого я могу завоевать довольно быстро. Она не из типа «трахни-и-брось» девушек.

И я ошибся на этот счёт.

Потому что утром Катя ушла.

Глава 7

Сейчас

Катя

— Две недели, — стону я, проглатывая очередную порцию красного вина.

— Хватит жаловаться, — бормочет Даст. — Мы здесь с тобой постоянно.

— Но это так же значит, что я не получу свой ночной трах, — указываю я.

Кэнди смеётся, скрещивая ноги и откидываясь на спинку дивана. Она одета в розовую фланелевую пижаму. Классная.

— Это не смешно, Кэнди.

— Даст. Здесь, так что дай ему шанс: ты же не знаешь, может, это изменит его.

Даст. Фыркает, я ухмыляюсь ему.

— Оу, давай, Даст. У меня отличная...

— Не произноси это слово, — предупреждает Даст, его губы кривятся в отвращении.

— Ваги...

— Фу! — ревет Даст, закрывая уши. — Ла, ла, ла, ла.

Кэнди громко смеётся, наклоняясь вперёд, и берёт в руки горсть кешью.

— Ради Даст, расскажи нам о сладеньком Маркусе.

— И что же вы хотите знать? — хихикаю я, отпивая больше вина.

— Он всё ещё также хорош в постели спустя столько времени?

Я подмигиваю.

— О, даа.

— Каждый день такое? — интересуется Даст, скрещивая пальцы, с большой ухмылкой на лице.

— Большинство дней, — начинаю я. — Он приходит ко мне в постель каждую ночь и...

— Что? — спрашивает Даст, ухмылка сползает с его губ.

Я моргаю.

— Милая, — произносит Кэнди.

— Что? — спрашиваю я, недоумеваю.

— Он приходит в твою кровать?

Ох, Боже.

— Это не то, что вы думаете: у Маркуса беспокойный сон. Он много ворочается, мечтает...

Всего лишь небольшая ложь. Он сказал мне, что у него беспокойный сон, когда я спрашивала, почему мы не спим вместе, но я сама никогда этого не видела. О мечтах, скорее всего, не правда. Я придумала это, потому что иначе они бы стали задавать вопросы, а я не хочу вопросов.

— Так, вы не спите вместе? — бормочет Дасти, скрещивая руки.

— Дасти, это не так...

— Вы молодожены, — Кэнди хмурится. — Это не имеет значения, даже если бы он разваливался звездой во сне...

Я сглатываю.

— Верьте мне, — протестую я, — всё хорошо.

Они оба посмотрели на меня с недоверием, но решили не заострять внимание.

— Расскажи мне о той красноволосой, что приходила на работу тогда? — спрашивает Кэнди, меняя тему, за что я ей благодарна.

— Не знаю, он мне ничего не говорил, — я пожимаю плечами.

— Бывшая? Сталкерша? Тётка? — смеётся Дасти.

Я улыбаюсь ему.

— Ты сумасшедший.

— Сумасшедший и застрял здесь на две недели.

Боже, помоги мне. Маркус уехал и у меня есть две недели с Кэнди и Дасти, которые останутся жить в моём доме.

Это будет интересно.

~*~*~*~

Катя: «Три дня без тебя это так долго».

Маркус: «У тебя полный шкаф секс-игрушек».

Я хмурюсь, смещаясь на кровати. Да, у меня есть полный шкаф секс-игрушек, они мне необходимы, но не идут ни в какое сравнение с ним.

Катя: «Но они не так хороши, как ты».

Маркус: «Я и не думаю, что они когда-либо сравнятся, но они должны справиться».

Что-то переворачивается в моей груди, но я отталкиваю это чувство. Такое было уже и не раз с тех пор, как я живу с Маркусом, что я сомневалась в его чувствах ко мне. Я удивляюсь, почему он здесь: мне интересно, может это я сумасшедшая. От этих мыслей у меня болит в глубине души.

Катя: «Если я использую одну, хочешь фото?»

Маркус: «Да, дорогая».

И после этого мои сомнения улетучились. Одно слово. Всего одно слово, и он отмечает любые сомнения, любые колебания, и заставляет меня понять, как сильно я его хочу.

Катя: «Я начинаю».

Спустя пять минут, я медленно приближаюсь, рот открыт, всхлипы срываются с губ. Маркус получил фото, и он отправил мне доказательства того, как сильно ему нравится эта

фотка. Затем он позвонил мне, и слушал по телефону, как я хнычу его имя.

— Черт, прекрати стонать, иначе я взорвусь, — мурлычет он в трубку.

— Маркус, — заскулила я, пока моё тело дрожало.

— Блять.

Я люблю его «Блять». Я люблю его грязный рот. Чёрт, я люблю его.

Я достаю розовый вибрирующий девайс из своего тела и выключаю его. На другом конце телефона молчание, и я шепчу:

— Ты дрочишь, Маркус Тандем?

Он фыркает.

— Нет.

— Бережёшь себя для меня? Как романтично.

— Дрочил прошлой ночью, — бормочет он низко. — И сегодня утром в душе.

Боже.

— Думаю о твоей сладкой киске.

Моё тело дрожит.

— А сейчас иди спать, у меня работа.

Вздыхаю.

— Спокойной ночи, Маркус, — шепчу я, радостно улыбаясь, — я люблю тебя.

Он молчит, как и всегда, когда я произношу эти слова. И он отвечает то же самое, что и отвечал с самого начала. Он никогда не произносил признаний в ответ. Я не уверена, что он вообще знает как это делать, так что сейчас я не заставляю его.

— Я знаю, что любишь, Катя.

После этих слов, он вешает трубку.

~*~*~*

Маркус.

Я глажу рукой свой член и лбом прижимаюсь к стенке душа. Блять, я скучаю по киске своей жены. Эта женщина сводит меня с ума, всегда искрится от счастья, видит только лучшее в людях, и так же имеет чертовски сладкое тело. И она тоже любит, когда я внутри неё. Мне нравится, когда она царапает мою спину, скользя напротив всего моего тела. Отлично. Стоит того кольца, что я надел на её палец.

Я не люблю её, но с ней легче жить, чем мне казалось на первый взгляд. Она послушная, что странно, и смотрит на меня, словно из моей задницы светит грёбанное солнце. Я знаю, что она меня любит: и я уже давно это знаю. Я ненавижу это поначалу, адски ненавижу, но, в конце концов, это ничего не меняет. Она может любить меня сколько хочет. Если это делает её счастливой, то пусть так и будет. Я хочу, чтобы она была счастлива.

Я не настолько придурок.

Я гортанно стону, пока кончаю в собственную руку. Прошло уже больше недели с тех пор, как я был с Катей, и, блять, она нужна мне. Я поднимаю голову с холодного кафеля, рыча, пока последняя струя сливается с водой. Я устал от этих отельных кроватей, от своей руки, от херового душа и дерьмовой еды. Как только выслежу Лукаса, сразу же уберусь отсюда.

Я не скучаю по ней. Как бы странно не звучало, хорошо побыть наедине с собой. Но, тем не менее, я рад вернуться домой и похоронить себя глубоко в ней.

И это определенно стоит того.

Глава 8

Тогда

Катя

— Ты же не серьезно! — кричу я в телефон на Кэнди.

— Пожалуйста, Кать, ну срочно нужно. Если я приду на встречу без неё, Маркус взбесится.

— Я продинамила его, — шепчу я, упорно настаивая на своём. — Я выползла из его кровати утром, накалякала сомнительную записку и сбежала. Он не должен меня увидеть.

— Он на встрече, — уговаривает она. — Его не будет. Ты только зайдешь и выйдешь. Пожалуйста, Кать, мне она очень *нужна*.

Чёрт побери! Она хочет, чтобы я принесла ей флешку с презентацией, и эта флешка сейчас лежит на моем столе. Кэнди забыла её утром, когда торопилась, и теперь хочет, чтобы я её принесла. К ней, в рабочее здание, которое также является домом Маркуса. Я должна собраться и просто не попасться на глаза мужчине, от которого недавно улизнала.

Я никогда ни от кого не сбегала, но у меня не было выбора. Он просто слишком опасный для меня. Слишком сексуальный. Слишком напористый. Слишком... *Маркус*. Он подарил мне самый лучший секс в моей жизни. Боже, это было потрясающе. Его рот, тело, член... да весь он. Так что я испугалась и сбежала. Я не могу себе позволить встречаться с кем-то подобным в своём мире: тут просто нет места для такого опасного мужчины, как Маркус Тандем.

— Боже, Кэнди, — бормочу я. — Хорошо. Но если он там, я разозлюсь.

Она мямлит около десятка *благодарностей* и отключается. Это мой первый выходной, и мне надо идти в дом моего последнего любовника, после того как я продинамила его три дня назад, и молиться, что его там не будет. С глубоким вздохом, я подхожу к столу и беру флешку. Затем, накидываю на себя пальто, беру ключи от машины и еду к дому Маркуса.

~*~*~*~

Я впервые вижу офисное помещение Маркуса, хотя и ночевала в его доме. Он ещё в ту ночь пояснил, что половину огромного дома было переделано под офисы. Я просто не знала, каков масштаб. В тот момент, когда я шагаю через входные двери, я плююсь, полностью шокированная, что это часть его дома. Огромное и красиво помещение декорировано так, что похоже на любую обычную фирму.

Никогда не догадаешься, что это дом.

Красивый еловый стол на ресепшене — первое, что вы увидите и молодая блондинка сидит за ним, ее волосы уложены на голове, очки сидят на носу и она быстро печатает. Над ней висят огромные золотистые буквы, поясняющие, что это — *Тандем Машинс*. Станный бизнес. Я предполагаю, их где-то собирают — ведь без машин тут не обходится. Это имеет смысл.

За спиной женщины отведена секция под офисы, некоторые со стеклянными стенами, что можно видеть насквозь, другие — полностью защищены. Кажется, офисы располагаются на двух этажах, потому что прямо в центре стоит лифт. Люди заняты печатаньем, везде звонят телефоны и это, в общем-то, занимает мало места. Я снова смотрю на ресепшн, и подхожу ближе.

Блондинка смотрит на меня, когда я подхожу ближе, она улыбается своей фальшивой, но очаровательной улыбкой.

— Чем я могу вам помочь?

— Я здесь, чтобы передать кое-что Кэндис, — я улыбаюсь.

— Конечно. Её офис последний справа.

Я киваю и благодарю её, а дальше обхожу стол и спешу пройти через ряды офисов. Как только добираюсь до последнего справа, то замечаю, что здесь пусто. Блин, Кэнди!

— Я могу вам помочь?

Я поворачиваюсь и вижу очаровательного пожилого мужчину. У него теплая улыбка и копна седых волос. Его голубые глаза изучают меня, и его улыбка расширяется.

— Я ищу Кэндис. У меня есть кое-что для неё.

— Конечно, она наверху в комнате отдыха.

Чёрт.

— Ах, вы не могли бы передать это ей?

Он машет рукой.

— Ничего страшного, просто поднимитесь.

Чёрт возьми.

Я рассержено топаю к лифту. Нажимая кнопку второго этажа, поражаюсь что здесь в доме Маркуса есть гребанный лифт. Я вхожу, когда двери со звоном открываются, и жду, пока лифт меня поднимет. Когда я выхожу, то вижу ещё несколько офисов. Один из них огромный с табличкой «Конференц-зал» и следующий, такой же большой, я сглатываю, — «Маркус Тандем» написано золотыми буквами на двери. Я спешу мимо этих дверей в комнату, куда входят и выходят люди с едой и кофе.

Заходя я вижу Кэнди, облокотившуюся о стойку и болтающую с девушками. Она замечает меня, и её улыбка становится шире.

— Оу, чёрт, прости, Кать. Я не знала, что ты так быстро придешь.

— Вот твоя флешка, — говорю я, впихивая её в руки подруги. — Мне надо идти.

Она смеётся, обнимает меня, и я поворачиваюсь, спеша на выход. У меня нет времени околачиваться здесь. Я спешу к лифту, когда его двери открываются и, я не шучу, Маркус выходит из него с группой мужчин. Я торможу, пишу и затем закрываю рот рукой, когда его великолепные, темно-карие глаза находят меня. Я вздрагиваю. Он дёргается и тогда я делаю нечто поистине глупое.

Я убегаяю.

Я прыгаю в лифт, захлопываю двери, даже не оглядываясь. К тому времени, когда я оказываюсь на первом этаже, меня трясет. Я бегу через офисы и добираюсь до ресепшна, когда доносится громкий голос.

— Катя, стой.

Чёрт возьми.

Я прыгаю за стойку регистрации и быстро ныряю вниз. Блондинка пялится на меня, открывая и закрывая рот. Я прижимаю палец к губам, показывая, чтобы она молчала. Я слышу шаги, входная дверь открывается и закрывается. Спустя мгновение происходит тоже самое. Я пялюсь в пол, сложив руки, и пугаюсь, когда слышу, как кто-то прочищает горло.

Медленно, я смотрю вверх. Маркус смотрит вниз на меня с пустым выражением на лице, руки скрещены на его широкой груди.

— Маркус, — пишу я. — Привет. Я, эм, я думала, что здесь мышь и...

— Мышь? — ворчит он.

— Ты работаешь здесь, — говорю я, меняя тему. — Вау.

Он выгибает бровь, и я мысленно ругаю себя за то, что я чертовски глупая.

— Вставай, Катя.

— Окей, — ворчу я, поднимаясь.

Он тянется и берёт меня за локоть. Затем, ведёт обратно к лифту и наверх в его офис. По пути мы встречаем Кэнди и её челюсть падает. Я смотрю на неё, поистине уничтожающим взглядом и губами произношу самые ужасные вещи, которые собираюсь с ней сделать. Она просто улыбается, машет рукой и уходит. Вот сучка.

Маркус закрывает дверь своего офиса, и я оглядываю комнату. Здесь очень респектабельно — большой деревянный стол, диван, стеллажи, большое окно во всю стену и даже есть собственная уборная. Шикарно.

— Красивый офис.

— Спасибо за трах.

Меня передёргивает.

— В записке написано, — говорит он и тон его голоса абсолютно ледяной, — «Спасибо за *трах*».

Тогда мне казалось это забавным. Сейчас, Боже, это звучало, словно я заплатила, чтобы он меня трахнул. Я поворачиваюсь и смотрю на него с глуповатой улыбкой.

— Ха-ха, — я выдавливаю улыбку.

Он пристально смотрит на меня.

— Спасибо. За. Трах.

— Очевидно, от тебя никто никогда не уходил. Мне очень жаль, что я сделала это первой, но я очень занятая и мне надо...

— Прекрати говорить, Катя.

— Окей.

Я кусаю губы и смотрю на его галстук. Тёмно-синий в этот раз. Горячо.

— Ты пришла в мой дом. Оттрахала меня. И сбежала прежде, чем я проснулся.

— Ошибочка, — указываю я. — *Ты* привез меня к себе домой, *ты* оттрахал меня, и тогда я сбежала.

Его взгляд определенно даёт понять, что он не находит даже на секунду мою дерзость весёлой.

— Ты всегда трахаешься с мужчиной и сбегаешь?

— Забавно слышать это от короля траха, который и сам сбегает.

Уголки его глаз слегка сморщились.

— Не улыбайся, Маркус, — ворчу я.

Его жёсткое выражение лица вернулось.

— Ужин, сегодня в семь.

Я моргнула.

— Этому не бывать.

— Ужин...

— Маркус, серьёзно. Это было весело и всё такое, но...

— Сегодня... — продолжает он.

— Маркус! — молю я. — Этого не будет.

— В семь, — он заканчивает.

— Ты больной? — кричу я, скрещивая руки.

— Я заберу тебя.

— Боже! — фыркаю. — Ты больной.

— Осторожнее, Катя, — предупреждает он.

Я хмурюсь на него.

— Мы повеселились, правда. Ты был потрясающе в постели, но у меня нет времени на свидания и уж точно у меня нет времени, чтобы встречаться с кем-то вроде тебя.

— Оденься красиво, — говорит он, оборачиваясь и выпуская меня.

Моя челюсть отвисает.

— Ты серьезно? — пишу я.

Внезапно двери открываются и входят двое мужчин.

— Проводите её.

— Маркус! — огрызаюсь.

— Сегодня, Катя. Не опаздывай.

Затем, очень легко, он меня отпустил.

Чёртов Маркус Тандем.

Глава 9

Сейчас

Катя

— Он ещё не вернулся? — воплю я, прыгая вверх и вниз, из стороны в сторону.

— Он только прибыл, — смеется Кэнди. — Дикон звонил полчаса назад и сказал, что они едут сюда, и я только что увидела машину, проезжающую через ворота.

— Оу!

Я выбегаю во двор. Длинный, блестящий автомобиль только остановился. Две недели прошло с тех пор, как я видела Маркуса, и я скучала по нему. Боже, скучала так сильно! Дверь открывается, и я вижу высунутую ногу. Моё сердце ускоряется, я снова прыгаю на ногах. Когда он полностью выходит, моё сердце трепещет. Прекрасен! Просто прекрасен! Как обычно, он одет в костюм, и, как обычно, без пиджака. Белая рубашка наполовину расстегнута, рукава закатаны и на нём надет его любимый красный галстук. Волосы Маркуса растрепаны. Лицо небрито. Святое дерьмо, как он хорошо выглядит! Чертовски хорошо.

Он взглядом встречает меня и я бегу. Я стараюсь бежать так быстро, как могу, быстрее к нему. Когда я достигаю его, я прыгаю в его объятия, оборачивая ноги вокруг его бедер и руки вокруг шеи. Прижимаюсь губами к его губам — нет, вру, я обрушиваю свои губы на его и целую, сильно и глубоко.

Он стонет, роняя сумку на землю и оборачиваясь. Мы вместе залезаем обратно в машину и Маркус отрывается от меня.

— Сделай круг, — рывкает он водителю, затем нажимает кнопку и поднимает перегородку, чтобы нас не увидели. Тогда он возвращается ко мне, губы к губам, пальцы в мои волосы. Машина едет, и он двигает меня дальше на сиденье, скользя своими бедрами по моим.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Скорее, — я дышу, тянусь к его брюкам. — Ты нужен мне.

И он ускоряется. Он рывком расстёгивает ремень, а затем и ширинку. Одной рукой скользит под футболку и берёт мою грудь в свою ладонь, нежно массируя. Другой задирает мою юбку и отодвигает трусики в сторону. Затем его пальцы проникают в меня, глубоко, горячо и сильно, и я выкрикиваю его имя, толкаясь грудью в его ладонь. Я глубоко стону, он шипит и его рот оказывается на моей шее, покусывая и посасывая. И всё это одновременно.

Он двигает пальцами внутри моей киски, поступающими движениями, пока я не кончаю вокруг них. Я не стыжусь того, насколько быстро это произошло, нет, совсем нет.

Учитывая, что его не было две недели, я не думаю, что это шок. Он вытаскивает пальцы и подносит их к моим губам.

— Соси.

Такой требовательный.

Я открываю рот и сосу его длинные, толстые пальцы, мне нравится пробовать себя на вкус, нравится, что его пальцы в моем рту. Он убирает их, награждая меня тёплым взглядом, затем обхватывает свой член и рычит:

— Перевернись.

Я повинуюсь, переворачиваясь на живот. Он ставит меня на четвереньки, затем тянется и с силой обхватывает мой подборок, взяв на себя контроль, когда толкается членом в меня. Чёрт! Это было давно, и я чувствую это прекрасное тепло и то, как я растягиваюсь вокруг него. Он бормочет что-то, чего я не могу разобрать, и его пальцы крепко сжимают мой подбородок, пока Маркус оборачивает свою руку вокруг моего бедра.

И тогда он трахает меня. Боже, он трахает меня.

Он погружается так глубоко, я откидываю голову, его пальцы всё ещё впиваются в мой подбородок. Это больно, но и в тоже время это ощущается так потрясающе, я не могу насытиться этим. Я выкрикиваю его имя снова и снова, пока он толкается в меня, объезжая меня жёстко. Я кончаю раньше, ещё раз, моё тело содрогается от освобождения, кожу покалывает, а киска пульсирует.

— Блять, — рычит он, и я понимаю, как сильно скучала по этому.

— Кончи для меня, — хныкаю. — Давай, малыш.

После этого, он толкается еще раз и кончает. Я могу не только почувствовать его пульсирующий член и дрожь тела, но и также услышать его тяжелое дыхание, пока он освобождает себя в моё тело. Он медленно отпускает мой подбородок и бедро, когда выскальзывается из меня. Я падаю на сиденье, тяжело дыша, счастливая.

Маркус стучит по стеклу и командует:

— Вези нас назад.

Машина разворачивается, и я с трудом поднимаюсь, потягиваясь и поворачиваясь к нему.

— Ты нравишься мне непричесанным, — указываю я.

Его взгляд возвращается ко мне, пока он натягивает брюки.

— Я приведу себя в порядок сегодня.

Я хмурюсь.

— Я сказала, что мне нравится.

Его глаза оглядывают меня снова, он ворчит.

— Джон сказал, ты не работала последние два дня. Ты больна?

Поговорим о смене темы.

— Нет, — говорю. — Я прибиралась дома для тебя.

— У нас есть уборщики, Катя. Я плачу тебе за работу и ожидаю, что ты будешь работать.

Мои глаза горят. Его не было две недели, и вот какое приветствие получаю в ответ. Машина останавливается, и я пялюсь на него. Я знаю, он видит боль на моём лице, но он никак не реагирует.

— Я скучала по тебе, — шепчу. — И это всё что ты можешь сказать?

Он изучает моё лицо, пока не открывается дверь. Он наклоняется, берёт меня за

подбородок и быстро целует, сразу же покидая машину.

Ай.

Глава 10

Тогда

Маркус

— Разберись, Улио, — ворчу я, барабанив пальцами по сосновому столу.

— Это не ответ, — рычит Улио. — Ты просишь меня объегорить крупную шишку, который пришёл и решил, что он хочет твою часть города, чтобы отмыть свои деньги через...

— Тогда сделай это. Это твоя работа. Делай её правильно.

Он что-то бурчит себе под нос и я ухмыляюсь, хотя он не может видеть меня, так как на другом конце телефона. Я откидываюсь на спинку кресла, скрещивая ноги. Эти мужчины — бля, вы думаете, что я заставлю их обрезать ногти и тащить свои задницы через жаркую пустыню.

— Ладно, разберусь, — он ворчит. — Расскажи мне о диком жлобе Лукасе.

— Он взял мою работу, мои деньги, мой бизнес.

Улио фыркает:

— Сука.

— Он сунулся в мой мир, берёт моих клиентов. Я делаю, что должен, и я делаю это без того, чтобы моё имя распространялось вокруг. Он собирается делать это открыто, а мне этого не надо. Прикончи его.

— Хорошо, — проворчал Улио.

— Приятно иметь дело с тобой, — сказал я, отключаясь.

Я откинулся на кресле, пробегаясь руками по волосам. Вести этот бизнес, так же как и поддерживать другие деловые отношения, трудно.

Не говоря уже о том, что к этому добавились попытки доказать девушке что она единственная для меня. Я никогда не преследовал женщин в своей жизни: никогда не приходилось делать всё это романтическое дерьмо, чтобы убедить их, что они меня волнуют. Сейчас же, мне надо это делать, потому что если Катя выяснит своё назначение, я в жопе.

Она горяча, но я не собираюсь впускать её в своё пространство.

Всегда был только я.

И я не готов делиться.

~*~*~*~

Катя

— Я выгляжу ужасно! — я плачу.

Кэндис закатывает глаза.

— Прекрати говорить, как какашка! Ты выглядишь отлично.

Я поворачиваюсь и пялюсь на неё.

— Мои волосы выглядят кошмарно, я слегка обгорела и я уверена, что тут прыщ назревает.

Кэнди кладёт руки на бёдра, наклоня голову и награждая меня недовольным взглядом.

— Твои волосы великолепны, ты загорела, не красная и никакого прыща здесь нет. Перестань пытаться избежать этого свидания с Маркусом.

— Он лишний, — говорю я и мой голос смягчается. — Я не могу совмещать мужчину вроде него, работу и ухаживание за мамой.

Глаза Кэнди теплеют и она кладёт руку мне на плечо.

— Это нормально наслаждаться жизнью, Кать. Ты не должна жить только работой и мамой. Выйди, насладись Маркусом, потому что он здесь ради этого. Ты нравишься ему, потому что я слышала, он никогда не перезванивал женщинам. Дерзай.

Я смотрю на неё и знаю где-то в глубине, она права. Медленно, улыбка расплывается по моему лицу.

— Так я выгляжу нормально?

Она обнимает меня и смеется.

— Ты великолепна!

Спасибо, Боже, за Кэнди.

~*~*~*~

— Ты уверена что всё в порядке, мам? — шепчу, заправляя выбившуюся прядь за ухо моей мамы.

Я смотрю на неё в её кресле, и вспоминаю времена, когда она была высокой и стройной. Она выглядела такой здоровой, такой сияющей, пока в один день у нее не заболела голова. Это продолжалось несколько месяцев, она ходила к доктору, пока ей не сделали компьютерную томографию. У неё была опухоль с осложнением. Мы потратили год, полагая, что её нельзя удалить, и мама умрёт, но доктор сказал, что стоит попробовать. Она была в таком плохом

состоянии, страдая так сильно, что иногда даже не могла встать с кровати, и тогда она решила, что риск стоит того.

Опухоль удалили, но жизненно важные нервы были повреждены. Теперь она боролась со своими конечностями. Её мозг не посылает правильные сигналы, и ей трудно двигаться как обычно. У мамы была интенсивная физиотерапия и ещё одна операция, чтобы исправить некоторые повреждения, но она всё ещё в состоянии жить нормальной жизнью. О ней надо будет всегда заботиться, даже если и чуть-чуть.

Это не то чего она хотела, но это то, что у неё есть, и я не могу бросить маму.

— Я в порядке, милая, — она сияет, её язык слегка заплетается. Это не плохо. — Наслаждайся.

Моя замечательная мама — даже когда она в таком плохом состоянии, она успевает сделать мою жизнь прекрасней. Она гудит, даже поет, ежедневно. Она всегда просит меня принести цветы и расставить что-нибудь яркое в доме, и вечно уговаривает меня пойти и насладиться жизнью. Хотя ей и трудно совладать со своими движениями, она умеет управлять руками и делать что-нибудь стандартное для себя, как бы то ни было, пока меня нет, ей нужна сиделка.

Мы наняли Элли для этого.

Я много плачу Элли, но оно того стоит.

— Элли придёт с минуты на минуту, и я не задержусь надолго.

Она потянулась ко мне, но это заняло больше времени, так что я протянула и сама взяла маму за руку.

— Не волнуйся обо мне, — говорит она медленно, и я знаю, что она устала. — Пожалуйста, Катя.

— Я всегда волнуюсь о тебе, — говорю я, целуя её в щеку. — Но я пойду.

— Он хороший? — она улыбается.

Я ухмыляюсь ей. Моя мама, даже сейчас невероятно красива. Я бы хотела, чтобы она

нашла мужчину, который бы любил её настолько, насколько она этого заслуживает.

— Он привлекательный, но я не знаю его.

Я не говорю маме о том, что иду с игроком и мы переспали в самую первую ночь.

— Узнаешь, — она сияет.

Я смеюсь над её оптимизмом, когда входит Элли. Она маленькая мексиканка, весёлая, но суровая. Она не позволит маме перебарщивать, но, в то же время, у них хорошие взаимоотношения и дружба на всю жизнь.

— Добрый вечер, Катя, — говорит Элли, целуя меня в щёку.

Она одета в мягкое, цветочное платье. Её волосы распущены, касаются плеч и её карие глаза светятся радостью. Она всегда рада. И я люблю её за это. И мама тоже.

— Спасибо, что пришла так быстро, — я улыбаюсь, обнимая её.

— Не волнуйся об этом, — отчитывает она меня, грозя пальчиком. — Иди, веселись.

Свет фар автомобиля мигают в окне и мою грудь стягивает.

— Он здесь, — я выдыхаю.

— Должна ли Элли выйти, встретить этого мужчину и сказать как нужно обращаться с моей малышкой? — говорит Элли, выпятив грудь.

Я смеюсь и целую её в щеку.

— Нет, спасибо, Элли.

Я обнимаю маму и она слегка улыбается.

— Веселись. И не торопись.

Я машу им и выхожу. Здесь темная Ауди стоит на дороге. Я не могу рассмотреть что внутри, но я знаю, что она принадлежит Маркусу. Сглатывая, я подхожу и открываю дверь. Я вздыхаю от удовольствия, замечая великолепного мужчину на переднем сидении. Он надел черные брюки в паре с рубашкой на пуговицах. Вместо галстука и пиджака он надел жилет. Рукава закатаны до локтей, и он выглядит как рай, соединившийся с адом.

— Маркус, — говорю с придыханием.

Молодец, Катя.

— Катя, — говорит он, его голос низкий и хриплый.

Блин.

Я сажусь в машину, прохладное кожаное кресло задевает бёдра. Моё чёрное платье короткое, но не как у шлюхи. Оно с большим вырезом, демонстрируя декольте, чтобы это выглядело сексуально, но элегантно. Я подобрала к нему пару черных лодочек, и оставила волосы распущенными с легкими кудрями.

Я закрываю дверь и поворачиваюсь к Маркусу, и взгляд, которым он одаривает меня жаркий. Ему не надо использовать слова — его выражение лица говорит мне точно, чего он хочет от меня.

— Так, — я выдыхаю, — что на ужин?

Его губа дёргается.

Грязный ублюдок.

— Не отвечай, — говорю.

— Сегодня, — мурлычет он, опуская свой взгляд на мои губы. — Ты выглядишь сногсшибательно.

Оу. Вау.

— Ох, спасибо.

После этого он отворачивается и везет нас на ужин.

Глава 11

Сейчас

Катя

Я стучу в дверь снова и снова, пальцы дрожат. Я закрываю глаза, пытаюсь собраться. Мне больно: Маркус уезжал на две недели и вернувшись, так легко отмахнулся от меня. Он вообще скучал по мне? Думал ли он хоть чуть-чуть о том, что хочет быть дома в моих объятиях?

Моё сердце болит — болит, потому что глубоко в груди возникает тянущее чувство, что говорит, будто я что-то упускаю. Я просто этого не понимаю. Маркус мог обладать любой женщиной только щёлкнув пальцами, это точно, так зачем выбирать меня и жениться, если ему плевать?

— Милая.

Я резко поднимаю голову и вижу маму, сидящую в своём кресле у двери.

— Мамочка, — шепчу я.

— Оу, Катя, входи, милая.

Я спешу зайти, наклоняюсь и обнимаю маму за шею. Она крепко держит меня, а затем мы обе идем на кухню.

— Ты ужасно выглядишь. Что происходит?

— Это из-за Маркуса, — говорю, садясь за обеденный стол и кладя голову на руки.

— Вы двое поругались?

Я вздыхаю, затем поднимаю свой взгляд и смотрю на неё. Я рассказываю всё, что произошло с Маркусом, и она слушает, ее глаза смягчаются. Она кивает то там, то тут, но ничего не говорит пока я не заканчиваю.

— Я просто не знаю, что чувствую, — признаюсь.

— Дорогая, может что-то скрывается за этим. Может, что-то плохое случилось? Может у него стресс.

— Это не единственный случай, мам.

— Он плохо с тобой обращается, дорогая?

— Нет, — говорю я, и это правда. Он не обращается со мной плохо: он просто не любит. — Я просто не ощущаю, что он любит меня, что его женитьба на мне была осмысленной.

— Позволь мне сказать тебе кое-что, что я узнала о таких мужчинах, как Маркус, — начинает она. — Мужчины, вроде него, борются с эмоциями. Они хмурые и злые из-за обстоятельств в своей жизни, всё произошедшее с ними подействовало на их характер и поведение. Они стараются не демонстрировать любовь, и иногда выглядят холодными, чтобы держать всё под контролем.

— Я знаю, — шепчу. — Понимаю, я просто не знаю, что могло произойти в его мире, из-за чего он стал таким закрытым.

— Ты любишь его, Катя?

— Даже больше, чем должна.

— Тогда будь с ним. Поговори с ним: посмотри, вдруг у тебя получится разговорить его и ты поймёшь, почему он отстраняется. Это может занять время, но ты же старательная девочка, Катя. Если он любит тебя, то разберётся. Брак бывает очень сложным, просто надо найти способ бороться.

Я улыбаюсь, зная, что она права. Я наклоняюсь и снова обнимаю её.

— Спасибо, что выслушала, мам.

— В любое время, милая. Только не бросай его, ладно?

— Ладно, мам.

Я провожу следующие два часа с ней, и после трёх кружечек кофе и двух печенек с шоколадом, я иду домой, готовая встретиться с ним лицом к лицу. Готова откинуть свои сомнения. Готова заставить себя поверить что я не сумасшедшая и Маркус реально любит меня.

~*~*~*~

Я чувствую запах чеснока и томата сразу же, как переступаю порог дома. Ням. Я прохожу к кухне и останавливаюсь, когда вижу Маркуса, сидящего за стойкой, накручивая на вилку пасту.

— Где ты была? — спрашивает он не оборачиваясь.

Мою грудь сковывает. Я хочу верить что мама права, я хочу бороться за этого мужчину, которого я люблю так сильно, но когда он разговаривает со мной в таком тоне, таким голосом, сложно поверить, что есть какая-то надежда.

— Ходила повидаться с мамой.

— Как она?

— Нормально.

Он оборачивается и смотрит на меня, Боже, он выглядит уставшим. Он кивает в сторону спагетти, которые всё ещё стоят смешанные в сковородке.

— Ты приготовил это? — спрашиваю я, подходя и беря в руки чашку.

— Да.

— Не знала, что ты готовишь.

Его глаза метнулись ко мне.

— Есть много вещей, которых ты не знаешь обо мне, Катя.

— Вроде чего? — подталкиваю я.

Он качает головой, а затем встаёт, убирая чашку в раковину. Затем он медленно подходит ко мне. Его руки дернулись, оборачиваясь вокруг задней части шеи, притягивая меня к себе и касаясь своими губами моих. Мое сердце болит, и я знаю какой слабой он делает меня одним лишь касанием.

— Я не клал лук, — бормочет он, отступая. — Я знаю, ты не любишь его.

После этого, он исчезает в коридоре.

Моё сердце разрывается от любви.

Он внимателен к окружающему. Я только однажды сказала ему, что не люблю лук и это было в самом начале.

Может мама права: может, ему просто нужно время.

Глава 12

Тогда

Катя

— О, Боже, — стону я, облизывая пальцы.

Когда я открываю глаза, Маркус наблюдает за мной этими сексуальными глазами, цвета топленого шоколада. Черт. Я закусываю нижнюю губу и отвожу взгляд. У меня только что был оргазм от пасты, которую мы заказали в этом потрясающем итальянском ресторане, и Маркус заморожено наблюдал за мной, словно я первая женщина в его жизни, а он только узнал, что у него есть пенис.

— Неплохо, да? — говорит он, протягивает руку через стол и проводит пальцем по моей нижней губе. На пальце оказывается капля соуса и он медленно и соблазнительно помещает его в свой рот.

Боже.

За него и умереть не страшно.

— Ага, — шепчу, смотря, как его губы оборачиваются вокруг пальца, пока он слизывает соус.

Ням.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, Катя, — спрашивает он хриплым голосом.

— Я уверена, что большую часть ты уже знаешь.

Я с усилием отвожу взгляд от его лица, губ и всего его в целом, потому что на него практически больно смотреть. Он такой поразительный.

— Расскажи мне что-нибудь, чего я не знаю. Есть ли у тебя братья или сестры?

Мой взгляд возвращается к нему, и, должно быть, он видит боль на моем лице, потому что он хмурится.

— Нет, — шепчу я.

Он изучает меня, затем бормочет:

— И это ранит тебя.

Я пожимаю плечами и пялюсь вниз на еду. Он протягивает руку через стол и берет меня за подбородок, приподнимая его.

— Катя.

— Расскажи мне что-нибудь о себе, — говорю я, дернув головой и избавляясь от его хватки, и выдавливая из себя фальшивую улыбку.

Он хмурится, но не настаивает. Он садится на место и наблюдает за мной, пока разговаривает:

— Ни братьев, ни сестер: ну, точнее, родных, нет. У меня есть сводные. Отец мертв. Мать тоже. И дед тоже умер недавно.

Иисус.

— Мне жаль, Маркус.

Он пожимает плечами.

— Это жизнь, Катя.

— Что насчет твоих сводных родственников? Вы близки?

Он трясет головой.

— Нет, мой отец женился на их матери намного позже смерти моей мамы. Мне они никогда не нравились, и я им тоже. И мне не жаль. Они эгоистичны, избалованы и никогда не собираются строить свою собственную жизнь.

Боже, он такой... сильный.

— Так семьи у тебя не осталось?

— Есть кое-кто, кузены и прочие. Мы не особо близки.

Бедный мужчина. Я бы умерла, если бы с моей мамой что-то случилось.

— Твоя работа. Ты, очевидно, любишь ее?

Он склоняет голову набок.

— Да, Катя, я люблю ее.

То, как он произнес это... *странно*.

— Ты главный?

— Да.

Я киваю.

— Иди сюда.

Я моргаю, затем лепечу:

— Что?

— Иди сюда.

Мои щеки краснеют, когда он манит меня пальцем. Мое тело, чертов предатель, подчиняется, и я встаю, двигаясь к нему. Он тянет меня вниз рядом с ним, и я полностью заморожена каждым его дюймом. Боже. Его рука находит мое бедро и он поворачивает меня к себе и наклоняя свое лицо пока оно не оказывается ближе к моему.

— Я не собираюсь ходить вокруг да около. Я готов прямо сейчас сказать, что заинтересован. Я не играю в игры. Я не преследую. Я получаю то, чего хочу, а сейчас я хочу тебя.

Боже мой.

— Ты не знаешь меня, — шепчу.

Он поднимает палец, пробегаясь им по моей щеке. Мое тело дрожит.

— Я знаю достаточно.

— Достаточно для чего?

— Для себя, знаю, что я хочу тебя в своей кровати больше одного раза.

Я качаю головой, прерывая зрительный контакт.

— Я не могу, я... не могу. Мужчины, вроде тебя... я просто не могу.

— Скажи мне почему, — рычит он, опуская свою голову к моей шее и прижимая свои губы к ней. Мои глаза закрыты, и черт меня подери, если я не хочу вжаться в него.

— Из-за моей мамы... я часто нужна ей рядом. У меня нет времени.

— Твоя мама будет в порядке, — мурлычет он около моей кожи. — Я позабочусь об этом.

— Я много работаю, — протестую я, тяжело дыша. — Я не могу выделить время в своей жизни для свиданий.

— Ты будешь приходить ко мне домой после работы, или я буду приходить к тебе. Все просто.

— Маркус, — стону я, когда он скользит своим языком по моей шее и его рука исчезает под моим платьем, задевая трусики.

— Мокрая, — он шипит. — Чертовски сладкая.

— Маркус, пожалуйста, — умоляю тихо.

Он скользит пальцем под мои трусики и начинает меня ласкать. Святое дерьмо. Мои пальцы сжимают его бицепс и я пытаюсь оттолкнуть его, но это настолько же успешно, если бы вместо Маркуса стояла кирпичная стена. Он не поддается. Он продолжает зарываться в мою шею, вызывая покалывание по коже, пока его пальцы ласкают мою киску.

— Ты такая мокрая, Катя. Я уверяю тебя, — он рычит в мое ухо. — Пока ты со мной, так будет всегда.

Это обещание.

Такое заманчивое обещание.

— Маркус, ты не понимаешь.

— Мне и не нужно понимать.

Иисус.

Он скользит пальцем внутрь меня. Матерь божья.

— Маркус, остановись.

— Нет, Катя, — рокошет он.

— Еще вина, сэр?

Я замираю, когда слышу голос официантки. Маркус поднимает голову с моей шеи и смотрит на нее: спасибо, господи, что она не может видеть, что его пальцы глубоко во мне.

— Пожалуйста, — мурлычет он.

Используя ее, как оправдание, я отталкиваюсь назад, зная, что он не станет спорить, чтобы я осталась здесь из-за нашего эротического положения. Его пальцы выскальзывают из меня и я сдвигаюсь, так что он не может видеть, что происходит, пока я встаю с места. Маркус награждает меня предупреждающим взглядом, но я все равно поднимаюсь.

— Мне нужно в уборную.

Я отворачиваюсь и спешу, проталкиваясь через людей, пока не добираюсь до ванной. Я останавливаюсь, сомневаясь, и только затем решаю, что не могу иметь с этим дело. Мужчины вроде Маркуса опасны для меня. У меня нет ни времени, ни терпения, чтобы запасть на кого-то вроде него. Он уничтожит меня. Сокрушит. Возьмет мою жизнь в свою руку и будет крутить ею до тех пор, пока не останется ничего, кроме жалкой, тянущейся нитки.

Я не могу позволить этому случиться.

Вместо того, чтобы идти в уборную, я сбегая через задний вход. Не знаю, как он догадался, что я не собираюсь возвращаться, или как он выбрался раньше меня — все, что я знаю, это я, ждущая такси и моя грудь расширяется, когда сильные руки обхватывают мою талию, притягивающие меня к сильной груди. Я извиваюсь, и хватка на мне только усиливается.

— Я могу стерпеть, что меня оставили один раз, — рычит он в мое ухо. — Но не во второй раз.

— Ты не слушаешь меня, — кричу я расстроено. — Я не игрушка для тебя, Маркус. Я сломлена: я не какая-то милая, блестящая вещь, которую ты можешь хранить, пока не наиграешься. У меня на руках мать, Маркус, у которой была опухоль головного мозга и врачи облажались во время операции. Она проживает свою жизнь в коляске, в этой проклятой коляске, которая настолько херовая, что меня даже удивляет, как еще не произошло катастрофы, но я не могу купить новую, не смотря на бесконечные часы, которые я отрабатываю, потому что я плачу за сиделку и хренову кучу долгов за операцию мамы. Я прошу тебя — нет, я умоляю тебя — не делай из меня свою игрушку. Выбери кого-нибудь другого. Кого угодно.

Его руки крепче сжимают меня, я задыхаюсь к концу свое тирады. Я жду, молчание окружает нас. Он держит меня очень, очень долго, держа крепко за талию, его дыхание опалает мое ухо.

— Катя, — наконец бормочет он.

— Я работаю так много, — шепчу я, оседая. Он удерживает меня в вертикальном положении. — На босса, который полный ублюдок.

— Катя.

— Моя мама хочет, чтобы у меня была жизнь. Но у меня ее не может быть

— Катя.

— Потом появляешься ты и я хочу тебя: не знаю, но хочу.

Он прекращает попытки произносить мое имя, поворачивает меня к себе так быстро, что я теряю опору под ногами. Его руки обвивают мою талию, и он держит меня, моя грудь прижата к его. Затем он наклоняется и целует меня. Мои глаза закрыты, ноги до сих пор висят в воздухе, и я отвечаю на его поцелуй. Потому что хочу, потому что нуждаюсь, но больше всего потому что он не дает мне сделать ничего другого и я согласна с этим.

Медленно он начинает двигать нас назад. Мое тело ударяется о машину, и затем я обвиваю свою ногу вокруг его бедра, а он сдвигает мои трусики в сторону. Безумие берет верх, и я тянусь вниз, расстегивая ремень Маркуса. Дрожащими пальцами мне удалось расстегнуть его штаны и залезть внутрь, находя его член. Он шипит напротив моих губ, и толкается пальцами в мои глубины, двигаясь, подготавливая меня.

— Трахни меня, — молю я. — Мне нужно, чтобы ты просто... трахнул меня.

Он берет свой член из моей руки, направляет его между нашими телами и исполняет мою просьбу. Он погружается в меня, глубоко, жестко, заставляя мое тело дернуться от удовольствия. Мои соски болезненно твердеют, и я выгибаюсь к нему. Его пальцы сжимают мои бедра, и он держит меня так сильно, и я знаю, что обнаружу завтра утром синяки. Он трахает меня сильнее, вжимая мое тело в металл машины.

— Маркус, — кричу я.

— Блять, — бурчит он.

Его член погружается глубоко, вколачиваясь снова и снова, сильнее и сильнее, пока мы оба не задыхаемся, цепляемся друг за друга и рычим наши имена. Затем я кончаю. Кончаю так сильно, что перед глазами белеет и крик застревает в горле. Маркус трахает меня даже через мое удовольствие, пока он сам не находит свое освобождение с рыком. Мое лицо падает к нему на грудь, я сжимаю его костюм, прижимая Маркуса к себе, задаваясь вопросом, с какого хрена он решил, что я достаточно хороша, чтобы за меня бороться?

— Почему я? — шепчу я.

Он сжимает мое бедро.

— Если бы это была не ты, — бормочет он, — а другая девушка, она, скорее всего, спрашивала бы то же самое прямо сейчас. Почему бы она была достаточно хороша, Катя? Почему она была лучшим выбором? Здесь нет ответа. Это то, что есть.

Что я могу ответить на это?

Абсолютно ничего.

Глава 13

Сейчас

Маркус

Его лицо становится отвратительного синего цвета, когда моя хватка усиливается на его шее. Я прижимаю его к стене, его ноги болтаются, пальцы сжимают мои запястья, пытаюсь отодвинуть их. Я склоняюсь ближе, обнажая зубы перед его лицом.

— Я не буду спрашивать снова, — огрызаюсь я. — Где Лукас?

— Я не..., — хрипит он. — Я не знаю.

— Ты, блять, знаешь. Ты отмываешь грязные деньги и делаешь их «чистыми», забираешь моих клиентов и покрываешь его. Скажи мне, что ты знаешь?

— Я... я...

Я поднимаю кулак и врезаюсь им в его нос. Доносится тошнотворный треск, он кричит, кровь заполняет его открытый рот. Я толкаю его так сильно, что его голова ударяется о стену.

— Сейчас, — рычу я. — Скажи мне где, блять, он.

— Я не знаю! — пищит он снова. — Я уже давно ничего от него не слышал.

Я отпускаю его. По его выражению можно сказать, что он говорит правду. Ебать. Очередной тупик. Лукас избегает меня, и я знаю почему. Он влез в мой бизнес, сует мой нос к моим клиентам и околачивается там, где ему не следует. Он не хочет, чтоб я преследовал его, но, к сожалению, для него, я уже здесь.

— Передай ему, что Маркус его ищет, — говорю я, смотря вниз на его тело. — Ебаное ничтожество.

Затем я отворачиваюсь и исчезаю в аллее.

Это, оказывается, сложно.

~*~*~*~

Катя

— О, Боже мой, ты выглядишь великолепно, — кричу я, обнимая Сантану.

Она отстраняется, держа руки на моих плечах.

— Как и ты. Как ты добиваешь того, что твои волосы так завиваются?

— С невероятной сложностью, — смеюсь.

Она хихикает, когда Эш и Джайла присоединяются к нам.

— Катя, — смеется Джайла, оборачивая свои руки вокруг меня. — Давно не виделись.

Я сжимаю ее.

— Спасибо, что пришли сегодня.

— Нам нужно было выбраться на ночь. И я была рада, когда ты предложила.

Я киваю и перевожу взгляд на парней. Я только что встретила Мэддокса, Крипта и Мака, членов мотоклуба Гнев Джокеров. Крипт с Эш, и он просто офигенен, весь такой хмурый байкер с темными и пронзительными глазами. Мэддокс с Сантаной, он высокий, здоровый и пугающий. И также он очень привлекательный. Мак с Джайлой и он Коренной Американец — с длинными волосами и шоколадными глазами. Эти девочки сорвали джекпот.

Затем я смотрю на Маркуса.

— Маркус хорошо выглядит сегодня, — хихикает Джайла мне на ухо.

Я тихо смеюсь, цепляясь своей рукой за ее руку.

— Точно? Пойдем, выпьем.

— Я всецело «за».

Мы идем к бару и заказываем шоты. Сантана и Эш присоединяются к нам, но никто из них не пьет, поэтому это делаем только мы с Джайлой. После четырех стопок мы хихикаем и смеемся над всякой фигней. Пара загорелых рук оборачивается вокруг ее талии, я смотрю назад и замечаю прильнувшего к ней Мака, он спрятал лицо в ее шее.

— Детка, ты ведь хорошо себя ведешь?

— Ага, — хихикает она.

— Это твоя первая выпивка?

Она снова хихикает.

— Нет, милый.

Он целует ее шею, а я взглядом нахожу Маркуса, который смеется вместе с Мэддоксом. Он даже не смотрит на меня. Я не думаю, что он хотя бы раз поворачивался в мою сторону. Мое сердце болит, возможно, из-за алкоголя. Мне бы хотелось стряхнуть это чувство опустошенности, но я не могу: я люблю его так чертовски сильно, поэтому я хочу, чтобы он

делал те же самые вещи.

Нормальные вещи.

Я хочу, чтобы он называл меня деткой, хотя бы раз. Хочу, чтобы он оставался в моей кровати. Хочу, чтобы он спрашивал, как много я выпила. Я хочу, чтобы он наблюдал за проходящими мимо мужчинами, как это делает Мэддокс с Сантаной весь прошедший час.

— Потанцуй со мной, Катя, — Джайла ухмыляется, оставляя поцелуй на губах Мака, прежде чем вытянуть меня на танцпол.

Может, Маркус сейчас заметит.

Алкоголь циркулирует в моей голове, заставляя меня хихикать, даже когда я не хочу. Джайла и я танцуем, покачиваясь, виляя бедрами и поднимая руки вверх. Молодой парень танцевал рядом во время пятой песни и положил свои руки на мои бедра. Часть меня хочет отскочить от него, другая часть, которая уже пьяная, глупая, и хочет увидеть, вдруг Маркус заметит.

Я позволяю ему танцевать со мной, держа меня за бедра, раскачиваясь со мной в одном ритме. Джайла награждает меня смущенным взглядом, и ее взгляд часто мечется к Маркусу. Когда я смотрю на него, он наблюдает за мной, его челюсть напряжена, но он не двигается. Ни разу. Даже не на секунду. Мое сердце медленно разбивается на части, и это больно. Боже, как больно.

Я отталкиваюсь от парня и спешу пройти через толпу, выйти на прохладу вечерней улицы. Джайла следует за мной по пятам, и когда я останавливаюсь, она врзается в меня. Я поворачиваюсь, мои глаза наполнены слезами, мое сердце болит.

— Милая, — произносит она, кладя руки мне на плечи. — Ты в порядке?

Я качаю головой.

— Ты все видела, Джайла, собственными глазами. Ему плевать.

— Я...

— Только не говорим мне, что его волнует, это не правда.

— Он выглядит довольно разозленным, милая.

Я трясую головой. Слезы начинают течь.

— Милая, — бормочет она, обнимая меня.

— Можешь попросить Сантану отвезти меня домой?

Она отстраняется и смотрит на меня.

— Разве ты не хочешь сказать Маркусу?

— Нет, — говорю уверенно. — Я просто хочу уйти.

— Хорошо, я позову ее.

Через десять минут появляется Сантана.

Через полчаса я сворачиваюсь в кровати с ноющим сердцем.

Глава 14

Тогда

Катя

— Сделай то, о чем я тебя просил, — орет Роберт.

— Я делаю, — говорю, закрывая глаза и пытаюсь успокоиться.

— Ты удивляешься, почему ты так много работаешь. Если ты сделаешь работу правильно, то не облажаешься, следовательно, и не придется работать много.

Облажаться. *Облажаться.*

Я не совершаю чертовых ошибок, я живу и дышу этой работой, делаю все, о чем просит

этот проныра и не смотря на все мои старания, он ругается большинство дней в неделю.

— Я сказала, что сделаю это, Роберт, то так и будет.

— Ты жалкая, — бормочет он, скрещивая руки на своей дряблой груди. — Я могу нанять помощника получше. Я держу тебя на этой должности чисто из-за жалости.

И это он тоже очень часто говорит.

— Если бы твоя мать не была больна, тебя бы здесь не было. Помни об этом, Катя. Ты просто... обычная.

Обычная.

Мои глаза жжет. Обычно я дерзка и остроумна, но сейчас я просто устала. Все потому что у мамы была тяжелая ночь, у нее болела голова, она много плакала. Я провела все время рядом с ней. Потом Маркус. Мужчина, с которым я встречалась три раза и все еще он как-то убеждает меня, что с ним стоит встречаться еще. Он опасен, я знаю это, но останавливает ли меня это? Нет.

Я поворачиваюсь и ухожу из офиса прежде, чем разревусь жалкими слезами. Это только распалит Роберта еще больше. Пришло время для отдыха, и пока у меня нет драгоценного времени на это, я возьму его. Слезы пекут глаза, пока я спешу на выход из массивного здания на оживленную улицу. И тогда я врезаюсь в твердую, красивую фигуру, которую я быстро узнаю по запаху.

Маркус.

— Катя, — говорит он, кладя руки на мои предплечья и отстраняя меня.

Я смотрю на него, и смаргиваю слезы. Он хмурится.

— Ты плачешь.

— Нет.

— Лжешь, — рычит он. — Не делай этого.

— Мой босс ведет себя как подонок, вот и все.

Его осеняет.

— Твой босс — Роберт Касо, да?

Я моргаю.

— Ты знаешь его.

Маркус горько смеется.

— Именно, я знаком с ним. Дай мне переговорить с ним.

— Маркус, нет, — молю я, хватаясь за его руку.

— Ты работаешь больше пятидесяти часов в неделю, — начинает он.

— Маркус.

— За минимальную зарплату.

— Пожалуйста, — прошу я.

— И он обращается с тобой, как с дворняжкой, и я знаю это, потому что знаком с ним.

— Маркус.

Он приближается с доминирующим видом. Черты его лица резкие и он не потерпит возражений. Меня это пугает, но я не спорю.

— Ты стоишь здесь и плачешь, и у меня есть одно единственное предположение, кто виноват в этом. Я собираюсь поговорить.

— Маркус, — умоляю я, беря его за руку. — Эта работа все, что у меня есть. Если я потеряю ее...

— Потеряешь ее, и я дам тебе другую.

С этими словами он идет внутрь. Я нахожу лавочку в парке и кладу голову на руки, сдерживая слезы. Иногда жизнь становится трудней, и обычно я борюсь с этим, но сегодня я чувствую себя слабой, жалкой, и неспособной вытащить внутреннюю Катю, которая смотрит на мир с усмешкой.

Ее просто здесь нет.

~*~*~*~

Маркус

— Рад тебя видеть, Роберт, — ворчу я, входя в кабинет ублюдочного босса Кати.

Не поймите меня неправильно, я ублюдок, когда надо, но я никогда не отправлю своих девушек плакать на улицу, и не заставляю их работать столько часов, сколько работает она, за ту же зарплату, что ей платят. Я знаю все о Роберте, включая то, что он любит делать на выходных. Он забывает, что я плохой человек. Забывает, что я могу уложить его.

Он вспоминает сейчас, я знаю, что вспоминает, потому что его лицо бледнеет и он заикается:

— Что ты здесь делаешь? Как ты вообще вошел?

— Я здесь поболтать, — говорю я, прильнув к двери.

— Убирайся, Маркус. Я вызову охрану и...

— И что? — ожесточенно усмехаюсь. — Мы оба знаем, если я захочу, ты не покинешь эту комнату. Я здесь, чтобы поговорить о Кате.

Его лицо кривится от отвращения.

— Кате?

— Да, Кате. Моей невесте.

Он моргает. Я сохраняю нейтральное выражение. Ему не надо знать, что мы еще не дошли до этой точки... пока.

— Катя твоя... твоя...

— Исходя из этого, — говорю, отталкиваясь от двери и небрежно двигаясь к нему. — Видишь ли, я только что нашел свою невесту на улице плачущей.

— Я не...

— Я не закончил, Роберт, — произношу и награждаю его взглядом, от которого он замолкает. — Как я сказал, я нашел ее плачущей. И это не в первый раз, — лгу. — К слову, я знаю, как ты с ней обращаешься. Я так же знаю, сколько часов ты заставляешь ее работать за минимальную зарплату, которая, мы оба знаем, ничтожна, даже для такой мрази как ты.

— Я ее босс. Что я делаю, это не твое...

— Я надеюсь, ты не собираешься сказать, что это не мое дело, — я делаю шаг вперед, а он отступает назад. — Потому что, Роберт, я сокрушу тебя.

— Ты не можешь заявиться сюда и угрожать мне, Маркус Тандем!

— Могу, я уже здесь, и ты будешь делать, как я говорю.

— Я вызову полицию и...

Я громко смеюсь.

— И что? Давай, скажи мне. Я имею в виду, мы же не можем рассказать им, что ты был частью поставок наркотиков за границу, не так ли?

Он краснеет и сжимает руки в кулаки.

— В смысле, что тогда будет с твоим бизнесом?

— Ты высказал свою точку зрения, Маркус, — шипит он. — Скажи, зачем ты пришел сюда и убирайся из моего офиса.

Я двигаюсь, оборачиваю пальцы вокруг его шеи, и толкаю его к стене. Его толстое тело колеблется, когда он пытается выбраться, его пальцы отдергивают мои, стараясь убрать мою руку со своей шеи. Его лицо краснее сильнее и он начинает задыхаться.

— Все просто. Ты собираешься платить той девушке больше денег за меньшее количество часов. Будешь обращаться к ней с уважением. И ты продвинешь ее на другую должность далеко, далеко от себя.

Он такой красный, практически фиолетовый. Я отпускаю его. Он падает на пол.

— Ну?

— Договорились, — кашляет он.

— Я убежусь в том, что ты выполнил сделку, — говорю я, поправляя костюм. — Хорошего дня, Роберт.

После этих слов я ухожу.

~*~*~

Катя

Я неловко перебираю пальцами, когда Маркус выходит. Он шагает, его выражение лица нейтральное. Я вскакиваю и бегу к нему.

— Что ты сделал?

— Уладил все.

— Уладил как?

Его глаза вспыхивают, но он не делает попытки, чтобы объяснить.

— Маркус?

Он льнет ближе.

— Все решено, Катя.

— Маркус, — начинаю я, но он отрезает меня, притягивая меня ближе к себе за шею. Наши лица лишь в миллиметрах друг от друга и его взгляд настолько интенсивный, что мое дыхание застревает в горле.

— Что сделано, то сделано. Возвращайся на работу. Заканчивай свой день.

— Маркус.

— Позже, Катя.

После этого он отпускает меня, отворачивается и уходит.

Агрх!

Глава 15

Сейчас

Катя

Я слышу, как его машина заворачивает, и фары освещают мою комнату. Он дома. Я переворачиваюсь на бок, сворачиваясь в шарик. Мое сердце болит: болит, потому что он не защищает меня. Он не выбил все из того парня, с которым я танцевала. Он не продемонстрировал ничего. Вообще ничего. Мне бы хотелось не любить его так сильно. Хотелось, чтобы не было больно. Хотелось, чтобы у меня были силы злиться на него.

Я пялюсь на дверь спальни, как только захлопывается входная дверь.

Я знаю, что должна сделать, в ту же минуту, как я услышала, как ключи ударяются о стол: *я знаю*.

Я выбираюсь из кровати, подхожу к двери и запираю замок. Затем возвращаюсь в кровать и закрываю глаза, зажмуривая их, когда он останавливается около моей двери. Я слышу, как дверь дребезжит, и мое сердце злостно сжимается. Я сглатываю, и слеза стекает

из угла глаза.

— Катя?

Боже.

— Открой дверь.

Я прижимаю лицо к подушке, и слышу, как дверь шумит еще раз.

Затем он уходит.

Уходит.

Мое сердце не вынесет больше.

~*~*~*~

Я глубоко сплю, когда дверь снова дребезжит. Она черная как смоль, и я знаю, что это Маркус. Она скрипит еще пару раз и затем открывается. Я держу глаза закрытыми, когда чувствую, как кровать прогибается. Пальцы Маркуса скользят по моим бедрам, и я сжимаю глаза, боль распространяется через сердце и уходит в глубину души.

— Я знаю, что ты проснулась, дорогая, — мурлычет он.

— Не называй меня так, — шепчу. — Просто уходи, Маркус.

— Ты злишься на меня.

Я раздражаюсь.

— Какой же ты наблюдательный.

— Почему?

Я переворачиваюсь и его пальцы остаются на моих бедрах, вырисовывая маленькие кружки.

— Серьезно? — шепчу. — Почему?

— Да, Катя. Почему?

— Там был мужчина, лапающий меня.

Он молчит.

— Да, был.

— И ты просто стоял и смотрел. Позволь спросить, Маркус, почему ты женился на мне?

Еще больше молчания.

— Ты даже ответить не можешь, не так ли? Не можешь, потому что я ничего для тебя не значу, вообще ничего. На хера ты вообще делаешь это со мной? Тратишь мое время? Заставляешь меня любить тебя? Делаешь меня своей женой? Когда все, чего ты хочешь, это кусок задницы в своей постели.

— Катя.

— Иди нахуй, ублюдок. Он лапал меня, — я повышаю голос. — Он держал свои руки на теле, которое должно быть твоим и тебе плевать.

— Я, блять, ненавижу это, — рявкает он.

Я вздрагиваю.

— Что?

— Чертовски ненавижу это, но я знал, что ты делала. Я, черт подери, знал, что ты пытаешься выбесить меня, потому что сама была раздражена.

— Что? — спрашиваю еще раз.

— Чтоб меня, Катя. Ты все тестируешь.

— Просто уйди.

— Нет.

— Маркус.

Он наклоняется, переворачивая меня на спину, и его тело накрывает меня сверху. Я зло вскрикиваю, толкая его в грудь, но он не двигается.

— Перестань бороться со мной, Катя, — шипит он.

— Может, ты должен был бороться за меня. Может быть, будет лучше для всех, если я просто уйду.

— Нет.

Слова получаются хриплыми, такими настоящими, глубокими, и мой рот закрывается. Его рот находит мою шею, и он нежно меня целует. Черт бы его побрал. Чтоб его. Его пальцы пробегают по моим бокам, его рот двигается по моему телу, и я знаю, что он берет вверх. Он побеждает. Он успокаивает меня. Он заставляет меня простить его с каждым касанием.

— Скажи, что ты любишь меня, Катя, — требует он хрипло.

— Нет, — стону я, когда его губы двигаются вниз по моей шее.

— Скажи мне, Катя.

— Сказать тебе то, что ты отказываешься сказать мне? Нет! — восклицаю я.

Его рот находит мои груди и он посасывает их сквозь ночнушку. Мое тело выгибается вверх.

— Катя, — предупреждает он.

— Пошел ты, Маркус Тандем.

Он рычит, низко и угрожающе, но я не сдаюсь. Я не отдам ему то, что он пытается вытащить. Не сегодня. Даже если я чувствую это, каждым дюймом своего тела, он не прорвется через эту стену.

— Ты простишь меня, — гудит он напротив моей кожи.

— Нет.

— Да.

Он победил.

Он заставил меня простить его своим ртом между моих ног.

Затем своим членом глубоко внутри меня.

И я вернулась обратно к началу.

Абсолютно потерявшая голову из-за него, и теряющая часть своей души.

Глава 16

Тогда

Катя

— Катя! — моя мама плачет в трубку.

— Мама? Что не так? Что-то случилось?

— Да, кое-что, безусловно, произошло. Катя, я не понимаю, зачем ты сделала это для меня? Я же знаю, что ты не можешь себе этого позволить, дорогая.

Ауч?

— Мама, подожди минутку, давай с самого начала. Я не совсем понимаю, о чём ты говоришь?

— Кресло...

Инвалидное кресло?

— Что случилось? Неужели оно сломалось?

— Катя, — тихо говорит она. — Новое.

Новое?

Причём тут новое?

— Я не понимаю. Я не покупала инвалидное кресло.

— Ты... ты этого не делала?

— Нет, мама.

Тогда кто?

— Там записка на коробке, подожди, я сейчас посмотрю.

Она затихает, затем через мгновение начинает задыхаться.

— Мама? — Я уже плачу. — Что там?

— Здесь... здесь написано... Я надеюсь, что это делает вашу жизнь легче. М.
М.

О, Боже, Маркус.

— Маркус. — шепчу я про себя.

— Я думала, что между вами не было ничего серьезного, Кэт?

— Не было.

— А сейчас?

Я говорила ему, что я тяжело работаю и не могу себе этого позволить. Он организовал ей подарок. Я сказала ему, что мой босс был мудаком. Он изменил это. Маркус пытается доказать мне, что он настроен серьёзно, и я начинаю в это верить.

— Мама...

— О, Катя, — шепчет она, прежде чем я могу возразить. — Это удивительно. Я не могу... Я так счастлива.

Она счастлива.

Мое сердце разрывается, и я знаю, что не могу спорить с этим и расстраивать её. Я также знаю, что Маркус обернёт это таким образом, что я ему буду обязана. Какая-то часть меня хочет быть ему обязанной; но другая часть меня боится. Однако именно это заставляет моё сердце раскалываться. Сегодня был один из лучших дней в моей жизни. Когда я вернулась на работу, мой босс извинился, повысил мне зарплату и сократил мои рабочие часы.

Что бы Маркус не сделал, это всё изменило.

И при этом, он изменил мою жизнь.

Я беру себя в руки и говорю в трубку:

— Я должна идти, мама, но я помогу тебе настроить его, как только вернусь домой.

— О, оно электрическое! — восклицает она.

С улыбкой, я вешаю трубку и машу рукой такси.

А потом я направляюсь к Маркусу домой.

~ * ~ * ~ * ~

— Маркус на месте? — спрашиваю я, опершись бедром на стойку ресепшена.

— У него встреча, — бормочет администратор. — Его долго не будет.

— Могу я увидеть Кэнди?

Она прищуривает глаза.

— Могу я узнать причину, по которой вы хотите его видеть?

О, вот кто меня не любит. Интересно, не она ли та администратор, которую я видела в последний раз, когда была здесь. Возможно, она одна из бывших любовниц Маркуса. Это бы меня ни капельки не удивило.

— Ну, — сказала я, усмехаясь ей в лицо. — Я была с Маркусом прошлой ночью, или,

если быть точнее, в его постели, поэтому я здесь, чтобы увидеть его.

— Вы и остальная часть страны, — проговорила она с горечью в голосе.

Определенно корова.

— Он сказал мне прийти сюда. Если вам что-то не нравится, вы можете с ним связаться. Я буду у Кэнди.

С этими словами я оттолкнула её и поднялась в офис Кэнди. Она сидела за столом, разговаривая по телефону, но когда я вошла, быстро закончила разговор и, подскочив, бросилась ко мне и крепко обняла.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовалась подруга, отстранившись.

— Я пришла сюда, чтобы увидеть Маркуса.

Она прищурилась, потом упёрлась руками в бёдра.

— Зачем?

Я широко ухмыльнулась.

— Это тебя не касается, детка.

— Это моё дело, если ты собираешься отправиться в его кабинет, где, кстати, я могу всё услышать, и попрыгать на его костях.

— Он купил маме инвалидное кресло.

Она растерянно мигнула.

— Маркус Тандем купил твоей матери инвалидное кресло?

Я киваю.

— Да.

— Зачем?

— Я не знаю.

— Маркус — игрок.

В моей груди что-то сжимается, но я киваю головой в знак согласия.

— Казалось бы, это так..

— Он не покупает, — она наклоняется близко ко мне и тихо произносит: — инвалидные кресла.

Я сморщилась, поджав губы.

— Ну, он это сделал.

— Что ты с ним сделала?

Я тихо засмеялась.

— Понятия не имею.

Мимо нас прошла группа мужчин, и Кэнди кивнула в их сторону.

— Это были его парни. Он освободился.

Мое сердце начинает стучать сильнее, когда я выпрямляюсь.

— Скоро увидимся.

— Держи его в шганах, милая.

Смеясь, я выхожу из офиса и поворачиваюсь лицом к Маркусу. Он остановился в дверях, скрестив руки на груди, и наблюдал за уходящими мужчинами. Когда Маркус заметил меня, то взглядом окинул меня с ног до головы, и на его лице проступило вожелание. О, мальчик мой. Я улыбаюсь, не в силах сдержаться. Моя улыбка выглядит такой огромной и радостной, и полной благодарности.

Тогда я иду к нему на дрожащих ногах. Зная, что я собираюсь сделать, когда я окажусь рядом с ним, и, зная, что я не должна этого делать. Я не могу остановиться, даже если бы

захотела. Он подкупил мою мать инвалидной коляской. Он изменил мою жизнь настолько, что, я думаю, он этого даже не понимает. Когда я подхожу к нему, моя рука скользит вверх и обвивается вокруг его шеи, и я притягиваю его к себе. Его губы находят мои, и я целую его, вкладывая всю душу. Целую так сильно, что низкий рычащий стон вырывается из его горла.

Он делает шаг назад, обхватив меня за талию, и втягивает меня в свой офис. Маркус разворачивает нас, пинком захлопывая дверь, и рывком притягивает меня к себе. Спинай я упираюсь в прохладное дерево, когда Маркус придавликает меня к стене, тесно прижимаясь своим телом. Я целую его, пока хватает дыхания, и он возвращает поцелуи в полную силу. Он показывает мне глубину, и страсть, и красоту. В исступлении я рву его рубашку, распакиваю ее и глажу своими руками восхитительные мышцы на груди и животе.

Он низко урчит, и тянет вверх мою юбку, разрывая наш поцелуй. Маркус зарывается лицом в мою шею, хищно целуя, в то время как его пальцы скользят по моим бедрам, вызывая маленькие покалывания везде, где прикасаются умелые руки.

— Тебе повысили зарплату? — шепчет он мне в ухо.

— Да, — я еле дышу, когда его пальцы находят мою киску.

— Твоя мать получила своё кресло?

— Боже, да!

Пожалуйста...

Я начинаю стонать, когда он скользит пальцами внутри меня. Он толкается глубоко, в то время как другой рукой расстёгивает застёжку на поясе. Потом освобождает себя, вытаскивает пальцы из лона и подтягивает мою ногу, оборачивая вокруг своей талии. Затем берет в руку свой член и медленно направляет его в мою жаждущую киску. Я всхлипываю, когда он резко вонзается, моя голова откидывается назад, и я судорожно хватаюсь за его плечи.

— Тугая, сладкая дырочка, — рычит он мне в шею.

— Иисус, — я шепчу.

Он начинает жестко трахать меня, прижав к стене, тяжело и глубоко. Его член убивает меня, понемногу, с каждым мощным толчком. Жадный рот пожирает мою шею, хищные руки впиваются в мою задницу, и он трахает меня так, как я никогда не испытывала в жизни. Мои бедра и задница подпрыгивая на его члене, когда он поднимает ногу, используя мой зад, чтобы управлять своими толчками.

Потом кто-то стучит в дверь.

— Бл. ть, — хрипит он, замедляя толчки, но полностью не останавливаясь. Потом с рычанием произносит: — Что?

— Маркус, у вас следующая встреча с посетителями.

Администратор с ресепшена. Плохой выбор времени, леди.

— Маркус, — тихо шепчу я.

— Т-с-с, — бормочет он, потом кричит: — Буду там в десять.

— Вы хотите, чтобы я подготовила презентацию?

Он скользит своим членом вглубь и обратно, заставляя меня стонать, уткнувшись в его грудь.

— Да.

— А что насчёт утреннего чая? Кто займётся организацией?

— Скажи ей, чтобы ушла, — шепчу ему на ухо. — Боже, Маркус! Мне нужно, чтобы ты трахал меня сильнее.

Он одаривает меня неожиданно диким оскалом, и мое сердце ёкает от выражения его лица. Он перехватывает мои бедра, слегка приподнимая их и прижимая к двери, и продолжает трахать меня в то время, как отвечает администратору. Мои соски твердеют, потираясь об его пиджак, и Боже, я хочу кончить.

— Кэнди знает, — кричит Маркус. — А теперь, если вы не возражаете?..

— Хорошо, — говорит она. — Я сожалею.

Маркус поворачивается лицом ко мне, и начинает трахать меня снова, ускоряя темп. Я кончаю после второго глубокого толчка, и мое тело начинает биться в конвульсиях вокруг него.

— Да, — рычит он.

Через мгновение он тоже начинает кончать. Резкие толчки замедляются, голова запрокидывается, и он плотно сжимает челюсти. Он полностью опустошает себя, используя моё тело, издавая стоны с каждым движением бедер. Затем медленно опускает меня на ноги, и я выпрямляюсь.

— Я никогда не говорила спасибо, — шепчу я.

Его глаза всматриваются в мои.

— Думаю, ты только что это сделала.

Я застенчиво улыбаюсь.

Он внимательно изучает меня.

Затем Маркус отворачивается, что-то мелькает на его лице, чего я не совсем понимаю.

— Я должен присутствовать на этой встрече, — сообщает он мне.

— Я знаю.

— Ужин вечером, в семь.

Это приказ. Я рада.

— Хорошо.

Маркус поворачивается ко мне, притягивает к груди, грубо целует, а потом разворачивается и уходит.

И я думаю, что я в него просто влюбилась.

Глава 17

Теперь

Катя

Бух. Бух. Бух.

Я застонала и еле пошевелилась, с трудом держа глаза открытыми. Какого черта? Опять раздался очень громкий стук в дверь. Передвинувшись на постели, почувствовала, что я одна. В очередной раз. Маркус трахал меня. Боже, он меня опять трахнул. И потом, как всегда, оставил в покое, когда я окончательно заснула. Я отказываюсь анализировать это прямо сейчас. Меня больше беспокоит стук в дверь.

Никто обычно не приходит к нашей входной двери, так что происходящее довольно странно, особенно с утра. Со стоном я выползла из кровати. Небрежно собрав пальцами взлохмаченные волосы, быстро сколола зажимом, потом вытащила и нацепила пару шорт и длинную, мешковатую футболку. Только после этого я гордо прошествовала из комнаты, бормоча под нос о раннем времени и отсутствии кофе.

Добравшись до входной двери, я протерла глаза, и отомкнула замок. За дверью стоял хороший одетый мужчина, казавшийся, на первый взгляд, странно знакомым.

Он был высоким, просто невероятно высоким. Роскошные темные волосы крупными

локонами вились вокруг мощных плеч. В целом, он смотрелся очень эффектно, с бархатными карими глазами и смуглой чистой кожей. Пожилой, но красивый. Без сомнения. Что-то странное дрогнуло в моей груди. Как будто я знакома была с ним раньше. Может, видела его в офисе? Я не уверена, но было что-то в нём...

— Маркус здесь? — пролаял он, спутав мои мысли.

— Пардон? — переспросила я.

Иисус, кто-то слишком груб.

— Я спрашиваю, — зарычал он, уставившись мимо меня в распахнутую дверь. —

Маркус здесь?

— И вы...?

— Моё имя — Пьер.

Весь мой мир остановился, и всё встало на свои места. Теперь я поняла, где видела его раньше и почему он выглядит так чертовски знакомо — потому что он мой отец. Я знала о нём совсем не много, но я знала его имя. Это единственная вещь, которую моя мать сообщила мне. Это, и старые фото. На них он был существенно моложе, но сейчас я представила его в своем сознании, и поняла, что именно там я его видела.

Мои руки начали дрожать, следом за ними коленки, пока я не вынуждена была ухватиться за косяк, чтобы не грохнуться на месте.

Мой отец.

Вот он, стоит передо мной.

Я не... Я не понимаю.

— Я...

— Ты что, мать твою, оглохла? — опять пролаял он.

Его голос... такой глубокий, такой густой. Не похожий по интонации на отеческий. Нет, это очень мужской, очень авторитарный тон.

Я просто не могу поверить, что это он. Он знает обо мне? Имеет ли он даже понятие, что у него есть дочь? Я пытаюсь хоть что-то произнести, но у меня не получается. Голос пропал. Я пуста. Я не могу говорить. Эмоции пронизывают мое тело, огромное количество вопросов приходят мне на ум, но больше всего меня мучает горящее любопытство, что за человек передо мной.

Я произошла от него...

— Я...

— Иисус, скажи Маркусу, что у него посетитель!

Я продолжала мерцать глазами на него.

Он на самом деле не обращал на меня внимания, лишь мазнул глазами поначалу, и, в основном, сканировал периметр, переводя взгляд из стороны в сторону, мельком посматривая в коридор за моей спиной. Когда я так и не ответила на его вопрос, он, наконец, уставился на меня в упор, его глаза внимательно рассмотрели мое лицо, и он застыл соляным столбом. Потом он дёрнулся, и я заволновалась, что у него сейчас начнется что-то вроде панической атаки.

Я поняла это по его виду — потому, что отец во мне увидел её. Я выгляжу так же, как и моя мать, нет никаких сомнений в этом. Я всегда думала, что получила 100 % моих особенностей от матери, но сейчас, когда я изучала его так близко, я поняла, как много во мне было и от него тоже.

— Я сейчас... — Я сглотнула. — Пойду позову его.

Я повернулась на трясущихся ногах и попыталась вернуться обратно в дом.

— Подождите!

Дерьмо. Он так же может увидеть наше сходство.

Я продолжала пятиться.

— Я сказал, — прорычал он, бросаясь ко мне и хватая за руку. — Подождите.

Он обошёл вокруг меня, и я ахнула, задохнувшись, пытаюсь изо всех сил отпрянуть назад.

— Я не... понимаю? — Он судорожно втянул воздух. — Кто ты?!

— Я сожалею, — Я начинаю поскуливать. — Я не знаю. Пожалуйста, позвольте мне уйти.

Это было ложью, даже не знаю, почему это сказала, но вдруг я запаниковала. Мой отец передо мной, собственной персоной. Мой отец. Как, черт возьми, я должна реагировать на это, не говоря уже, как иметь дело с этим? Его глаза сощурились на мои слова, и я сглотнула комок, образовавшийся в горле.

— Кто твоя мать?

Вот дерьмо!

— Маркус? — я сердито начинаю всхлипывать.

— Ответьте мне, девочка.

— Пожалуйста, — я захныкала.

— Это Сандра, не так ли?

— О Боже, остановитесь, — я реву уже в голос. — Маркус!

— Сколько тебе лет?

Я рывком выдернула свою руку из его хватки, и мы замерли на месте, глядя друг на друга. Могу уверенно сказать по его лицу — это стало шоком для него. Огромным шоком. Карие глаза лихорадочно изучают мое лицо, его дыхание становится глубже, мелкая дрожь сотрясает тело. Он видит всё. Я точно знаю, что он

видит перед собой, потому что я осознаю реальные факты. Цвет кожи. Разрез моих глаз. Даже форма носа. Это всё от него.

— Это не может быть правдой, — потрясённо шепчет пожилой мужчина.

Слезы закипают под веками. Это мой отец. Мой папа...

— Так вот почему она сбежала? скажи мне правду...

Он действительно ничего обо мне не знал. О, Боже!

— Я не знаю.

Два раза «о, Боже!»

Мою грудь перехватывает.

— Черт меня возьми! Я ничего не знал, — ничего не соображая, шепчет он.

У меня нет времени, чтобы осознать его слова. Мое сердце разрывается, и слёзы слепят глаза. Внезапно, мой отец предстал передо мной. Вчера я даже не знала его. Я не знала, что он жил где-то рядом, но допускаю, что об этом знал мой муж.

Я стараюсь выбросить этот факт из головы — о том, что Маркус знает этого человека — потому, что это вызывает ощущение страха и тлеющего гнева у меня в животе. Неужели именно это является причиной, по которой он женился на мне? Есть ли у него какие-то дела с моим отцом?

— Как тебя зовут? — опять слышу низкое бормотание.

— Катя, что происходит?

Я слышу, как резкий голос Маркуса вторгается в окружающее пространство, словно удар хлыстом, и я, оборачиваясь, вижу, как он стоит в дверях в рабочей одежде. Я потянулась к нему, но внезапно остановилась, вдруг задумавшись, что, вполне возможно, именно по этой причине он со мной. Я опять смотрю назад на своего отца, который теперь наблюдает за Маркусом с жестким выражением лица. Рука мужа обвивается вокруг моей руки и Маркус оттаскивает меня в сторону.

— Отпусти меня, Маркус, — тихо прошу я.

— Ты знаешь, кто этот человек? — рычит муж мне в ухо.

— Да, мой отец.

Маркус вздрагивает и ошеломлённо впивается в меня глазами.

— Что?!

Он не знает? Он должен был знать. Как он мог не знать?

— Марк, пусть она убирается отсюда к чертовой матери... — Мой отец хрипло дышит, цедя слова низким голосом.

— Почему, бл. ть, ты в моем доме, Пьер?

О, Боже!

— Какого чёрта у тебя эта девочка?

— Эта девочка, — шипит Маркус, — моя жена!

Я не понимаю, что происходит.

— Что? — повышает тон Пьер. — Ты, грёбанный кусок дерьма...

— Повторяю, почему, бл. ть, ты в моем доме? — уже ревет Маркус.

Я вздрогнула и попыталась выдернуть свою руку из хватки мужа, но он не отпустил меня. Он крепче притянул меня к груди, обнимая за талию железной рукой.

— Я пришёл в твой дом, — Пьер тоже шипит в ответ, — для того, чтобы лично предупредить тебя, чтобы ты отвалил подобру-поздорову от моих операций. Понятно?!

Что?

— Ты подписываешь себе грёбанный смертный приговор, если считаешь, что можешь прийти сюда и указывать мне, что делать, — рычит Маркус на отца.

О, Боже!

— Эта чертова работа была моей. Ты и твои люди пришли и всё изгадили. А я крайне недружелюбен к людям, гробящим мою работу. Я убивал за меньшее, Маркус.

Убийство?!!

Моё сознание начинает меркнуть, и я плыву, не чувствуя ног. Я падаю, и помню только, как рука Маркуса сжимается вокруг меня, прежде чем я полностью отключаюсь.

~ * ~ * ~ * ~

Маркус

Катя обмякла в моих руках. Пропади всё пропадом!.. Я медленно опускаю её на землю, и она даже не вздрагивает. Я смотрю на её отца, твою мать, её отца, и у меня темнеет в глазах от ярости.

— Какого чёрта, ты заявляешься в мой дом, доводишь до истерики мою жену, и мелешь вздор, без веских на то оснований?

Он смотрит на Катю. Лицо пустое, но в его глазах горят эмоции. Глубокие эмоции. Он ничего не знал о ней — твою мать! Пьер медленно поднимает на меня глаза.

— Ты лезешь в мой бизнес, к моим людям и в мои интересы, Тандем. Я не собираюсь играть с грёбаными ублюдками, которые наворотили кучу дерьма.

— И я тоже не играю с грёбаными ублюдками — с такими мразями, как ты, — огрызнулся я, переступая через Катю и приближаясь к нему.

В доли секунды Пьер выхватил пистолет и направил его на меня. Ублюдок недоделанный.

— Это моя чёртова дочь? — рявкает он.

— Откуда я, бл. ть, должен это знать?

— Как зовут её мать? Ты знаешь?

— Сандра Беннет.

Его лицо перекашивается.

— Бл. дь! Твою же мать!..

— Да опусти ты свой грёбанный пистолет, и помоги мне, придурок.

— Почему ты женился на моей дочери?

Я только фыркнул.

— При всем уважении, Пьер, ты понятия не имел, что она твоя дочь, ещё пять минут назад. Ты не можешь этого не понимать, всё это дерьмо.

Его глаза скользнули к ней, потом обратно ко мне.

— Я не собираюсь убивать тебя здесь и сейчас, потому что я хочу поближе узнать её. — Он махнул пистолетом в сторону Кати. — Но позволь мне предупредить тебя, Марк. Если твои мальчики не уберут нос из моего бизнеса, я грохну тебя, женат ты на моей дочери, или нет.

— Это угроза? — Шипение вырвалось из моего горла.

Пьер засунул пистолет в карман штанов, бросил взгляд на Катю ещё раз и прорычал: — Это обещание.

Затем он развернулся и ушёл.

Я перевернул Катю, наклонился и перекинул её через плечо, чтобы отнести в офис. Кэнди, её шумная подружка, увидев, что она свисает с моего плеча, подскочила ко мне с дурацкими криками. Я обернулся к ней с оскалом.

— Кэнди, — мне стало начхать. — Она только что встретилась со своим отцом, появившимся у нашей двери. Дерьмо случается. Мне надо срочно позвонить. На твоём месте, я просто убрался бы с моего пути.

Наконец, я добираюсь до своего офиса, бросаю Катю на диван и снимаю трубку телефона. Потом набираю знакомый номер.

— Босс?

— Улио, я только что общался с Пьером около моей грёбаной двери. Слышишь?!

— Что? — пробухтел он. — Почему этот недоделанный ублюдок появился в твой дом?

— Он требует, чтобы я испарился, потому что он большой игрок в этом раскладе. У него есть ресурсы, чтобы стать реальной угрозой.

— Тогда нам стоит устранить его. Просто грохнуть.

Я громко и протяжно выдохнул.

— За исключением того, что он отец моей жены.

Гробовое молчание.

— Что ты, мать твою, только что сказал?

— Ты слышал меня.

— Она знала об этом?

Я смотрю на Катю.

— Если учесть, что она вырубилась от шока, увидев его в первый раз, и сейчас лежит на моём диване, я думаю — она не в курсе.

— И куда это нас приводит?

— В большую кучу дерьма.

— Твою же мать..., — бормочет он.

— Дайте мне немного времени, чтобы разобраться с этим дерьмом, а потом я вернусь к вам.

— Без проблем, босс.

Я повесил трубку, как только Катя пошевелилась. Её глаза приоткрылись и уставились прямо на меня, и я отчетливо мог видеть её боль.

Вот дерьмо!..

Глава 18

Тогда

Маркус

— Закрой глаза, Катя.

Красивые глаза, трепеща ресницами, закрылись, и я разворачиваю её спиной к машине.

— Не открывай их, пока я не скажу. Хорошо?

— Куда ты собрался меня везти? — с любопытством интересуется она.

Я издеваюсь.

— Катя, тогда это не будет сюрпризом, если я расскажу тебе об этом.

Мягкий смешок соскальзывает с её губ. Эти сладкие до одури пухлые губы...

— Нет, ты прав.

— Просто делай, как тебе говорят, — констатирую я твёрдым голосом, скрывая собственную улыбку.

Она легко кивает, и я открываю пассажирскую дверь, сдвигая её внутрь салона. Она пристёгивается ремнём безопасности, и я, обойдя машину, устраиваюсь на месте водителя. Я трогаю машину, и мы отправляемся к месту назначения. Мы с Катей видимся в течение последних шести месяцев, и я думаю, время наступило. Я точно знаю, что она запала на меня, и уже не могу тянуть дальше. Мне необходимо, чтобы она приняла моё предложение, прежде чем Уолтер дёрнется.

Я организовал для нас романтическое свидание на уединённом пляже, заплатив приличные деньги, чтобы поужинать за столиком в приватной обстановке. Стюард уже держит бутылку вина в ведёрке, на столе мерцают свечи, и я киваю мужчине, когда выхожу из машины. Обхожу вокруг, и со стороны Кати открываю дверь. Я смотрю на неё сверху вниз, и мне хочется, чтобы в моём сердце было хоть какое-то раскаяние. Но нет ничего подобного. Я делаю то, что должен сделать, и она только извлечёт пользу от этого.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Время выходить, — говорю ей, поглаживая пальцем по гладкой щеке. Это досадно; она на самом деле такая красивая девушка. Внутри и снаружи.

— Где мы? — неуверенно спрашивает она. — Я слышу звук волн?

— Ты не ошиблась. Мы приехали.

Я беру её за руку и начинаю тянуть в сторону стола. Когда она почувствовала ногами прикосновение песка, то стонет и начинает шевелить пальчиками ног с ноготками, окрашенными ярко-розовым лаком.

— Мне нравится песок. — Она тихо вздыхает. Пушистые светлые волосы выются вокруг

милого личика, когда я останавливаюсь вместе с ней рядом со столом. Стоп, я наклоняюсь и бормочу ей на ухо:

— Сюрприз!

Катя открывает глаза.

И тогда она начинает ловить ртом воздух, задыхаясь.

Я знаю, что я выиграл.

* ~ * ~ * ~

Катя

О. Мой. Бог!

Это прекрасно. Идеально. Это всё...

Были моменты, когда я сомневалась в Маркусе, и даже временами, бывало, задавалась вопросом, представляют ли для него наши отношения что-то большее, чем просто секс. Конечно, он несколько раз совершал удивительные вещи, да и сейчас мы встречались только друг с другом в течение последних нескольких месяцев, но он по натуре слишком жёсткий человек, чтобы полностью измениться. Но говоря о людях, это только доказывает, что Маркус всё-таки глубже, чем я думала поначалу.

Возможно ли, что он заботится обо мне так же, как я забочусь о нем?

— Маркус... — я еле дышу.

— Рады вас видеть! — высокий человек в смокинге идёт нам на встречу.

Я смотрю на стол, украшенный свечами и розами. На фоне разбивающихся о берег тёмно-синих волн, освещённых только дорожкой лунного света от берега, всё выглядит так офигенно красиво. Слезы выступают на моих глазах, и я, потянувшись, переплетаю свои пальцы с пальцами Маркуса. Он обводит меня вокруг стола и, отодвинув мягкий стул, предлагает присесть. Я падаю — ноги просто не держат.

— Я не могу поверить, что ты организовал всё это для нас, — я шепчу, комок в горле не даёт говорить свободно.

Маркус склоняется вниз, задевая губами моё ухо, и шепчет в ответ:

— Я не тот, что ты думаешь, Катя.

Нет, похоже, это не так.

— Шампанское? — Предлагает метрдотель.

— Пожалуйста, будьте любезны. — Я улыбаюсь ему дрожащей улыбкой.

Он наливает нам обоим искрящееся вино в бокалы, затем говорит Маркусу, что будет готов подавать первые блюда по знаку. Я понятия не имею, откуда или где он собирается получить их, и честно говоря, мне всё равно. Всё происходящее просто потрясающе.

— Что я сделала, чтобы заслужить это? — спрашиваю, медленно потягивая шампанское.

Марк смотрит на меня, его бархатные карие глаза вдруг загораются интенсивным светом. Он выглядит таким красивым под яркой луной, тёмные волосы слегка завиваются вокруг воротничка белой рубашки с расстёгнутыми сверху первыми пуговицами. Он без галстука сегодня вечером, и вырез рубашки обнажает шикарную накачанную грудь. Он выглядит таким аппетитным, так бы и съела. Само совершенство.

— Ты заслуживаешь всего, что ты, полагаю, заслуживаешь, — значимо произносит он.

Он смотрит на меня в упор, прямо в глаза, и вдруг я начинаю нервничать.

— Маркус? — Я не знаю, чего ожидать.

— Я просто хочу взять и сказать об этом, Катя, — он не сводит с меня глаз, продолжая

говорить. — Я уже говорил тебе раньше, что всегда был человеком, который точно знает, что хочет, и я не собираюсь изменять себе. Пришло время для меня, чтобы сделать ещё один шаг, потому что я знаю, чего хочу...

О, Боже!

— И то, что я хочу — это ты.

Меня реально начинает трясти.

— Я? — голоса нет, но не могу не спросить. — Почему я?

— Мы уже говорили об этом раньше, — тон ровный, голос низкий и глубокий.

— Я до сих пор не понимаю.

Он наклоняется вперед, ещё ближе, тянется через стол и берет меня за руку. Пальцем начинает выводить легкие круги на моей ладони.

— Тебе и не нужно понимать. Тебе просто нужно принять. Ты сможешь сделать это, Катя?

Мое сердце оглушительно бьется, не могу шевельнуться.

— Смогу я — что?

— Выходи за меня.

О. Мой. Бог.

О! Мой!! БОГ!!!

Марк Тандем хочет, чтобы я вышла за него замуж.

Есть только единственная вещь в мире сейчас, которую я могу сделать.

— Да!

Глава 19

Сейчас

Катя

Внутри всё ноет.

Такое чувство, как будто сердце выдрали из моей груди. Маркус смотрит на меня молча, в его глазах пустота. Я приподнимаюсь с дивана, обиженная, растерянная, но больше всего нуждающаяся в ответах. Откуда здесь мой отец? Почему он угрожает Маркусу? Что этих двоих связывает друг с другом?

— Ты в порядке? — осторожно интересуется Маркус, его голос намеренно ровный и равнодушный.

— Что здесь делает мой отец, Маркус?

Он смотрит на меня, не выказывая ни унции эмоций, скотина.

— Ну? — Я сажусь, на глаза наворачиваются слёзы.

— Я познакомился с ним некоторое время назад.

Он лжёт мне. Я вижу это. Я чувствую это.

— Ты врешь мне, — шепчу я еле слышно, мои губы начинают дрожать.

— Иногда люди лгут, чтобы защитить; возможно, это то, что я делаю. Защищаю тебя.

— А может быть, — ору я, спрыгнув с дивана и огибая его; я невольно вытягиваю руку в попытке остановить себя от обморока, — ты врешь, чтобы защитить себя.

— Хватит, Катя.

— О, да пошёл ты!

Он вздрагивает, но стоит, сдерживая свой нрав, как он всегда делает, чтоб ему сдохнуть... Он никогда не становится агрессивным, никогда не кричит на меня. Он всегда так чертовски спокоен. Как будто не имеет вообще никаких эмоций.

— Достаточно, — предупреждает он нейтральным тоном.

— Или что, Маркус? Ты будешь продолжать лгать мне дальше? Или ты меня выгонишь? Ну давай, бл. ть, вперёд. Мой отец только что появился у нас на пороге. Я должна немедленно рассказать об этом моей матери, и ты...

Он метнулся, как молния, схватил меня за руку и подтащил к своему телу.

— Ты словом не обмолвишься своей матери об этом, бл. ть!

— Прости? — Я затаила дыхание, ошеломлённо глядя в эти горящие карие глаза.

— Он опасный человек, Катя. И ты должна чётко понимать это. Твоя мама не будет в безопасности.

— Откуда ты знаешь, что он опасен? А ты опасный человек?

— Да.

Ох! Вот дерьмо!

— Что происходит?

— Не твоя забота.

— Я твоя жена! — я громко кричу, не сдержавшись.

— Это еще не является основанием для твоего беспокойства.

Гнев, овладевший мной, наконец, выплёскивается. Я толкаю его в грудь так сильно, что он вынужден сделать несколько шагов назад.

— Да пошёл ты, Маркус Тандем. Мудак, твою мать! Ублюдок! Скотина!

Я разворачиваюсь и выбегаю за дверь. Он зовёт меня по имени, но я не останавливаюсь.

Видала я его... Чёртов ублюдок!

Пошло оно всё к грёбаной матери...

~ * ~ * ~ * ~

— Сладкая, — Дасти журчит, прислонившись к кирпичной стене рядом со мной. — Это будет офигенно!

Я ухмыляюсь ему в лицо, витая в облаках от выпитого спиртного. Мой телефон звонил двадцать три раза, точно. Двадцать из этих звонков были от Маркуса, что, на мой взгляд, хорошо, учитывая, что он никогда не пытался преследовать меня, а остальные три от Кэнди. Моё предположение? Он позвонил ей, и теперь уже она хочет знать, где я нахожусь.

Я знаю, это чертовски расстроит её, потому что я не пошла прямо к ней, но мне был нужен кто-то, кто позволил бы мне просто выговориться, и пусть катится всё к чёрту. Дасти для этого идеально подходит. В тот момент, когда я приехала и рассказала ему обо всём, что случилось, он упаковал меня и взял с собой. Мы фотографировались, танцевали, а теперь мы прилипли к кирпичной стене, и он забивал косяк. Да, я собираюсь курить. И нет, меня ничего не заботит.

— Я никогда не курила косячок. — Я пьяненько хихикаю.

— О — хо — хо, — чирикает он. — Тебе это понравится.

Он наклоняется вниз, сжимая маленький, скрученный цилиндрок во рту. Дасти поджигает его, и глубоко затягивается. Специфический запах окутывает меня, и я немного закашливаюсь. Дасти делает ещё одну затяжку и передает его мне. Я смотрю на него слишком долго, очевидно, поэтому он всовывает косячок в мою руку.

— Поверь мне, девочка!

Пожав плечами, я неловко беру его и подношу к своим губам. Потом глубоко вдыхаю. Дым попадает в мои легкие, и я снова кашляю. Святая мать Божья! Я затягиваюсь снова, опять кашляю, и передаю его обратно в руку Дасти.

В течение десяти минут, я продолжаю истерично хихикать, обвившись руками вокруг Дасти. Он тоже смеётся, раскачиваясь вместе со мной, после чего мы выкатываемся на улицу.

— Боже мой, это потрясающе! — я пьяно плачу.

— Согласен с тобой полностью. О мой Бог, посмотри на этот цветок...

— О — о-о...

Я наклоняюсь вниз и касаюсь на вид горячих розовых лепестков великолепного цветка. Дасти, как и я, охает и ахает, поглаживая изящные лепестки. Так красиво.

— Я проголодался, — говорит вдруг Дасти.

Мой желудок урчит.

— Я тоже.

Еще через десять минут мы сидим над открытой коробкой пиццы, жадно поедая, как будто бы мы голодали в течение целой недели. Обычно я могу съесть только два кусочка, но сегодня я слопала целых четыре. Мой телефон звонит снова,

когда я облизываю свои пальцы. Хихикая, я нажимаю кнопку ответа и прикладываю его к уху.

— Приве — е-ет...

— Катя, — Маркус лает в трубку. — Где ты, черт возьми?

— Привет, Муж.

— Где... бл. дь. Ты. Находишься?

— Почему... ты... всегда... такой злой? — Я давлюсь от смеха.

— Какого черта, Катя? Ты пьяна?

Я молчу.

— И охренеть как, дерзкая девчонка. — голос Дасти. — Упс! Это, должно быть, муженёк.

— Чтоб меня... — Маркус витиевато выругался, предлагая себя поиметь.

— Я хотела бы, но ты не здесь. Ты можешь прийти сюда, и мы могли бы это сделать... прямо сейчас.

— Бл. дь. Где ты?

— О — о-о, муженек сексуально озабочен.

— Иисус Христос, — рычит он. — Катя, сосредоточься. Где ты?

Я снова хихикаю.

— Где мы, Дасти?

Дасти выкрикивает название пиццерии, и Маркус приказывает мне не шевелиться, обещая, что он будет там в ближайшее время.

— Похоже, ты скоро займёшься сексом под мухой, — ухмыляется Дасти, пихая меня в плечо.

— Боже мой, это звучит так прикольно!

Маркус прибывает через двадцать минут в своём внедорожнике. Он паркуется к обочине и выходит, тяжело шагая. Он бросает только один взгляд на меня, и громко вздыхает.

— Грёбанный ад!..

— Привет, Маркус. — Я ухмыляюсь, глядя на него. — Как это грё... — икаю, — баный...?

— Давай, поднимайся. Марш в машину.

— Мы займёмся этим в машине? — Я взвизгиваю, вскакивая.

— Нет, мы не будем.

Я надуваю губы, скрестив руки.

— Почему?

Он просто смотрит на меня. Как это грубо...

— Дасти, вы доберётесь домой? — спрашивает он у Дасти.

— Да, братан, я норм.

— Хорошо, — он ещё что-то бормочет, потом поворачивается ко мне. — Забирайся в машину.

Я, обернувшись, обнимаю Дасти, прежде чем забраться в машину Маркуса. Я наклоняюсь, пытаюсь найти подходящую музыку. Он забирается следом, хлопает меня по руке и убавляет громкость. Вот ублюдок. Я поворачиваюсь к нему лицом, и начинаю громко петь вместо магнитолы.

— Катя, — предупреждает он. — Остановись.

— Ты не знаешь, как получать удовольствие, не так ли? — Я начинаю дразнить мужа.

Он обжигает меня взглядом, прежде чем вырулить на дорогу.

— Держу пари, ты никогда не курил даже травку.

Мы убираемся из города, и он притормаживает, пока автомобиль полностью не останавливается. Я громко хихикаю, когда он разворачивается ко мне, крепко обхватывает пальцами вокруг затылка и притягивает меня близко к своему лицу. Он удерживает мой взгляд, его глаза горят диким блеском, когда он бормочет:

— Ты хочешь получить удовольствие, драгоценная моя? Я дам тебе удовольствие.

Затем он наклоняет голову, достаёт что-то, и перед моим взглядом появляется косяк. Мой рот открывается.

— Где ты это взял?!

Маркус ухмыляется, но ничего не отвечает. Он просто подносит его к губам, поджигает и глубоко затягивается. О, мальчик, это жарко! Он делает ещё несколько затяжек, выдыхая медленно через рот, и постепенно заполняя машину сладковатым дымком. Очень эротично. У меня стягивает низ живота от желания. Я тянусь к нему, но он медленно качает головой.

— Нет, дорогая. С тебя достаточно, но я могу дать тебе кое-что получше.

Затем он наклоняется вперёд, и целует меня. Глубоко. Жёстко. Грубо.

Это что-то с чем-то, как мы хотим друг друга сегодня. Это, наверное, травка — но что бы это ни было, это жарко. Маркус перетаскивает меня на заднее сиденье, точнее, ставит меня на колени, заставляя оседлать его верхом. Его пальцы наматывают на кулак мои волосы, и он резко дёргает, заставляя всхлип вырваться из моего горла.

— Тебе нравится быть плохой девочкой, Катя?

— Да, — я мяукаю, не в силах сдержаться.

— Насколько плохой ты хочешь быть?

— Охеренно плохой, Маркус. Бл. ть. Ужасной.

Он издаёт низкое рычание, смешанное с хриплым стоном, опускает руку вниз между нами, дёргая застёжку штанов, и освобождает свой член.

— Соси меня. Используй свои зубы. Сделай это жёстко.

Ох. Да!

Я опускаюсь на пол, обхватывая пальцами вокруг основания его члена. Я легко прикасаюсь языком головки, обводя вокруг неё несколько раз, прежде чем забираю его

глубоко в рот. Потом осторожно провожу зубами вверх и вниз, усердно посасывая, помогая себе рукой резкими рывками.

— Сильнее, — хрипит он. — Укуси меня.

Бл..дь.

Я осторожно его кусаю, и он ревёт от удовольствия. Я делаю это сильнее, сжимая зубами его плоть. Его пальцы резко дергают меня за волосы, и болезненный рывок отдаётся в моей голове, но мне плевать. Я люблю это. Я хочу больше. Я просто пожираю его, когда он тащит мою голову вверх и бросает меня вниз на сиденье. Я приземляюсь на руки и колени, и он вздергивает бёдра вверх, заворачивая моё платье вокруг плеч.

Затем он срывает трусики в сторону и зарывается лицом в мою киску, сзади.

Святое Дерьмо — о—о!

— Маркус! — Я кричу, дёргая бедрами, толкая мою задницу ему в лицо и ни о чём не заботясь.

Его пальцы впиваются в кожу бедра, когда он грубо обращается со мной, трахая своим языком, потом принимается сосать мой клитор, мучая меня. Затем он выпускает бедро и скользит пальцем в мою задницу. Я изгибаюсь дугой, и с громким криком кончаю.

— Ты моя сучка, — выдыхает он. — Сладкая.

Потом он переворачивает меня снова, я на его коленях, и он глубоко двигается внутри меня. Он трахает меня жёстко, глубоко толкаясь, потом соскальзывает и требует:

— Вылижи себя с меня. Попробуй это. Соси мой член.

Мой Бог!

Я снова падаю на колени, моя киска пульсирует, как я сжимаю губы вокруг его члена. Я могу попробовать себя, свой вкус, покрывающий его, и это жарко. Он рычит, обхватив руками моё лицо и двигая головой вверх и вниз, заставляет взять его полностью, до конца.

— Я хочу твою задницу, Катя.

О, мужик!

— Скажи, что я могу трахнуть тебя в задницу.

— Ты можешь поиметь меня, — я хнычу, облизывая головку его члена.

Маркус обхватывает руками под грудь и поднимает меня вверх, скользя жадным ртом по опухшим губам, когда целует меня, глубоко запустив свой язык в мой жаждущий рот. Затем опускает меня на руки и колени, склоняет голову и лижет меня... прямо там. Скользя языком по расселине задницы. В обычный день я бы отстранилась, но сейчас я так высоко, и так чертовски пьяна, что уже не забочусь ни о чём. Он лижет меня, пока я не начинаю сопротивляться, но он уже там, прямо там, осторожно толкаясь в анус.

— Бл. ть, ты совершенна.

М — м—мм.

Он скользит кончиком, и я начинаю противиться. Ох... ох, еб. ть. Это больно, но мне это нравится. У меня сильно кружится голова, я чувствую себя дикой, но я чувствую это каждым дюймом своего тела. Я хочу, чтобы было больно. Я хочу этой сладкой боли. Я хочу почувствовать пламя его страсти.

— Трахни меня, Маркус.

— Бл. дь!..

Он скользит глубже, и я громко всхлипываю, царапая мягкую кожу сиденья, мотая головой из стороны в сторону.

Затем он толкается, жёстко и глубоко. Я кричу в голос, пытаюсь вырваться, я чувствую ослепляющую обжигающую боль. Я откидываю голову назад, и он зажимает мой подбородок рукой, придавливая своим телом моё.

— Сладкая Катя. Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя сейчас?

— Да, — хрипло кричу я.

— Повтори.

— Да, трахни меня жёстко.

Он именно это и делает. Он глубоко толкается в мой зад, его пальцы всё ещё сжимают мой подбородок, другая рука больно впивается в бедро, используя его для усиления собственных толчков. Больно в течение первых пяти минут, затем его палец скользит по клитору, и вдруг это начинает ощущаться лучше — не великолепно, но лучше.

— Я собираюсь кончить, — он кусает мою шею. — Ты такая охрененно тугая.

— Кончай, — я умоляю, мои соски превращаются в жесткие пики.

Он сильно толкается ещё несколько раз, загоня свой член до упора. Потом он оглушительно ревёт — выплёскивая своё освобождение глубоко внутри меня. Я хнычу его имя, до сих пор на грани, все ещё стремясь достигнуть своего собственного наслаждения. Его член пульсирует внутри меня, и он медленно выскальзывает прочь. Затем он резко переворачивает меня — так быстро, что мне едва хватает времени, чтобы пискнуть его имя. Он широко раскидывает мои ноги и толкает два пальца в киску, пока большим пальцем надавливает на опухший клитор.

Я так чувствительна, что его прикосновения вызывают тянущую боль.

Мужские пальцы настойчивы и грубы, горящие карие глаза удерживают мой остекленевший взгляд, и я кончаю так мощно и сильно, что клянусь — я клянусь — я вижу звёзды. Его лицо плывёт перед глазами, когда он продолжает скользить пальцами, выдавливая последние содрогания из моего тела. Затем он вытаскивает их и плюхается на сиденье. Я медленно сажусь — голова всё ещё кружится, но тело вроде бы живо — и подползаю к нему на коленях.

Я прижимаюсь губами к его подбородку и целую его, снова и снова.

— Я чертовски люблю тебя, Маркус Тандем. Меня не волнует, что происходит в моей жизни, до тех пор, пока у меня есть ты. Ты самое лучшее, что когда-либо случилось со мной.

Он вздрагивает.

Но я не замечаю этого.

Я не замечаю, потому что дурман всё сильнее накатывает на меня, и я отключаюсь окончательно.

Глава 20

Тогда

Катя

— Как ты себя чувствуешь? — Кэнди визжит в трубку.

Я захихикала, скрестив ноги и одергивая моё чёрное платье вниз. — Я вышла замуж перед Элвисом. Это было грешно.

Она вздыхает. — Если бы это был настоящий Элвис.

— Думаешь? — Бормочу я. — Это было бы жарко. Мы могли бы организовать тройничок с Элвисом.

— Не уверена, что Маркусу эта идея понравилась бы. Кстати, почему ты не выносишь ему мозг прямо сейчас?

— Он прямо сейчас увлечён азартными играми. — Я смеюсь.

— Но это же ваша первая брачная ночь, — выдыхает она ошеломлённо. — Как он мог?

Я фыркнула.

— Да это не должно было стать нашей брачной ночью. Мы прибыли в Лас-Вегас по делам, одно привело к другому, у нас просто было слишком много спиртного...

— Зато вы поженились перед Элвисом.

— Точно. — Я ухмыльнулась. — А сейчас он играет в азартные игры, и меня это устраивает до чертиков, потому что я пьяна в дым — я вышла замуж за охрененно шикарного мужика. Йо — хо!

— Тебе круто повезло, — немного завистливо вздохнула Кэнди. — Я никогда не думала, что ты выйдешь за него замуж...

— Катя?

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть, как Маркус вышел из зала, где он был раньше. Его лицо светится, улыбка блуждает на губах. Он так же пьян, как и я. Это первый раз почти за год, когда я увидела его улыбку вот так, прямо в его глазах. Как будто он выиграл какое-то важное сражение, или нашел что-то ценное, что однажды потерял и долго искал. Он выглядит божественно. Красивый. Беззаботный.

— Я просто сказала Кэнди, что мы поженились, — я щебечу, как птичка.

— А я хочу взять тебя обратно в отель и трахнуть!

Ой. Да!

— М — м—мм... — Кэнди поперхнулась смешком. — Я сделаю вид, что не слышала этого.

Я опять захихикала.

— Я позвоню тебе завтра.

— Сделай это, тигрица!

Я отключилась с улыбкой, и сосредоточилась на Маркусе. Мой муж. О люди, как же это здорово! Нет, это потрясающе! Удивительно! Шикарно!!!

Я подхожу к нему, вцепляюсь пальцами в его пиджак и притягиваю к себе ближе, прижимаясь губами к колонне шеи. Он пахнет дымом, мятой и туалетной водой. Охренеть. Мой!!!

— Продолжай целовать мою шею, — проскрежетал он хрипло, — и я найду переулок и заставлю тебя кричать мое имя так, что услышит весь мир.

— Может быть, это именно то, что я хочу, — я мурлыкаю, покусывая мочку его уха.

— Иисус. — Он стонет, когда я опускаю руку вниз и оборачиваю пальцы вокруг его члена.

— Давай сделаем это официально... как вы на это смотрите, мистер Тандем?

— Как скажете, миссис Тандем...

Счастливейшая ночь в моей жизни. Без сомнения.

~ * ~ * ~ * ~

Маркус

Готово.

Я женился на ней.

В то время, пока, как она думала, я играл в рулетку, я позвонил Уолтеру и моему адвокату, и сообщил им о счастливом известии. Сказать, что Уолтер потерял голову от свалившегося дерьма, было большим преуменьшением. Мне нужно будет уведомить службу

безопасности своего дома, чтобы убедиться, что он не предпримет попыток вломиться, когда я вернусь домой, пытаюсь вмешаться в наши отношения с Катей. Всё, наконец, официально. Она моя.

Все, над чем я работал, окажется в моих руках, когда в понедельник утром я буду подписывать документы, переводящие бизнес на мое имя.

Это самый счастливый момент, который был у меня за последние десять лет. Даже находиться рядом с Катей легко и весело. Особенно, когда я лежу с ней в постели по ночам, и трахаю её так глубоко и сильно, что она кричит моё имя в течение нескольких минут, а затем снова и снова, вскоре после этого. Бл. ть, когда она подо мной, когда я внутри неё, это жарко. И, конечно же, для меня не составит труда держать её в моей постели, трахая часто и помногу.

Она стала правильным выбором. Я знаю это. И, несмотря на то, что она не знает, что она значит для меня, или точнее то, *что не значит*, я уверен, что я — правильный выбор для неё.

По крайней мере, это то, что она думает.

Глава 21

Маркус

Сейчас

Я уложил её тело на кровать. Она отрубилась — чёрт, когда я был готов уже выбраться оттуда после того, как просто до одури оттрахал её в машине. Она никогда не перестаёт удивлять меня — она так чертовски красива. То, какой она становится, когда я в ней — это охренительно сладко. Но, когда она теряет контроль со мной... Бл. дь! Катя Тандем сладкая, милая конфетка, твою мать!..

Я переворачиваю её на другую сторону, и она даже не стонет. Даже не реагирует. Что-то необычное теплится в моей груди. Это странное чувство, которое я никогда не испытывал прежде. Я наклоняюсь вниз и сжимаю её щеки. Никакого движения. Мой пульс усиливается, сердце ухает вниз, я опять перекаत्याю её на спину, прижимаю свою руку к ее губам. Дыхание есть, неглубокое. Какого рожна?!. Неужели у неё такая реакция на лёгкую наркоту?

— Катя? — я зову её по имени, приподнимая за плечи и слегка встряхивая. — Давай, девочка, поднимайся.

Её голова запрокидывается назад, губы безвольно приоткрываются.

Чувство в моей груди усиливается до такой степени, что я могу ощущать, как сердце начинает стучать в голове. Я снова похлопываю её по щекам. Ничего. Ноль. Бл. дь!. Я поднимаю её на руки и несу в ванную. Она не шевелится в моих объятиях, и чувство внутри меня нарастает до того состояния, когда дыхание становится неровным и руки начинают дрожать. Что, твою мать, здесь происходит?

С ней... или со мной?

— Катя, просыпайся, девочка...

Я падаю на колени и укладываю её на пол, потом переворачиваю на бок. Она издает странный звук глубоко в горле, похожий на рвотные позывы. Я закидываю ей голову назад и открываю рот. Она начинает задыхаться. Ее кожа приобретает странный синеватый оттенок. Бл. дь! Твою же мать, чтоб вас всех!

— Катя, — зову я, начиная психовать.

Она вдруг дёргается, и, кажется, начинает хватать ртом воздух? Неужели что-то

застряло в горле? Её кожа стремительно приобретает пепельно-синеватый оттенок, и у меня уже не остаётся времени, чтобы раздумывать. Какая-то дрянь блокирует дыхательные пути. Я переворачиваю жену на живот и удерживаю безвольное тело, прижав к себе спиной и обхватив руками вокруг её груди. Потом засовываю свои пальцы ей в рот и осторожно проталкиваю их в горло. Она начинает давиться — и давиться, и давиться. И дальше её рвёт, на себя и на пол.

Катя вздрагивает, потом начинает трястись и откидывается назад в моих руках. Сердце бьется, и мои руки дрожат, когда я вижу, как цвет медленно возвращается на бледное лицо. Она тихонечко стонет, пальцами вцепившись в мои сомкнутые руки.

— Маркус?

— Я здесь, — мой голос перехватывает от эмоций.

У меня кружится голова, я толком ничего не соображаю, но начинаю медленно осознавать, что, бл. ть, только что произошло.

Речь не о том, что Катя поперхнулась собственной рвотой, или едой, или что там ещё могло быть у неё в горле.

И не о том, что она облевала полностью себя, пол и меня.

Нет.

Это намного большее.

Важен сам факт, что впервые в моей жизни я чувствовал страх за другого человека.

И не просто страх. Ужас.

Из-за неё.

Твою же мать!

~ * ~ * ~ * ~

Катя

Моя голова просто разламывается, когда я запускаю пальцы в спутанную гриву волос утром в душе. Боже, я чувствую себя, как утопленник. Я практически ничего не помню. В памяти смутно всплывает, как Маркус трахал меня отчаянно и жёстко в автомобиле — и, чёрт возьми, это был охеренный эротический опыт — а потом, после всего этого, пустота. Я проснулась в одиночестве в своей постели, не имея ни малейшего представления, как я там оказалась.

На мне надета рубашка Маркуса.

Как же это дерьмо произошло?

Я вымыла волосы несколько раз — потому что, когда я открыла глаза, клянусь, то могла чувствовать запах рвоты. Правда, ничего не видела ни на себе, или на полу, или моей кровати, так что мне, должно быть, почудилось.

Я заканчиваю с душем и выбираюсь, накидывая на себя пару хлопковых шортов и топик. Потом очень медленно бреду на кухню. Пусто. Сжав губы, я с трудом проверяю весь дом.

Маркуса нет.

Тогда я ползу в офис и останавливаюсь на ресепшене, где сидит Джуди, насупившись в компьютер.

— Хэй, Джуди, — каркаю я сипло. Боже, неужели это мой голос, такой громкий, или это только у меня в голове?

— Хэй, Катя, — в ответ бормочет она.

— Где Маркус?

Она растерянно моргает на меня. Она выглядит... смущённой?

— А ты не знаешь?

— Ох, — я с трудом повожу глазами вокруг. — Знаю что?

— Его не будет в течение двух дней.

Что?

— У него намечена деловая встреча?

Она пожимает плечами.

— Думаю, что так. С его слов, сегодня утром он должен был срочно уехать...

У меня внутри всё обрывается. Почему он не оставил хотя бы записку? Или не позвонил по телефону? Прошлой ночью... в машине... Я подумала, что что-то изменилось. Он отличался от себя обычного. Что-то там произошло. Что-то, что я раньше не чувствовала от него. Я выдавила улыбку и поблагодарила Джуди, поспешив наружу и вытаскивая свой телефон.

Я набираю Маркусу.

Он не отвечает.

Я отправляю текстовое сообщение Маркусу.

Он не отвечает.

Что, чёрт возьми, происходит?

~ * ~ * ~ * ~

Маркус

Бл..дь!

Я смотрю на дисплей своего телефона, вижу её пропущенные звонки и значок сообщения.

Я запикиваю сотовый в куртку и опрокидываю ещё один стопарь виски. Мои глаза скользят по бару, где я сижу, и я рад, что принял решение исчезнуть на нескольких дней. Меня окружают люди, пары и одиночки, таков уж их удел, но я не замечаю никого из них. Ни женщин, подходящих ко мне. Ни бармена, который пытается разговаривать со мной. Никого вообще.

Все, о чём я могу думать — только о том чувстве, появившемся у меня в груди.

Мне оно страшно не нравится.

Я, твою мать, просто *ненавижу* его.

На мгновение, только на мгновение, я позволил себе опустить внутренние барьеры. Я позволил себе открыться — и когда это сделал, я почувствовал страх. Из-за неё. Моей собственной жены. Я почувствовал реальный грёбанный страх из-за того, что случилось с ней. Это не те эмоции, которые я хотел бы испытывать в своей жизни, и я ничего подобного не хочу испытать снова. Я не могу позволить себе её. Всё должно было быть не так.

Я грёбанный мудака,

Она — контракт. Просто бизнес.

И когда я вернусь из этой самоволки, у меня не будет выбора, кроме как вернуться обратно к этому варианту.

Я должен.

Глава 22

Сейчас

Катя

Прошло два дня.

Я пребывала в полном недоумении.

Ни единого звука. Ничего.

Наступило утро третьего дня, и я окончательно запуталась. Я так толком и не поняла, что произошло. Попыталась мысленно пробежаться по событиям той ночи, но ничего не приходило на ум. Я только помню обалденное время, проведённое в машине, но ничего, что могло бы послужить основанием для полного отсутствия связи. Он может ухать в командировку, но Маркус всегда отвечал на мои смски. Хотя бы пару слов в ответ.

Я рассеянно помешиваю свой кофе. И, похоже, делаю это последние минут двадцать, так и не сделав ни глотка. Он, наверное, уже холодный. Я так глубоко задумалась, что мне понадобилось какое-то время осознать звук, когда хлопнула входная дверь. Шорох шагов по коридору, и я вскидываю голову, соскакиваю со стула, выбегаю в коридор, только чтобы увидеть, как Маркус шагает к офису. Лицо невозмутимое и пустое.

Пугающе пустое.

— Маркус, где ты был? — Я плачу, бросаясь к нему.

— Я занят, Катя.

Его голос звучит, как... мёртвый.

Не понимаю. Что я сделала?

— Маркус, — шепчу я. — Что происходит?

Он переводит мрачный взгляд на меня, и я вздрагиваю.

— Я сказал, — рычит он, наклоня голову, — я занят.

Сглотнув, я смотрю с упавшим сердцем, как он проходит мимо меня и исчезает дальше по коридору. Слезы наворачиваются на глаза, и я замираю сусликом, остолбенев. Ужасная, ослепляющая душу, раздирающая боль, до тошноты. До черноты в глазах. Когда он исчезает, я разрешаю себе заплакать. Слеза скользит вниз по моей щеке, и стекает по нижней трепещущей губе.

Когда все стало так плохо? Не понимаю.

~ * ~ * ~ * ~

Маркус

Кусок дерьма. Сукин сын.

Монстр. Чудовище.

Мудак. Грёбанный недоделанный мудак...

Всё это дерьмо проносится в моей голове, когда я оставил Катю, разрушив её мир до основания.

Я должен был сделать это. Вы не понимаете.

Мне *пришлось*.

~ * ~ * ~ * ~

Катя

Он ушёл снова.

Маркус сказал, что должен присутствовать на деловом ланче. Он всегда брал меня с собой, но сегодня этого не сделал. Он просто прошёл мимо меня без слов.

Что-то не так. Что-то случилось. Я понятия не имею, в чём дело, но это заставляет меня разваливаться на куски изнутри. Он полностью замкнулся, став ещё более сдержанным, чем обычно.

Два дня он не разговаривал со мной.

Два дня он не приходил в мою постель и не занимался со мной любовью.

Чёрт, да он даже не трахал меня, как потаскушку.

Как будто меня вообще не существует.

Я медленно разваливаюсь на куски. Я пыталась спрашивать его, пыталась поговорить с ним откровенно, пыталась понять — почему он так эмоционально отстранился. Он не сказал мне ничего. Вообще, от слова совсем. И сейчас, я сижу дома в гордом одиночестве. Даже пинты мороженого, стоящего на моих замерзающих коленях, не достаточно, чтобы облегчить боль в моём кровотокающем сердце.

Бух. Бух. Бух.

Я приподняла голову с шезлонга, отдыхая в гостиной, отодвинула мороженое в сторону, когда очередной стук раздался со стороны парадного входа. Я встаю, и на трясущихся ногах подхожу к двери. Открываю и лицом к лицу сталкиваюсь... с моей мамой. Она стоит с заплаканным лицом, и позади неё топчется Элли. Моя мама пришла *сюда*? Зачем она пришла?!

— Мама, — задушено шепчу я. — Я не...

— Он был здесь.

Я ошеломлённо моргнула.

— Пьер. Он пришёл сюда.

Вот дерьмо.

— Мамочка...

— Он пришёл сюда, он узнал о тебе, и он заставил тебя плакать! — Воскликает она возмущённо.

Чёрт бы всё побрал...

— Я приду к тебе завтра, я неважно себя чувствую, и...

— Как он посмел? — продолжает она. — Катя, милая, мне так жаль.

Проклятье.

— Заходи, мама.

Они следуют за мной, и я провожаю их в кухню, где уже начала готовить чай. В то время, как чайник закипает, я поворачиваюсь к ней лицом.

— Я в порядке, мама.

— Я никогда не хотела, чтобы это случилось. Я так хотела защитить тебя от него.

— Защитить меня? — спрашиваю я растерянно.

— Он ужасный человек, доченька.

— Я уже поняла это.

— Он ведёт дела с ужасными людьми. Преступниками.

Я непроизвольно вздрагиваю.

— Он хорошо известен на восточном побережье и связан с криминалом в различных странах. Когда я об этом узнала, я сразу же сбежала, потому, что была беременна и ...

Я ухватиться за кухонную стойку. Никогда прежде я не слышала об этом. Да и откуда?

— Мамочка, — шепчу я, мой голос сильно дрожит и слова не идут с языка.

— Твой отец страшный человек, малышка.

Мои ноги начинают подкашиваться.

— И он как-то связан с Маркусом, так или иначе.

Я должна немедленно присесть. Конечно, я подспудно ожидала, что он имел какое-то отношение к Маркусу, который явно замешан глубже, чем я знала об этом. Но я даже представить себе не могла, что мой муж может иметь дело с такими людьми, как он.

— Ты ошибаешься, — лепечу я. — Маркус не похож на него.

— Дорогая, — тихо шепчет она.

— Нет, мамочка. Этого не может быть. Он бы сказал мне. Маркус работает здесь; он занимается бизнесом и держится сам по себе. Это так.

Её глаза смягчаются.

— Ну, он знает, кто твой отец, так или иначе, а это означает, что твой отец теперь имеет доступ к вашей жизни.

— Маркус не позволит ему добраться до меня, если я этого не хочу.

Она кивает, но неуверенность в её глазах настораживает меня.

— Я не знаю, каким стал Пьер сейчас, поэтому не могу судить объективно, но я точно знаю, что он очень дорожит семьёй, и теперь, зная о тебе, велик шанс, что он не оставит тебя в покое и будет пытаться встретиться.

Боже.

— Может, он не будет во мне заинтересован...

Это ложь. Я знаю, что так оно и есть. Я видела это в его глазах.

— Милая моя, — она тихо воркует. — Как он может остаться равнодушным?

— Это может стать проблемой? — Я даже не знаю, что сказать.

— Я не знаю, дорогая.

— Расскажи мне о нём, мамочка. Пожалуйста.

И мама садится, и начинает говорить мне об отце. Она рассказывает, как они встретились в колледже, и как она безумно влюбилась в него. Ещё она рассказывает, как узнала, что он был опасным преступником, но она всё равно продолжала любить его. Когда поняла, насколько ужасным он был, она сбежала, даже не понимая поначалу, что была беременной. Но решила, когда узнала об этом, что было бы безопаснее для меня, если бы он ничего не знал.

— Ты всё ещё любишь его? — не могу не спросить.

Она отводит глаза в сторону. Что-то в её глазах мелькает, но я не смогла разобрать.

— Он плохой человек.

Это молчание в ответ на мой вопрос подсказывает мне, что она не равнодушна к нему. Возможно всегда была. Я это хорошо понимаю. В конце концов, я буду с Маркусом, независимо от того, насколько ужасным он может быть, потому что я так сильно его люблю.

Я не думаю, что это когда-нибудь может измениться.

Глава 23

Сейчас

Катя

После ухода матери мне необходимо время, чтобы обдумать всё то, что она рассказала. У меня предчувствие, что отец, на самом деле, собирается познакомиться со мной поближе. Какая-то часть меня хочет сказать ему, чтобы он оставил меня в покое, но другая часть испытывает любопытство. В конце концов, он ничего не знал обо мне. Ведь не сам же он решил исчезнуть из моей жизни по собственной воле. Кроме того, а что, если у меня есть ещё братья или сёстры?

Мои размышления прерывает ещё один стук в дверь. Вздохнув, я иду открывать, и лицом к лицу сталкиваюсь с женщиной, которую видела недавно в офисе — она цеплялась к Маркусу, что-то выпрашивая. Рыжеволосая Барби. Она смотрит на меня свысока, встряхнув волосами и перебрасывая их через плечо. Отлично. Как раз то, чего мне не хватало.

Сумасшедшей Барби в поисках проблем.

И она ищет неприятностей. Это просто написано на её лице.

— Я могу вам помочь? — интересуюсь без особого желания.

Она бросает взгляд внутрь, потом переводит на меня. — Извиняюсь, а ты кто?

— Весь вопрос в том, — бормочу себе под нос, скрестив руки. — Кто ты?

— Я Ясмин, мне нужно встретиться с Маркусом.

— Его здесь нет.

Она прищуривает глаза.

— Он сказал, что будет здесь.

Ауч. В груди что-то сдавливают, но я удерживаю бесстрастное выражение лица.

— Его здесь нет.

— Так ты это... — тянет она, изучая меня пристальным взглядом. — Его жена, так что ли?

Я уверена, что она уже знает об этом, но она решила быть сухой, больше ради удовольствия.

— А ты эта, ...шлюха? — говорю в отместку, — не так ли?

Она вздрагивает.

— Ты знаешь, он сказал мне, что даже не любит тебя. Это заставляет меня задаваться вопросом, почему он женился именно на тебе?

Я тоже вздрогнула.

Барби подло усмехается.

— Когда я была здесь в последний раз, я интересовалась у Маркуса о тебе, и именно тогда спросила — любит ли он тебя. Он сказал «нет», но потом испугался, потому что понял, что проболтался.

Если бы не тот факт, что всё было так скверно в последнее время, я бы ей не поверила. Но всё на самом деле было плохо, и у меня внутри что-то оборвалось.

— Зачем ты здесь? — я зашипела.

— Я уже сказала — он пригласил меня.

— А я говорю — убирайся!

— Он заинтересован снова спать со мной, — говорит она, лукаво улыбаясь. — Мы хорошо проводили время вместе.

— Он женат! — я не выдерживаю и ору. — А теперь проваливай отсюда, шалава!

— Это, должно быть, задевает, — говорит она, не сводя с меня прищуренных глаз. — Наверное, тяжело быть женщиной, в которой не заинтересован собственный муж...

Её слова жалят.

Так сильно, что я ничего не могу сказать в ответ.

— А что ещё больнее, — продолжает она. — Что твой муж предпочёл бы трахать меня, и только потом возвращаться к тебе.

— Он не стал бы обманывать меня, — шепчу я упавшим голосом.

— Он пока не обманывает, — она наклоняется ближе ко мне. — Но скоро будет.

Я лишусь его. События последних нескольких дней промелькнули перед глазами — он уже получил лучшее от меня, и я скоро потеряю Маркуса. Я замахиваюсь кулаком и впечатываю его в ненавистное лицо. Я заехала ей прямо в нос, и она заорала, отшатываясь назад. Я стою в шоке. Я никогда в жизни никого не била. Шок заставил меня замереть, я не в состоянии была шевельнуться, но это дало ей возможность сделать шаг вперёд.

Она бьёт мне в глаз, со всей силы. Кто бы мог подумать, что эта шлюха на такое способна? Я спотыкаюсь, отступаю назад, немного кружится голова. Поднимаю руку и зажимаю пульсирующее болью место. Иисус. Мне кажется, что я сейчас грохнусь в обморок. Она ударила меня чертовски сильно. Барби всё ещё сжимает нос, сквозь пальцы стекает кровь.

— Ты ещё заплатишь за это, — кричит она.

— Пошла вон отсюда! — я не остаюсь в долгу.

— Ты заплатишь. Я предъявлю тебе обвинение в нападении, ты, сумасшедшая сука! —

Барби всхлипывает, разворачивается и убегает прочь.

Слёзы закипают на глазах, когда я разворачиваюсь и, спотыкаясь, ухожу в дом. Траханый Маркус, опять всё сводится к нему.

— Она ударила тебя?

Я свирепо взираю на Маркуса, всё ещё немного ошеломлённая произошедшим. Одна сторона лица отекает, глаз наполовину закрыт, и я им ничего не вижу.

— Катя, — настойчиво просит он. — Ответь мне.

— Да, Маркус, — резко отвечаю, не особо стесняясь в выражениях. — Она ударила меня. После того, как с удовольствием просветила, как ты сказал ей, что меня не любишь. Дальше она призналась, что ты позвал её сюда. А потом она сказала, что ты хочешь спать с ней, *снова!*...

— Бл. дь!

— Да уж, — бормочу я. — Бл. дь...

Мне больно, я злюсь, и я окончательно запуталась. Я ни хрена не понимаю, в чём дело, и почему Маркус исчез на два дня, не объяснив толком, что происходит. Теперь ещё объявилась сумасшедшая баба, рассказывая мне о том, что... это причиняет боль. Мы не можем продолжать в том же духе. Я это знаю, и я молю Бога, что он тоже это понимает, потому что ситуация становится невыносимой.

— Нам нужно поговорить, — произношу я, вставая, и собираюсь идти на кухню.

Его глаза всматриваются в мои.

— Я не приглашал её сюда.

Меня передёргивает.

— Ты ждёшь, что я поверю в это?

Его лицо застывает.

— Да, именно так. Я жду многого от тебя, и, полагаю, эта сучка здесь совершенно не причём.

— Иисус милосердный, — всхлип вырывается из горла, я уже не в состоянии сдерживаться. — Я только что пережила худший вечер в моей жизни. Моя мать знает о моём отце. Эта сучка явилась в наш дом и подбила мне глаз. Несмотря на всё это, неужели ты не можешь просто поговорить со мной нормально, а?

Маркус вздрагивает, и непроизвольно делает шаг назад.

— Я не приглашал её...

Боже, он просто не понимает!

— Мы оба знаем, что проблема не в этом. Ты исчез на несколько дней, не отвечал на мои звонки и даже не потрудился сообщить мне, где ты находишься. Что, чёрт возьми, я тебе сделала?

Маска невозмутимости возвращается на его лицо, и Маркус делает шаг в сторону кухни.
— Ничего.

Похоже, я теряю его. Устав от всего этого дерьма, устав от чувства, что я номер два в его жизни, и ничего для него не значу, я начинаю кричать так громко, что он от неожиданности вздрагивает и оборачивается, его глаза расширяются от удивления.

— Да пошёл ты! Ты, эгоистичный сукин сын! — я ору, меня всю трясёт. — Я всё делаю для тебя. Я чертовски обожаю тебя, а ты даже не соизволишь трахнуть меня. Ты отталкиваешь меня. Ты обращаешься со мной, как с секс-игрушкой. Ты никогда, бл. ть, слышишь, никогда не говорил мне, что любишь меня. Мне это надоело. Ты меня слышишь? Я заслуживаю большего, чем это! Я люблю тебя, мудака, больше всего на свете, но я достойна того же! Я больше не буду твоей грёбаной игрушкой, Маркус Тандем. И ты либо вытащишь голову из своей грёбаной задницы, или я ухожу. Решение остается за тобой, потому что я так больше не могу!

Я разворачиваюсь на каблуках и исчезаю в своей комнате.

Да пошёл он...

Видала я всё это на....

~ * ~ * ~ * ~

Маркус

Я мерил шагами комнату.

Упаковка льда в моих руках замораживает пальцы.

Оглушительное чувство вины меня просто убивает.

Я не знаю, как поступить, идти к ней и продемонстрировать, что в настоящий момент я чувствую на самом деле?

Или оставить всё, как есть?

Бл..дь. Твою мать!

Какого хрена, и что я должен делать?

~ * ~ * ~ * ~

Катя

Я прижимаюсь заплаканным лицом к мокрой подушке. В голове стучит, глаза опухли и не открываются, в груди болит, как будто раскалённый нож вспарывает всё внутри. Прошёл уже час, и он не последовал за мной. Конечно, он и не собирался приходить ко мне. Почему всё так неправильно? Когда я позволила себе стать такой марионеткой? Он не любит меня. Я просто удобство. Он наглядно доказал это сегодня вечером.

Ну, и что мне остаётся?

Завтра мне придётся упаковать вещи и возвращаться к ужасной нескончаемой работе и огромным долгам, но от меня уже ничего не зависит. Оставить его — одна только мысль сжигает моё сердце. Мне так плохо. Меня скручивает в ещё одном приступе рыданий. Я люблю его. Я даже подчас не понимаю, почему, но это неоспоримый факт. Я люблю его так сильно, а он не...

Сквозь собственные рыдания я слышу скрип двери.

Моё сердце замирает.

Негромко поскрипывают половицы, когда он приближается к моей кровати, и я задерживаю дыхание, почувствовав, как с меня осторожно стягивают покрывало. Неужели это на самом деле происходит? Постель прогибается, и холодный пакет прижимается к моему лицу. Я начинаю всхлипывать сильнее, и мужская рука обхватывает мою талию,

притягивая ближе к себе, пока он удерживает лёд на опухших глазах. Сглотнув слёзы, я позволяю себе почувствовать всё, что он делает для меня.

Боже, это так замечательно.

Медленно, Маркус переворачивает меня на спину. Я ничего не вижу в темноте, но чувствую его горячее дыхание на моей щеке. Он не произносит ни слова, прижимается губами к моим губам и целует так нежно и страстно, что у меня перехватывает дыхание. Его пальцы скользят по всему телу нежными и лёгкими прикосновениями, мучая меня красотой ощущений.

— Маркус, — я вздыхаю. — Ты убиваешь меня. Ты принимаешь всё, что я отдаю тебе, как должное. Ты... губишь меня.

— Я знаю, драгоценная моя, — шепчет он еле слышно.

Боже...

Он скользит поцелуями вниз по моему телу. Горячий рот покусывает трепещущую плоть, мужские руки ласкают меня так трепетно. С такой щемящей нежностью. И это так сильно отличается от привычного поведения Маркуса. Моё сердце разрывается от тех чувств, что он выказывает мне, и я хочу больше. Намного, намного больше. Когда его рот оказывается у меня между ногами, глядя языком и покусывая через тонкие кружевные трусики, я выкрикиваю его имя и выгибаюсь дугой от силы ощущений.

Маркус слегка отодвигается, и согревает дыханием мою киску. Блаженство. Жадные пальцы забираются в трусики, и он сдёргивает их вниз, прежде чем обрушиться ртом на чувствительные складочки между ногами. Ощущения настолько сильные, что я кричу его имя в течение нескольких минут. Содрогнувшись, я медленно

раздвигаю ноги шире, и он плавно опускается на меня. Потом так же осторожно погружается глубоко внутрь моего лона.

— Маркус...

Он начинает трахать меня... медленно? Я даже моргаю от удивления. Маркус никогда не трахается медленно. Он всегда погружается глубоко и жёстко, почти жестоко. И это очень жарко, но сейчас... это просто охренеть как замечательно. Я обхватываю влажные плечи, погружая ногти в напряжённую спину, и тихо стону его имя, в то время как он осторожно скользит членом в жаркой глубине. Маркус грубоватыми ладонями обхватывает моё лицо, прижавшись губами к моим, продолжая двигаться плавными толчками.

И я понимаю с внезапной и ослепительной чёткостью, что Маркус Тандем занимается со мной любовью.

Что-то в моём сердце взрывается, и тело мгновенно заливает теплом. Всё ощущается так ярко — и его руки, обнимающие моё лицо, и его тело, нежно скользящее, по-моему, и тогда я кончаю. Я взрываюсь в ослепительном экстазе. Подобного которому я никогда не испытывала в жизни. Я изгибаюсь дугой, и, вместо того, чтобы прокричать его имя, как обычно, я тихонечко хнычу его. Как отчаянную мольбу. Он низко стонет, хрипло и протяжно, а затем, мгновение спустя, его тело содрогается в собственном сокрушительном освобождении.

Мы оба изнеможенно лежим в темноте и молчит. Маркус до сих пор не сказал мне ни слова. Он прижимается лбом к моему лбу, хриплое дыхание щекочет мои губы, и мы переживаем самый удивительный момент в моей жизни. Затем, очень мягко, он скатывается с меня и крепко притягивает к своему боку.

И, наконец, в первый раз... Маркус спит со мной всю ночь.

Глава 24

Сейчас

Маркус

Лампа, брошенная моей рукой, пролетела через всю комнату и взорвалась осколками, врезавшись в дверь. Сжав кулаки, я падаю навзничь на кровать, прижав руки к лицу. Какого чёрта я делаю? Когда, чёрт возьми, я успел вляпаться в это дерьмо, испытывая к ней чувства? Это не должно было произойти. Этого не может быть, потому что я Маркус Тандем.

И я влюбился в собственную жену.

Что, твою мать, я буду делать?

~ * ~ * ~ * ~

Катя

Я чувствую себя *удивительно*.

Моё тело гудит от потрясающих ощущений, испытанных прошлой ночью. В конце концов, он остался со мной на всю ночь. Целую. Ночь. Я не могу стереть глупую улыбку с лица, когда прихожу на работу, бросаю сумочку на стол и шлепаюсь на своё рабочее место. Уверена, сегодня клиенты будут от меня в восторге. Я настолько счастлива, что готова расцеловать всех, и поэтому они получают обслуживание по высшему разряду.

Я ловлю себя на мысли, что мечтаю о собственном муже, в то время, как отвечаю на телефонные звонки и печатаю на компьютере задания. Когда заходит Маркус, и наши глаза встречаются, клянусь Богом, я чувствую, как мои кости начинают плавиться. Уголки его губ приподняты в многозначительной полуулыбке. Чёрт, этот мужик ослепительно красив! Первая искренняя улыбка — раньше он никогда так не делал. Я не осознавала этого до настоящего момента, но эта улыбка делает его лицо живым и открытым, заставляя снять привычную маску.

Когда приближается время ланча, он направляется в мою сторону, тёмно-шоколадные глаза прожигают меня насквозь. Маркус разговаривает по телефону, но, достигнув ресепшена, он наклоняется, обхватывает ладонью мой подбородок и крепко целует. О, Боже. Да!.. Затем он отстраняется, прислушиваясь к абоненту в трубке, но продолжает удерживать мой взгляд. Мы смотрим в глаза друг другу в течение нескольких минут, прежде чем он отступает назад, разворачивается и уходит.

Маркус Тандем.

Небеса обетованные.

После ланча, работа замедляется, так что у меня появляется время разобраться с документами. Кэнди сегодня нет, и это хреново, потому что

мне бы очень хотелось поболтать с ней. Мой глаз всё ещё пульсирует с прошлой ночи, но опухоль уже начинает потихоньку спадать. Несмотря ни на что, я слишком счастлива, пребывая в дымке грёз, чтобы заботиться об этом. Марк ушёл во второй половине дня, в офисе тихо, так что я брожу по офису, выжидая время, когда можно уйти. Потом я мчусь домой, чтобы приготовить ужин.

Маркус возвращается после шести, входит на кухню и роняет портфель на стол. Его глаза ощупывают меня, пока я стою у раковины, отмывая беспорядок, который только что устроила, пытаясь приготовить жаркое в духовке. Взгляд вспыхивает, и опять появляется эта хищная полуулыбка.

— Пойду на пробежку, — бормочет он.

— Я приготовила ужин, — призывно улыбаюсь, опираясь бедрами на стойку.

— Я вижу.

— Ты собираешься поужинать вместе со мной?

Маркус прищуривается, расстегивая и стаскивая свой галстук.

— Да, дорогая.

Йо-хо!

~ * ~ * ~ * ~

Маркус

Я размеренно бегу по тротуару, пытаюсь проветрить голову. Счастливо. Легко. Беззаботно. Вот как я сегодня себя чувствую. Это был хороший спокойный день. Все прошло отлично. Никаких конфликтов. Никакого напряжения. Впервые в своей жизни, я доволен. К этому ещё следует привыкнуть. В конце концов, я никогда не чувствовал такого раньше.

Неужели это из-за неё?

Бл..дь.

Сердце разрывает меня на части, в попытках двигаться в двух разных направлениях. У меня лишь два варианта. В первом случае — прямо в объятия моей жены, ну а во втором — убраться к чёртовой матери из её жизни. Я не дурак, и точно знаю, что случится, если она случайно узнает о контракте. Если бы она знала, что я сделал... Она не сможет любить меня. Так что, на самом деле всё сводится только к одному вопросу, который я должен задать себе.

Готов ли я позволить ей жить в мире иллюзий дальше?

Потому что, если я буду продолжать в том же духе, и она обо всём узнает, её мир просто обрушится, разлетевшись на цветные осколки.

Возможно, ублюдком быть лучше.

Глава 25

Сейчас

Катя

— Чёрт! Ну, чтоб тебя...! — Я реву, бросаю сумочку на кровать и топаю ногой, как будто пытаюсь растоптать свою досаду.

Моя любимая сумка просто развалилась. Ручка оторвалась, вырвав клочок с мясом. Единственная сумка, которая нравилась мне больше всех, и меня это опустошило. Я бросилась ничком на кровать, плюхнувшись на живот. Я дуюсь, и мне плевать на всё на свете.

— Что с тобой случилось?

Я приподнимаю голову, и вижу Маркуса, прислонившегося к дверному косяку, такого аппетитного, с голым торсом.

— Привет, муж.

Он ухмыляется.

— Что случилось, Катя?

— У меня сдохла сумка, — жалуюсь я капризно.

Он удивлённо выгибает бровь.

— И это повод... — он кивает в мою сторону, — для истерики?

— Я не устраиваю истерику! — Я громко протестую. — Для меня это существенно. Она особенная. Я очень люблю её.

— Пойди и купи ещё одну.

— Я бы с удовольствием, только понятия не имею, где это можно сделать.

Маркус внимательно рассматривают моё лицо.

Я, в свою очередь, скольжу глазами по прессу, всем этим кубикам и V — образным мышцам живота. М — мм...

— Как ты думаешь, у меня есть шанс, что ты можешь подойти сюда и просто дать мне облизать тебя немного? — хрипло интересуюсь я.

Он сдавленно фыркает:

— Катя.

— Давай, Маркус. Ты не можешь заявиться сюда в таком виде и ожидать, что мне *не захочется* облизать тебя прямо здесь.

Он медленно делает шаг вперед. Моё сердце колотится в горле. Отношения между нами за прошедшую неделю, можно сказать, наладились. Я бы не сказала, что всё здорово, но не было никакого напряжения, и мы даже в какой-то момент разговаривали. Это было... освежающе. Маркус останавливается передо мной, и я зарываюсь носом в низ его живота. Да, пожалуйста. Да!

— Ты действительно великолепный мужчина, — невнятно бормочу, протягиваю руки и запускаю пальцы под пояс штанов, поглаживая выступающие мышцы. Он слегка вздрагивает.

— И в чём же моё великолепие?

— Вот в этом, — я, сосредоточившись, покусываю влажную кожу живота, — очень возбуждает.

— Ты планируешь просто прикоснуться ко мне, Катя, или ты собираешься заставить меня кончить прямо здесь?

Я хищно ухмыляюсь, косясь на него.

— О, я думаю, ты оценишь мои действия по достоинству.

И я сдерживаю слово.

~ * ~ * ~ * ~

Маркус

— Просто найди его, меня не волнует, где, и не волнует, сколько это займёт.

— Чувак, — тихо спрашивает Мак. — Ты не здоров?

— Да пошёл ты, бро. Мне нужно, чтобы ты добрался до него раньше, чем он доберётся до моей жены, ясно?

— Шутки в сторону?

— А что, это звучит, как будто я, бл. ть, шучу?

— Маркус Тандем, — фыркает он. — Ты влюбился?

— Пошёл ты, Мак!

Я повесил трубку и откинулся в кресле назад.

Грёбаная любовь.

Пошло оно всё!..

Что, чёрт побери, происходит?

~ * ~ * ~ * ~

Катя

На следующий день, после работы, я захожу в свою комнату.

Я замираю, когда вижу кое-что, находящееся на моей подушке. Это подарок!

Я осматриваюсь вокруг, но здесь никого нет. Не в силах сдержать волнение, я подбегаю к кровати и протягиваю руку к свёртку. Сверху лежит записка. Я поднимаю листок и читаю текст.

«К.

Да просто так.

М.»

Я не могу не улыбнуться, когда отбрасываю записку и разрываю обёрточную бумагу. Сперва задыхаюсь, а потом визжу от восторга. Совершенно новая сумка, точно такая же, как и испорченная, глянцево поблёскивает в моих руках. Маркус подарил мне сумочку! Какую я хотела. Именно такую, как мне нравится. Счастье захлёстывает мою грудь, и я не могу удержаться, чтобы громко не заорать от восторга.

Я вскакиваю и бегу вниз через холл, обратно в офисные помещения. Маркус только что начал общаться с новыми клиентами, но я врываюсь к нему в кабинет. Его глаза вспыхивают, и он подхватывает меня, когда я бросаюсь к нему, обхватив руками вокруг шеи. Целую его щёки, губы, везде, куда могу дотянуться.

— Ты подарил мне сумку!

— Ты же лишилась своей.

— Ты самый лучший, Маркус!

— Катя, — он наклоняется к моему уху. — Я работаю.

Всё верно. Я киваю.

Маркус отпускает меня, и я делаю шаг назад, киваю застенчиво мужчинам, ухмыляющимся моей маленькой эскападе.

— Я поблагодарю тебя позже, — я шаловливо ухмыляюсь и откланиваюсь.

Ничто не может уничтожить моих счастливых предчувствий.

Глава 26

Сейчас

Катя

— Боже, этот день длится уже целую вечность, — мои слова адресуются Кэнди, в то время как мы сидим на ресепшене, занимаясь систематизацией данных.

— Нашла кому рассказывать об этом.

— Нам нужно куда-нибудь выбраться в эти выходные, — говорю я, засовывая бумаги в файлы. — Может, Даста сможет заглянуть?

— Мы должны отправиться в клуб, давно там не были.

Я вздыхаю:

— Это так и есть.

Колокольчик над дверью бренькнул, и я поднимаю голову, разглядывая пятерых мужчин, входящих в помещение. Я никогда их раньше не видела, и они не производят впечатления счастливых людей. Четверо из них одеты полностью в чёрное. Возглавляет их господин постарше, выглядящий довольно мерзко.

— Нам лучше вернуться к работе, — Кэнди вздохнула, вскочила и умчалась.

Я улыбнулась ей вслед, и обратила всё внимание на странного мужчину. Он единственный подошёл к ресепшену; остальные остались стоять сзади, скрестив руки на груди. Этот старый хрен остановился перед стойкой и уставился на меня сверху вниз. Фу.

— Я могу вам помочь? — вежливо спрашиваю.

Он улыбается, нарочито растягивая губы в оскале.

— Катя, если я не ошибаюсь?

Его глаза прилипли к моему именному бэйджику. Фу-фу.

— Да. Чем я могу вам помочь?

— Я много слышал о вас.

Я смущена.

— Прошу прощения, я вас знаю?

Его улыбка становится всё шире и неприятнее.

— Меня зовут Уолтер. Я, скажем так, друг Маркуса.

Уолтер. Я слышала о нём. Маркус говорил мне, что он руководил компанией, пока дед не передал документы ему после того, как умер. Муж сказал, что Уолтер подл и опасен, и я должна держаться от него подальше. А ещё сказал, что если он когда-нибудь появится, чтобы вызывала его сразу же. С бьющимся сердцем я выдавила улыбку.

— Вы здесь, чтобы увидеть Маркуса?

— Маркуса здесь нет, — сказал он просто. — Это именно с тобой я хочу поговорить.

Я сглатываю и осторожно вытаскиваю свой телефон из картотечной тумбы, расположенной под столом. Снимаю с блокировки и демонстративно кладу на стол перед собой. Уолтер бросает взгляд на сотовый, и переводит обратно на меня. Я продолжаю улыбаться, как будто меня вообще не беспокоит сам факт, что он здесь находится.

— Со мной? — спрашиваю я невинно.

Я протягиваю руку вперёд, и кладу трубку так, что он не может видеть сотовый.

Я бы не стал вызывать его, Катя. То, о чём я должен рассказать, пойдёт вам только на пользу.

Да, конечно.

Псих.

Я медленно двигаю пальцами по клавиатуре, взглянув только один раз мельком, чтобы точно убедиться, что на экране высветилось имя Маркуса. Я печатаю всего два слова. «Уолтер. Здесь.» Уолтер слишком занят, ухмыляясь мне в лицо, чтобы заметить, как мои пальцы двигаются, и, следуя его совету, я откидываюсь назад, делая вид, что и не собираюсь звонить Маркусу.

— Хорошо, — отвечаю я, потом складываю руки так, чтобы он мог их видеть. — Я не буду вызывать его.

Его ухмылка становится шире.

— Это правильный выбор.

— Я знаю, кто вы, Уолтер. Я также знаю, что вы здесь делаете, и просто хочу сказать, прежде чем вы начнёте свой монолог, что я не заинтересована в нашем разговоре.

— Простите, я должна ответить на звонок.

Я не позволила ему возразить, а просто отвечаю на входящий вызов.

— Tandem Machinery, меня зовут Катя. Слушаю вас.

— Вставай, выходи оттуда, и вызывай охрану.

Это Маркус.

— Конечно, сэр. Он отсутствует в настоящее время, но я могу принять сообщение?

— Умница, хорошая девочка, — хвалит Маркус. — Не подавай виду, что это я. Он опасен, Катя. Кроме того, он сумасшедший и будет нести всякую чушь, чтобы заставить тебя сомневаться во мне. Он хочет завладеть этой компанией, и готов сделать всё, что угодно, в попытке заполучить её любой ценой.

— Я понимаю. Я скажу ему, что вы звонили.

— Вставай. Убирайся оттуда. Я буду там в пять.

— Благодарю вас. Всего доброго.

Я повесила трубку и улыбнулась Уолтеру. Потом встала и сказала:

— Простите, я должна передать это сообщение, и ...

Уолтер рванулся вперёд и вцепился пальцами в мою руку. Я стала задыхаться, когда он притянул меня ближе, и начала озираться вокруг, пытаюсь увидеть, есть ли кто-нибудь рядом, чтобы мне помочь. Никого нет. Большинство сотрудников ушли на обед в настоящее время. Я осталась одна.

— Послушай меня, девочка. Маркус Тандем очень плохой человек. Ты знаешь, что этот бизнес только прикрытие? — Он горько рассмеялся. — Он связан с нехорошими людьми и незаконными деньгами. Он якшается с преступниками, отмывая их грязные деньги через свой бизнес таким образом, чтобы сделать всё чистым и легальным. Он проворачивает операции втихаря, не привлекая внимания заинтересованных служб. Ты же не думаешь, что он заработал достаточно денег для содержания этого дома только на найме и продаже машин, не так ли?

Меня передёргивает.

— Вы лжете!

— Я?! — Ворчливо произносит он. — Так значит, ты никогда не видела странных людей, появляющихся в вашем доме, и советовавших ему отступить?

Я вздрагиваю снова.

Мой отец.

О, Боже!

— Вот о чём я подумал. Твой муж имеет дело с каким-то опасным дерьмом, и он собирается нажить себе охеренные проблемы, если не остановится. Я здесь, чтобы заключить сделку с ним.

— Отпустите меня, — шепчу я.

— То, что я собираюсь предложить, стоит послушать.

— Отпустите. Меня. Немедленно! — Я уже кричу.

Грохот распахнувшейся двери заполняет окружающее пространство, а затем раздаётся громкий голос Маркуса, точнее, его рычание.

— Твою мать, Уолтер! Отпусти её!

Уолтер освобождает мою руку и оборачивается, подло ухмыляясь Маркусу.

— Ну, Маркус, как я рад, что вы смогли присоединиться к нам. Я только что рассказал вашей дорогой женушке о вашей внеурочной деятельности.

Глаза Маркуса перемещаются на меня, и я сглатываю. — Это правда? — Я еле слышно шепчу, надеясь на чудо.

— Нет, — рявкает Маркус, но что-то мелькает в его глазах.

Он не собирается говорить мне правду, и это причиняет чертовски сильную боль.

— Я мог бы ещё не то порассказать ей, конечно же, — опять начинает Уолтер, но Маркус бросается вперёд. Рядом с ним находятся шестеро мужчин, поэтому сопровождающие Уолтера не приближаются.

Я стремительно отскакиваю назад, двигаясь по направлению к двери.

Известие, что мой муж связан с преступниками и помогает им с незаконным оборотом денег, ввергло меня в какое-то состояние шока, я почти уверена в этом. Я хочу получить ответы, которые мой муж отказывается мне дать.

Ничего не видя, почти ослепнув от слёз, я сбегая, точно зная, кто сможет ответить мне.

Мой отец.

Глава 27

Сейчас

Катя

Мой телефон звонит постоянно, не переставая, пока я направляюсь к месту работы моего отца. У меня в голове полный бардак, и я честно не знаю, что думать. Моя жизнь, казалось, только-только нормализовалась, и теперь я чувствую, как всё выходит из-под контроля в очередной раз. Неужели Маркус опасен? Он ужасный человек? Связан ли он с плохими людьми? Мог ли он мне врать всё это время? Вопросов слишком много...

Я выяснила, где работает мой отец, погуглив его имя. Оказывается, он живет здесь уже некоторое время. Боже, он был так близко. Интересно, могла ли моя мать знать об этом всё это время, и просто ничего не сказать мне? У меня стянуло узлом низ живота от нервов, когда я въехала на парковку автомобилей перед огромным двадцати или около того этажным зданием. Мой отец состоятельный человек, судя по всему.

Вывеска на стене гласит, что я нахожусь перед входом «Penner's Holdings». Допустим, вполне возможно, мой отец и не богат, потому что, кто бы ни был этот Пеннер, ясно, что он не борется с таким положением вещей. Когда я проследовала через центральный вход, имя Пеннер мелькает везде. Скривившись, я подхожу к стойке ресепшена на трясущихся ногах. Миловидная блондинка стоит за стойкой регистрации, хихикая с кем-то по телефону.

Профессионально... ничего не скажешь.

Женщина поднимает глаза вверх, и, когда видит меня — серьезно, она даже моргает несколько раз. Да, да, я знаю, что у меня отёк под глазом, и я выгляжу, как дерьмо. Иисус всемогущий! Можно подумать, она раньше никогда не видела кого-то в отчаянии. Я игнорирую взгляд, которым она одарила меня, и спрашиваю:

— Пьер здесь?

Она моргает. Потом ещё раз.

О, Боже.

— Хм, да. Я сейчас позвоню ему. Как вас зовут?

— Катя.

Она кивает и поднимает трубку.

— Да, Пьер. Ко мне подошла девушка на стойку регистрации. Она говорит, её зовут Катя...

Она недоумённо кивает, затем вешает трубку.

— Он сейчас придёт. Просто закончит встречу. Это не продлится долго.

Попытавшись обуздать свои нервы, я присаживаюсь на диван и жду. В это время мимо меня к ресепшену подходит группа молодых самцов. Среди них выделяются трое, и святая мать Божья, они просто роскошны. Один высокий, темноволосый и..., мой рот широко открывается. Когда он оборачивается, чтобы посмотреть на меня, весь мир просто останавливается.

Он вылитый Пьер.

Вылитый.

Моё сердце бьётся уже в горле, и я внезапно вскакиваю. Его глаза, чёрные, как и у моего отца, впиваются в меня. Зрачки немного расширяются, и я стараюсь изо всех сил, чтобы просто дышать. Я... у меня... есть брат? Он делает шаг ко мне, но я не могу сейчас принять это. Я разворачиваюсь и бросаюсь к двери, когда слышу своё имя, звучащее мне в след.

— Катя?..

Я резко останавливаюсь, зажмурил глаза. Медленно-медленно я поворачиваюсь, чтобы

увидеть, как Пьер стоит рядом с ресепшеном. Его глаза сосредоточены на мне, и он смотрит... почти с нежностью. Чёрт бы всё побрал! Я скольжу взглядом по замершей троице мужчин, наблюдавших за мной, и понимаю, что все они темноволосые, кареглазые, и очень похожи на него. У меня не просто один брат — у меня их трое.

— Я вижу, — медленно произносит Пьер, наблюдая, как мы обмениваемся взглядами с застывшими соляными столбами мужчинами, и обращаясь сразу ко всем, — вы познакомились со своей сестрой.

Теперь на меня в упор смотрят три пары глаз, и мои щеки краснеют, когда я встречаюсь глазами с каждым из них по очереди. Первый, кто заметил меня, выглядит примерно на три-четыре года старше, чем я. Он мощный, красив, как чёрт, и выглядит погружённым в раздумья. Тёмные волосы, такой же длины, как у отца, выются вокруг плеч. Глаза тёмно-коричневые, почти чёрные. С такого расстояния, они так и выглядят. Чёрными и злыми.

Мужчина рядом с ним выглядит примерно моего возраста, возможно, немного моложе. У него ещё более, я серьёзно, раскинувшаяся по плечам, роскошная грива волос. Он чуть постройнее отца, но его глаза такие же тёмные. Он тоже хорошо сложен, но выглядит более мягким, выражение лица добрее. Последнему около двадцати, я думаю. Семейные тёмные волосы коротко острижены и выглядят неряшливо, и цвет глаз больше похож на молочный шоколад, чем тёмно-карий. Он ухмыляется, глядя на меня.

— Какого...? — цедит самый старший.

Я предполагаю, что он не в восторге вдруг заиметь сестру. Мне пофиг. Меня устраивает. ОК, это ложь.

— Катя, — говорит Пьер осторожно. — Познакомься с моими сыновьями. Форд... — он указывает на самого старшего, — Лэндон, — он указывает на второго, — И Уайет.

Я сглатываю.

— Сыновья, — произносит он, обращаясь к парням. — Познакомьтесь с моей дочерью, Катей. Помните, я рассказывал вам о ней?

Он говорил им обо мне?

Я закрываю глаза, крепко зажмурив их. Это уже слишком, чересчур.

— Это, бл. ть, слишком..., — Я с трудом дышу, а потом начинаю задыхаться, когда понимаю, что сказала это вслух.

Уайет фыркает, и я, открыв глаза, вижу, как он лыбится во весь рот.

— Всегда хотел иметь сестру. У тебя есть горячие подружки?

Я вытаращилась на него.

— Уайет! — рычит Пьер. — Полегче.

— Она выглядит, как будто собирается сбежать отсюда, — тихо говорит Лэндон. — У кого-нибудь есть предложения, как задержать её?

Я поворачиваюсь к нему, с насмешкой в печальном голосе:

— Я не собираюсь скрываться.

Мои глаза вглядываются в Форда, который до сих пор не произнёс ни проклятого слова. Он свирепо уставился на меня, не сводя глаз. Пьер перехватил мой взгляд и посмотрел на старшего сына.

— Форд, — позвал он с нажимом в голосе. — Скажи «привет».

Злобный взгляд Форда полоснул по отцу и низким, скрипучим голосом он пробормотал:

— Пошла ты, дырка.

Ох, парень.

Затем он выбежал прочь.

Пьер прикрыл глаза, как будто ища терпения, прежде чем повернулся ко мне лицом.

— Катя, я сожалею об этом. Почему ты здесь?

— Я... — Я сухо сглатываю. — Мне необходимо поговорить с тобой.

Он согласно кивает, затем поворачивается к остальным двум парням.

— Возвращайтесь к работе.

— Мы снова увидимся? — спрашивает Уайет, зазывно улыбаясь мне.

— Чувак, — бормочу я. — Мы связаны, прекрати скалить зубы на меня, как на конфету, которую ты нашёл в кармане.

После чего я следую за Пьером дальше по коридору, прислушиваясь к звукам смеха Уайета и Лэндона. И это мне нравится.

~ * ~ * ~ * ~

— Ты хочешь узнать о Маркусе? — спрашивает Пьер.

— Да, о нём. И почему у тебя есть три сына, один из которых старше меня, — я сразу беру быка за рога.

Он прикрывает на мгновение глаза.

— Это одна и та же история. Во-первых, я очень рад, что ты здесь, Катя.

— Я здесь не из-за тебя, Пьер. Мне нужны ответы.

Он выглядит немного огорченным, и это меня бесит, но я ничего не говорю.

— Итак, Маркус, — начинает он. — Что ты хочешь узнать?

— Он занимается отмывкой грязных денег для плохих... чуваков?

Отец вздрагивает.

— Прошу прощения?

— Не валяй дурака со мной, Пьер. Я не глупая девочка; моя мама воспитывала меня лучше. Я знаю, что ты ужасный человек — она сказала мне об этом. Поэтому я хочу знать, чётко и ясно, является ли мой муж тоже плохим парнем.

Он смотрит на меня продолжительное время, потом вздыхает и отвечает:

— Маркус занимается легализацией нелегальных операций на протяжении нескольких лет. Он хорошо известен. Он умен, и чертовски хорош в этом.

— Я не совсем понимаю... грязные деньги? откуда?

— Преступники получают деньги от продажи наркотиков, которыми они занимаются, или от оружия, ты понимаешь? Маркус берет деньги, которые классифицируются как «грязные», проводит через свою компанию, и таким образом заставляет их выглядеть «чистыми». Это один из основных способов легализации криминальных потоков, не оставляя видимых следов.

— Он, в основном, помогает плохим людям?

— Да, у него своя доля в большом количестве «пирогов». Маркус умный мужик, и не любит, когда посторонние лезут, и вмешиваются в его бизнес. Он занимается отмывкой довольно долго, и когда такие люди, как я, или ещё один человек по имени Лукас, пришли и начали двигать его, он отнёсся к этому без восторга.

Я впадаю в состояние какого-то ступора, дыхание перехватывает, я не могу шевельнуться. Боль пульсирует во мне, подобно сокрушительному удару в живот.

— А ты? — я хрипло каркаю.

— Я занимаюсь тоже. Я не могу сказать тебе, как, да и не буду. Мы с Маркусом не встречались с глазу на глаз, потому что мы оба считаем, что эта сторона наших

взаимоотношений статусная. Прежде чем расстраиваться, Катя, помни — то, чем человек занимается, не определяет его сущность.

Я мотаю головой, глядя на него.

— Что ты знаешь о том, как быть порядочным человеком?

Его глаза смягчаются.

— Я никогда не знал о тебе, Катя. Подумай на секунду, если бы я был в курсе, неужели я бы просто позволил ей уйти?

— У неё есть имя! — ору я в ответ.

Он вздрагивает, но выражение глаз не меняется.

— А как насчет Форда, а? — продолжаю я. — Он старше меня, Пьер.

Отец прикрывает глаза, громко вздыхая.

— Я встретил мать своих сыновей прежде, чем познакомился с твоей мамой. Я не любил Шерри в то время, но она была хорошей женщиной. Она забеременела Фордом, и я не знал о нём ещё два года после того, как твоя мать оставила меня. Я был один, и потерял женщину, которую глубоко любил. Когда узнал о Форде, я вернулся к Шерри. Она родила мне Лэндона и Уайета, но наш брак не был счастливым. Она умерла от рака три года назад, оставив мальчиков одинокими.

Ох.

Я сморгнула влагу в глазах, сочувствуя парням. Они потеряли свою маму? Как это ужасно.

— Я сожалею, — мягко соболезную.

Он кивает.

— Я не бессердечный человек, Катя. Я люблю всех своих детей, и я хочу присутствовать в твоей жизни.

— Я не могу... Я просто не могу... Я не готова решить это прямо сейчас. Ты сможешь принять это?

Он снова кивает.

— Да.

Я встаю.

— Мне нужно на воздух. Спасибо. Что поговорил со мной.

— Я буду здесь, Катя, — тихо говорит он, глядя, как я иду к двери. — Всегда.

Глава 28

Сейчас

Маркус

Ну и где она, твою мать? Прошло уже шесть часов, и от неё ни звука. Бл. ть, что я делаю? Я застрял в Богом проклятой эмоциональной спирали, и не могу вырваться из этого тупика. Я хочу её. И не хочу хотеть. Всё должно было идти по-другому — никаких эмоций, свободно и ровно, и по окончании двух лет легко закончиться. Не так. Ни одним из этих чувств.

Внезапно зазвонил телефон, заставляя меня вздрогнуть. Я метался по своему офису в течение последних двух часов, ожидая её звонка. Катя не звонила. При звуке рингтона, я бросился к столу, и, добежав до него, схватил телефон, не глядя на дисплей.

— Катя? — кричу, ненавидя, как бешенство прорывается в моём тоне. Меня это не волнует. Не в этот раз.

— Это не Катя, это Пьер.

— Что ты хочешь? — рычу, не в силах сдержаться.

Он вздыхает.

— Маркус, мы никогда не были близки, но ты женился на моей дочери, и она приходила ко мне сегодня, чтобы расспросить о тебе. Я сказал ей правду, а это значит, что она знает, чем ты занимаешься. Я не собираюсь вмешиваться в ваши отношения, Маркус, но я её отец, и хочу, чтобы ты знал, потому что она очень страдает. Я просто ставлю тебя в известность.

Чтоб меня...

Он помогает ей.

И он помогает мне.

— Спасибо, — бормочу я.

— Она любит тебя, Маркус. По какой-то необъяснимой причине. Поэтому я собираюсь отойти в сторону и позволить ей самой разобраться во всём. Не стоит давать мне повод, чтобы выслеживать тебя.

И он вешает трубку. Бл. дь. Это дерьмо становится все круче. Я громко вздыхаю, запускаю руку в волосы, и издаю низкий грубый рык. Прежде чем у меня появляется шанс осознать тот факт, что Катя пошла к отцу и интересовалась моими делами, не говоря уже о том, что Уолтер появился сюда, козёл, мой телефон звонит снова. Я смотрю вниз на дисплей, и вижу имя Кати. Я быстро тянусь к нему, отвечая на вызов, и прижимаю трубку к уху.

— Катя, ты где?

В ответ продолжительное молчание.

— Маркус?

Что-то не так, я мгновенно слышу это в интонации её голоса. Что-то скрипучее, как будто она плакала, но мне кажется, что всё гораздо хуже, как если бы ей сказали, что её лучший друг мертв.

— Катя, что случилось?

— Моя мама... — шепчет она. — Она попала в автомобильную аварию...

~ * ~ * ~ * ~

Катя

Я безучастно смотрю на ослепительно-белую стену. Я ничего не чувствую. Вообще ничего. Вся моя привычная жизнь рушится, и рядом нет никого, на кого я могла бы опереться. Дасти пытался помочь, но я не хочу его сочувствия. Кэнди звонила, но я не ответила. Я позвонила Маркусу, и он сказал, что уже в пути и скоро будет, но лучше мне от этого не стало. Моя мама в хирургии, Элли в истерике, и я сижу здесь в одиночестве. Дасти пропал полчаса назад, сказав, что отправился за кофе.

Не в состоянии дальше сидеть на одном месте, я вскакиваю. Весь мир вращается, когда я бегу по коридорам. Если что-то случится с моей мамой... Я не смогу пережить этого. Она всё, что у меня есть. Я знаю, что это был несчастный случай, я знаю, что Элли не собиралась на своем автомобиле попадать в аварию, но теперь я могу потерять единственное, что у меня осталось в жизни. Кто, черт возьми, у меня останется, если её не станет? Меня начинает трясти, и слёзы, наконец, прорываются через стену ужаса и опустошения.

Я не могу удержаться и громко рыдаю.

Я выбегаю на улицу под дождь. Прохладные капли падают на мою воспалённую кожу, и это заставляет слёзы течь ещё сильнее. Ноги подкашиваются, сердце разрывается от боли, горячие слёзы закипают на глазах и сбегают вниз по опухшим щекам. В какой-то момент, я

оказываюсь на парковке, когда мои ноги слабеют, и я оседаю на землю. Вцепившись пальцами в волосы, я плачу, и реву так сильно, что мои рыдания превращаются в хриплые крики.

Автомобильные фары на мгновение осветили моё лицо, но я не смотрю вверх. Я просто не могу остановиться. Всё выплёскивается в слезах — и страх за мою маму, и мой Богом проклятый жизненный путь, и разрушительные перемены в жизни.

Хлопает дверь, и я слышу шаги, приближающиеся ко мне. Прежде, чем я осознаю, кто это, жёсткие, уверенные руки оборачиваются вокруг меня. Знакомые руки. Руки, в которых я хотела оказаться так долго, обхватили меня именно так, как я сейчас нуждаюсь. Маркус прижимается лицом к моей шее, удерживая меня так близко, что становится трудно дышать.

И тогда это происходит.

Он становится человеком, который мне нужен.

Он становится всем для меня.

Он становится тем, что я хотела так долго, произнеся одно единственное слово.

— Малышка.

~ * ~ * ~ * ~

Я свернулась калачиком на коленях Маркуса, уткнувшись лицом в его шею. Мы ждём уже в течение последних четырёх часов. Дасты, Кэнди, Элли и даже Пьер здесь, ожидают вместе с нами. Я не смотрю и не разговариваю ни с кем, я даже не знаю, кто вызвал их. Мне просто нужен мой муж. Мне нужно, чтобы на этот раз он дал мне больше того, что уже отдавал раньше. И я, наконец, чувствую себя хорошо. В худший день моей жизни, он переворачивает весь мой мир.

— Малышка, — снова бормочет он. Ничто никогда не будет звучать так прекрасно. — Доктор здесь.

Я приподнимаю лицо с его плеча и вижу, как к нам приближается пожилой доктор. Я слезаю с коленей Маркуса, и он придерживает меня рукой за бедро. Потом подводит меня к врачу. Мои пальцы начинают дрожать, и я хватаюсь за рубашку Маркуса, не в состоянии вдохнуть.

Врач останавливается прямо перед нами, уставшими голубыми глазами вглядываясь в моё лицо.

— Вашу мать перевели из хирургии, с ней всё будет хорошо. У неё было несколько переломов костей и незначительное внутреннее кровотечение, но мы справились. Она перенесла легкую черепно-мозговую травму, и мы надеемся, что восстановление пройдёт благополучно. Можно сказать, ей очень повезло.

— А что с головой, насколько велики повреждения?

— Всё в норме, Катя. Я думаю, что она будет постепенно восстанавливаться, и эта травма не замедлит её выздоровления.

Мои колени подгибаются, и Маркус крепче обхватывает меня за плечи, слёзы опять начинают течь из моих глаз. Но на этот раз, это слёзы облегчения. Слава Богу! Она будет в порядке. О Боже, с ней всё будет хорошо.

~ * ~ * ~ * ~

— Я так испугалась, — шепчу я, сжимая её руку.

Моя мать смотрит на меня. Под глазами темнеют кровоподтёки, на голове повязка, прикрывающая волосы. В руках трубки, но в остальном она в порядке.

— Мне очень жаль, детка, — шепчет она хриплым голосом.

— Мамочка, никогда не оставляй меня. Я не... Я не знаю, что бы я сделала...

Она протягивает руку, касаясь моего лица. Я прижимаюсь к её руке и зажимаюсь, вдыхая родной запах. Пальцы на моей щеке внезапно дрогнули, и я приоткрываю глаза. Она смотрит на дверь за моей спиной. Я медленно оборачиваюсь, и вижу стоящего в проёме двери Пьера, с мягким выражением смотрящего на неё. Я поворачиваюсь к маме, еле улыбаясь.

— Я оставлю вас наедине.

Мама переводит испуганный взгляд обратно на меня. Я наклоняюсь, нежно целую её в щеку.

— Всё будет хорошо, — заверяю я её. — Он не будет расстраивать тебя, мамочка. Он был здесь всё это время, ожидая вместе со мной.

Она сглатывает, её глаза возвращаются к Пьеру. Я снова целую её и обещаю, что вернусь завтра утром. Врач дал нам только пятнадцать минут пообщаться с ней, а потом она должна отдыхать. Я встречаюсь глазами с Пьером, стоящим в двери, и он смотрит на меня сверху вниз.

— Не расстраивай её.

Он кивает, его глаза светятся нежностью.

Я выхожу из палаты и встречаюсь глазами с Маркусом, который ожидал меня, прислонившись к стене. Он отталкивается от косяка при виде меня. Потом протягивает руку, обхватывая мой затылок, и притягивает ближе к себе, прижимаясь лбом к моему.

— Ты в порядке?

Я киваю.

— Пойдем домой, да?

— Да.

Когда он сопровождает меня из больницы, я вдруг понимаю, что Маркус подарил мне сегодня часть себя, тот маленький кусочек, что я искала весь прошедший год. Он открылся. Он показал мне, что, возможно, только возможно, я ошибалась в нём.

Я и понятия не имею, что на следующий день весь мой мир обрушится вокруг меня.

И та Катя, которая существует сегодня — она умрет.

А потом возродится в самом худшем виде.

Как монстр.

Глава 29

Сейчас

Маркус

Бл..дь.

Она ощущается так здорово.

Её маленькое изящное тело обернулось вокруг моего, нежные руки обхватывают мою шею, губы скользят по моей щеке, а длинные, густые волосы каскадом стекают вниз по спине. Я внутри неё, и она медленно покачивается на мне верхом. Так обалденно медленно и сладко. Время от времени, проводя ногтями вниз по моей спине. Боже, да!

— Малышка, — шепчу я, ненавидя, что мне нравится, как звучит это слово.

В этот момент, она отпускает мои губы, тихонечко хнычет и её голова откидывается назад, обнажая длинную, красивую шею и изящную челюсть. Иисусе, она охренительно великолепна. Я всегда это знал, но сейчас, видя её в муках наслаждения, кажется, мои глаза, наконец, открылись.

Придерживая жену за бедра, чтобы замедлить, я нежно показываю ей, как объездить мой член. Я не хочу ничего сильнее, чем нагнуть ее и жёстко, до крика, оттрахать, но, как же это, бл. ть, приятно до одури. Твёрдые соски трутся о мою грудь, и она еле слышно повизгивает, когда влажная киска стискивает мой окаменевший член. Проклятье, она просто ох. ительно божественна!..

Твою мать!...

~ * ~ * ~ * ~

Катя

Я просыпаюсь в объятиях Маркуса, и это великолепно. Я прижимаюсь обратно к нему, с удовольствием нежусь в тепле груди, прильнувшей к моей спине, удивляясь, как же удивительно то, что он заставляет меня чувствовать. Я не знаю, почему заняло так много времени, чтобы он позволил мне увидеть эту его сторону, и мне на это плевать. Это есть, и я собираюсь держаться обеими руками. Я не отпущу.

— Я проголодалась, — бормочу я в подушку.

Жилистые руки крепче обернулись вокруг меня, и он спросонья произнёс:

— Потом позавтракаешь...

Я фыркнула:

— Истинный романтик, Маркус Тандем.

Он хмыкает за моей спиной, и мне кажется, что я люблю этот звук больше всего на свете.

— Я этого никогда не говорил, драгоценная.

— Я хочу блинов.

Муж фыркает.

— И бекон.

Муж раздражённо пыхтит.

— И потом твой член, снова и снова.

Маркус хрипло рычит и скользит языком по задней стороне шеи.

— Что ты собираешься делать сегодня утром? Помимо желания объездить мой член снова?

Я тихонько хихикаю, но отвечаю на вопрос вполне серьезно.

— Такое облегчение, что с мамой всё хорошо. Я пойду к ней первым делом.

— А помимо этого?

— Ты имеешь в виду, что мой муж связан с криминалом?

Маркус вздрагивает, и я не могу заставить себя сердиться на него. Я много думала об этом вчера, и прекрасно понимаю, насколько это опасно, но я точно знаю, Маркус умный человек. За всё время, что мы вместе, его бизнес ни разу не соприкасался с моей жизнью. За исключением моего отца, но я не думаю, что он причинил бы мне боль.

— Я осторожен в том, что я делаю, Катя.

— По шкале от одного до десяти, насколько это безопасно?

— Я никогда не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

— Это не ответ, — мягко отвечаю я.

— Тогда восемь.

— Восемь — это хорошо.

— Да?

— Послушай, мне это не нравится, и я не говорю, что в один прекрасный день...

Скажем, когда у нас появятся дети... Я согласна, но на данный момент, пока это не влияет на мою жизнь.

— Ничто не вечно. Я завяжу, как мы и говорили, но всё это дерьмо занимает довольно много времени.

— Почему ты начал этим заниматься изначально? — осторожно интересуюсь я.

Он плотнее обнимает меня, и некоторое время обдумывает вопрос.

— Когда был избалованным сопляком, баловался в то время наркотой и всяким плохим дерьмом. У меня остались контакты. Я завёл нужных знакомых. Когда я ввязался в бизнес, наркодилер-оптовик пришел ко мне с предложением «отмыть» его деньги, точнее, сделать «чистыми». Я сделал это, в выигрыше остались оба, это помогло моему бизнесу развиваться, потому что я получил процент от сделки. Вот так всё и началось.

Я до сих пор не вполне поняла, как это работает, но, по крайней мере, он со мной честен.

— Ты принимал наркотики?

— Да.

— Дерьмо.

— Да.

— Ты до сих пор принимаешь?

Он дергается.

— Нет, Катя.

О, этот тон. Время сменить тему.

— Кстати, о завтраке...

Его нос утыкается в мою шею снова. М — м—мм.

— Я думаю, что начну с тебя.

С хитрой усмешкой, я переворачиваюсь, ныряю под одеяла, засовываю его член в рот, и отрываюсь.

Глава 30

Сейчас

Катя

Присев на корточки, я поднимаю жёлтый конверт с документами, который был оставлен перед дверью в офис. Я перевернула его и увидела своё имя, напечатанное на лицевой стороне. В замешательстве, я осмотрелась вокруг. Никого рядом не наблюдалось, так что я понятия не имею, как он попал сюда. Пожав плечами, я подхватила конверт подмышку и вошла внутрь. На стойке регистрации меня дожидалась Кэнди.

— Хэй, дорогая, — она улыбнулась.

— Привет, Хитрюга.

— Как твоя мама?

Я положил конверт вниз.

— С ней всё хорошо. Она сегодня выписывается.

— Я так рада!

Я счастливо улыбаюсь.

— Я тоже, поверь мне.

— Значит, мы устроим вечеринку в выходные. Дасти и я. Ты должна к нам присоединиться.

— Я приду, — говорю, рассеянно глядя на конверт.

— Что это?

— Это лежало на пороге. Там моё имя. Конверт пришёл не по почте, всё это очень странно.

— Боже мой, тогда открывай его!

Я смотрю на часы. У меня сейчас обеденный перерыв.

— Ладно, я посмотрю на улице, пока обедаю.

Кэнди подхватила меня под руку, и мы отправились проветриться. Я развернула кекс, уселась и положила конверт на столик передо мной.

— Мне, вроде как, страшно. Что делать, если это бомба?

Подруга, протянув руку, потыкала пальцем конверт.

— Это документы.

— И если бы это была бомба, — говорю с сарказмом, — мы бы уже были мертвы.

— Очень драматично, — Кэнди смеется. — Давай, открывай уже, неизвестность убивает меня.

— Ладно, не вопрос.

Я поднимаю конверт и подцепляю клапан пальцем, чтобы открыть его. Вытаскиваю бумаги и бросаю взгляд на первую страницу. Это копия завещания. Я вижу имя дедушки Маркуса; я знаю, потому что он говорил мне о нём.

— Это волеизъявление. Интересно, кто мог оставить копию завещания у нас на пороге? — размышляю я вслух, глядя на первую страницу, которая полна информации о дедушке Маркуса.

— Я не знаю. А есть записка?

Я засунула руку обратно в конверт, в полной уверенности, что там ещё что-то есть. Нашупав, я вытаскиваю маленький жёлтый листочек, на котором написано:

«Ты заслуживаешь правду».

Я показываю его Кэнди, и её глаза расширяются. Потом перевожу взгляд обратно на бумаги и начинаю просматривать их.

Мой взгляд скользит вниз по страницам, где подробно описано распределение его активов. Речь идёт о его доме, его финансах, но ничего необычного.

Зато на четвёртой странице я натываюсь на нечто, что полностью меняет весь мой мир. Я начинаю вчитываться в текст, у меня всё немеет. Волосы на затылке встают дыбом, когда отдельные слова вспыхивают перед глазами.

Бизнес.

Нужна жена...

В течение двенадцати месяцев.

Теряет всё, если он не будет женат.

У меня перед глазами всё плывёт, и я знаю, что Кэнди что-то кричит мне, но не могу разобрать ни слова. Стул подо мной скользит, когда я встаю в оцепенении.

Держа документы в руке, я, спотыкаясь, бреду к дому. Мысли бешено скачут, сердце бьётся в горле, но кажется, что всё происходит в замедленном темпе.

Я добираюсь до кухни, где нахожу его.

Я всё ещё как в тумане, потому что моя рука двигается по своей собственной воле, и соприкасается с его щекой. Это не пощечина, а сильный, коварный удар тыльной стороной ладони, что заставляет его взреветь от боли и сделать два шага назад. Тогда это происходит. Эмоции накатывают, и меня накрывает.

— Ты кусок дерьма, сволочь! — Я кричу так громко, что сама себя пугаю.

Меня трясёт от дурноты и осознания реальности. Кожа горит, сердце колотится, в животе крутит, в голове пульсирует от смеси ярости и ослепляющего горя, приобретая оттенок фатальности для моего рассудка. Маркус держится за щёку, не сводя глаз с бумаг в моей руке. Выражение его лица... *пустое*.

Такое же пустое, как я видела не раз прежде.

Пустое, потому что он не... *ничего не чувствует*.

Я же пустое место.

Контракт.

Я поднимаю на него глаза, и он, наконец, встречается со мной взглядом. Он не в шоке. Он не страдает. Он просто, бл. ть, пустой. Пустые, твою мать, карие глаза. Пустой, будь он проклят, человек.

— Это правда?

— Катя...

— Чёрт бы тебя побрал, ты, кусок дерьма, это, бл. ть, всё правда?!!

— К чёрту это, Катя.

— Не смей, бл. ть, — Я истошно кричу, меня колотит. — Я влюбилась в тебя, ты, больной ублюдок. А теперь скажи мне, ты, безвольный сукин сын. Отрасти себе яйца и, бл. ть, скажи мне!

— Да.

Одно единственное слово сокрушает мою душу.

Я сползаю на пол, бумаги разлетаются по кафелю. Утыкаюсь головой в руки, и ослепляющая боль, какой я никогда прежде не испытывала в своей жизни, рвёт моё тело на части. Я кричу в чистой агонии. Мне настолько больно и так плохо, что рвота подступает к горлу. Каждым дюймом тела чувствую, как меня разрывает на куски. Ничего. Я ничего не значу. Это всё ложь. Ничто из этого не было реальным.

Он не любит меня.

Я поднимаю голову, и дрожащими губами шепчу:

— Ты больной, ненормальный... — мой голос срывается, — жалкий неудачник, лузер. Что с тобой не так? Ты меня уничтожил. Ты забрал мое сердце, и просто разбил его.

Что-то мелькает на его лице, что-то ужасающее. Я смотрю, как он стирает все эмоции, которые он испытывал ко мне за последние несколько недель, скрывая их за стеной холодной, бездушной маски. Он замкнулся. Он просто *ушёл в себя*. Маркус делает шаг вперёд, наклоняется и шипит:

— Ты что, думала, что имеешь для меня значение, Катя?

И вот так, мой мир рушится окончательно. Я всего лишь пустышка. Он никогда не любил меня. Я ему даже *не нравилась*. Я была просто способом сохранить его бизнес. Громкий, истощный крик вырывается из моего горла, когда я смотрю на человека, который стал для меня целым миром. Этот человек просто разрушил всё.

— Имела значение? — шепчу. — Имела значение... Я никогда не имела значения, сейчас я знаю, но там было другое... что — то другое... Я думала, что что-то изменилось...

Что-то мелькает на его лице, но он натягивает маску невозмутимости.

— Ты ошибалась. Ты просто имя на листе бумаги для меня. Глупая, бестолковая, наивная маленькая девочка.

Удар.

Его слова, как удар по лицу.

— Ты даже, бл. ть, не нравилась мне.

Удар.

— Ты никогда ничего для меня не значила.

Удар.

— Всё это было сплошным дерьмом.

Удар.

— Полностью. Обычный перепих. Враньё.

Я отшатываюсь назад, приземлившись руками на пол. Интенсивное, опустошающее страдание разрывает мою душу. Моя голова плывёт, тело немеет и боль в сердце, я знаю, никогда не пройдёт. Он пробил дыру в самом моём существовании, он разорвал, растоптал меня, а потом отшвырнул меня обратно, окровавленную и сломанную.

— Уходи, Катя.

Его голос хлещет, как кнут.

— Что?

— *Уходи.* Я не хочу, чтобы ты оставалась здесь. Ты *не нужна* мне здесь. Убирайся на хер из моего дома.

Я вижу неподдельную ярость в его глазах, его челюсть напряжена, я знаю, что он сцепил зубы. Я вглядываюсь в него, по-настоящему рассматриваю. Такой красивый, на всю голову еб. нутый человек. Такое бессмысленное совершенство. Я с трудом поднимаюсь на ноги, хотя всё моё тело дрожит. Он хочет, чтобы я ушла. Я уйду.

— Я надеюсь, будь ты проклят, — говорю я, делая шаг назад. — Я надеюсь, что ты будешь видеть моё лицо каждый раз, когда ты будешь терять что-то в своей жизни. Я надеюсь, что в один прекрасный день твоё сердце вырвут и раздавят так же, как ты поступил с моим, но больше всего, Маркус Тандем, я надеюсь, что, Боже, кто-нибудь заставит тебя *заплатить*.

С этими словами я поворачиваюсь, поднимаю свою сумочку и выхожу. Я покидаю свой мир, оставляя ту Катю позади. Моя душа раздроблена. Моё сердце разбито. Я жалка и глупа, и я не знаю, смогу ли я когда-нибудь стать прежней. Душевная боль, я знаю, станет частью моей жизни, и я никогда не буду в состоянии изжить это.

Он *уничтожил* меня.

Прямо сейчас, я не могу даже дышать. Маркус забрал всё, чем я была, и раздавил это. Всё, во что я верила, было *ложью*. Он разрушил мою жизнь. Он растоптал меня. Он разбил моё сердце. Возможно, я дала обет перед Богом любить и уважать его, пока смерть не разлучит нас.

Я не смогу сдержать этот обет.

О чём это говорит?

Существует тонкая грань между любовью и ненавистью.

И она есть.

~ * ~ * ~ * ~

Маркус

Я колочу кулаком по столешнице снова и снова, меня раздирает на куски, когда я вижу, как она исчезает из моей жизни. Кровь сочится из костяшек пальцев, но это ничто по сравнению с болью в моём сердце. Это странные эмоции, которые я никогда не чувствовал, но эти слёзы убивают меня, разрывая мою душу в клочья. Моё сердце чувствует, что оно вот-

вот взорвётся, и непреодолимая потребность вцепиться в мою собственную грудь, чтобы остановить это, выводит меня из себя.

Всё должно было быть не так.

Я никогда не должен был *беспокоиться*.

Слова, которые я швырнул в неё, звучат снова и снова рефреном в моей голове, когда я борюсь с желанием упасть на колени и реветь в муках агонии. Она никогда не узнает, чем я пожертвовал. Она никогда не узнает, что я дал ей. Она никогда не узнает, что я просто освободил её.

— Что ты, мать твою, сделал?

Подняв голову, я вижу Мака, стоящего в дверях. Я не знаю, почему он здесь. Меня на самом деле это не волнует. Он выглядит сердитым. Я думаю, так оно и есть. Он всё знает. Он знает о Кате. Он знает, почему она была со мной. Он знает, что я проиграл.

— Я просто услышал, что ты сказал. Что с тобой случилось? Разве ты не понимаешь, что ты только что сделал? Что, бл. ть, руководило тобой, чтобы бросить всё, ради чего ты работал?

— Я отдал ей жизнь назад, её свободу... — бормочу я безучастно. Пустота начинает заполнять всё больше и больше мою жалкую душу.

— Я за то, чтобы быть хорошим парнем, дружище. Конечно, мне нравится Катя... но ты сделал выбор, чтобы сохранить свой бизнес. Ты принял меры. Ты непустишь это дерьмо на самотёк. Ты будешь бороться за него. Ты это исправишь. Сделаешь это лучшим образом. Отправить её прочь без боя означает, что ты потеряешь всё.

Я смеюсь, хрипло и горько.

— Ты ни хера не понимаешь, не так ли, Мак? Даже я могу видеть это так *ясно* теперь.

— Видеть что?

Я поворачиваюсь и смотрю на пустое место, место, где моя жена стояла всего пять минут назад, когда я уничтожил её мир, и её душу.

— Она и была *всё*!

***** Конец первого тома *****

Больше книг на сайте - Knigolub.net